

Індэкс: для індывідуальных падпісчыкаў - 00829
для арганізацый - 008292

ISSN 2218-0362

ВЕСНІК

Мазырскага
дзяржаўнага
педагагічнага
ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна

УО МГПУ имени И.П.Шамякина

ул. Студенческая, 28
247760, г. Мозырь,
Республика Беларусь
Тел.: (+375 236) 32 98 29
Факс: (+375 236) 32 43 31
E-MAIL: OMSIID@MSPU.BY

**MOZYR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
NAMED AFTER I.P. SHAMYAKIN**

STUDENCHESKAYA STREET, 28
247760 MOZYR
REPUBLIC OF BELARUS
TEL.: (+375 236) 32 98 29
FAX: (+375 236) 32 43 31
E-MAIL: OMSIID@MSPU.BY

ISSN 2218-0362. Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2016. №2(48). С.1-147.

2016 2(48)

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
МОЗЫРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. И.П. Шамякина

ВЕСНІК

Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна

Навуковы часопіс
Выдаецца з сакавіка 1998 года
Выходзіць 2 разы на год

№ 2(48) 2016

З М Е С Т

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Бахарев В. А., Позывайло О. П., Воробьева М. М., Мамажанов М. М., Лесничий Д. Ю.* АНАЛИЗ БИОРАЗНООБРАЗИЯ ГЕРПЕТОКОМПЛЕКСОВ ТЕРРИТОРИЙ г. МОЗЫРЯ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТЕПЕНИ АНТРОПОГЕННОГО ПРЕССА..... 3
- Бельй П. Н., Яковлев А. П., Жданец С. Ф., Козырь О. С., Мархель Н. Ю., Сидорович Е. А.* ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ДЕРЕВЬЕВ В СОСТАВЕ АЛЛЕЙНЫХ ПОСАДОК ЦЕНТРАЛЬНОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА НАН БЕЛАРУСИ..... 9
- Бодяковская Е. А., Крикало И. Н., Шестовец К. А.* СЕЗОННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА КОЛОДЕЗНОЙ ВОДЫ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ МОЗЫРСКОГО РАЙОНА 16
- Галиновский Н. Г., Кабышева А. А.* ЭКОЛОГО-ФАУНИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЖЕСТКОКРЫЛЫХ (ЕСТОГНАТНА, COLEOPTERA) ПРИБРЕЖНЫХ СООБЩЕСТВ РЕК СОЖ И ИПУТЬ В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДА ГОМЕЛЬ 22
- Дегтярева Е. И., Зинкевич О. В., Левковская М. Н.* БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРУШЕНИЙ РЕЧЕВОЙ ФУНКЦИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА г. ГОМЕЛЯ..... 30
- Журавский А. Ю., Пантарович В. В.* ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ НАГРУЗКИ В ГОДИЧНОМ ТРЕНИРОВОЧНОМ ЦИКЛЕ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ГРЕБЦОВ НА БАЙДАРКАХ И КАНОЭ 38
- Копытков В. В., Боровков А. В.* ВЛИЯНИЕ КОМПОЗИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ЛЕСОВОДСВЕННУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИ ЛЕСОВЫРАЩИВАНИИ.....43
- Лапцьева Л. Н., Индушко Г. И.* ЭКОТУРИЗМ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 51
- Ялута Г. Г., Котович И. В., Шакун В. В., Максименков М. В., Бальцерак М.* СОВРЕМЕННАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЧНОГО БОБРА (*CASTOR FIBER*) НА ТЕРРИТОРИИ ГПУ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЛАНДШАФТНЫЙ ЗАКАЗНИК «ЗВАНЕЦ» 58

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Бернгард Е. В.* ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ НА БРАК И СЕМЬЮ 63

<i>Болбас Г. В.</i> ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА ПРИРОДОСООБРАЗНОСТИ ВОСПИТАНИЯ В БЕЛАРУСИ XVI–XVII ВВ.....	68
<i>Герасимович Е. Н.</i> ГОТОВНОСТЬ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С СЕМЬЕЙ КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ.....	74
<i>Емельянова М. В.</i> ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ УНИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЙ «ПЕДАГОГИКА МНОГООБРАЗИЯ» И «ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»	79
<i>Ершова Н. В.</i> ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЕТЕРОГЕННОГО ОБЩЕСТВА	85
<i>Журлова И. В.</i> СОВРЕМЕННАЯ ИНКЛЮЗИВНАЯ ШКОЛА: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП УЧАЩИХСЯ	91
<i>Зайцева Н. В., Киттик А. М.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УМСТВЕННОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ (80–90-е годы XX века).....	97

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

<i>Басовец И. М.</i> СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДЕАВТОРИЗАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ» СО СМЕЖНЫМИ ТЕОРЕТИЧЕСКИМИ ПОНЯТИЯМИ (на материале англо- и белорусскоязычных публицистических текстов).....	101
<i>Кавалёва А. В.</i> ПЕРАЙМЕНАВАННІ ПРЫПЯЦКАГА ПАЛЕССЯ, УТВОРАНЫЯ АД АПЕЛЯТЫВАЎ З СІМВАЛІЧНЫМ ЗНАЧЭННЕМ.....	107
<i>Кошман П. Р.</i> АСАБЛІВАСЦІ БУДОВЫ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ВОБРАЗУ СВЕТУ Ё БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ ТРАДЫЦЫІ.....	112
<i>Лобан Т. В.</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ	117
<i>Стрижак А. Л.</i> СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИКИ НАЧАЛА XXI В.).....	124
<i>Чалагаева В. В.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ХРОНИКЕ.....	129
<i>Янковская С. А.</i> СУФФИКСАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА В АСПЕКТЕ МЕЖСИСТЕМНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ (РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК/ГОВОРЫ).....	134
ПЕРСАНАЛІІ	140
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	146

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 598.1:502.1 (476.2)

В. А. Бахарев¹, О. П. Позывайло²**М. М. Воробьева³, М. М. Мамажанов⁴, Д. Ю. Лесничий⁵**¹Кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры биологии,
МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь²Кандидат ветеринарных наук, доцент, доцент кафедры биологии,
МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь³Магистр биологических наук, аспирант кафедры зоологии,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь⁴Учитель биологии, ГУО «Средняя школа № 6 г. Калинковичи»,
магистрант технолого-биологического факультета,
МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь⁵Учитель биологии,

УО «Несвижская государственная белорусская гимназия», г. Несвиж, Беларусь

**АНАЛИЗ БИОРАЗНООБРАЗИЯ ГЕРПЕТОКОМПЛЕКСОВ ТЕРРИТОРИЙ г. МОЗЫРЯ
И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ СТЕПЕНИ АНТРОПОГЕННОГО ПРЕССА**

Представлены результаты исследования видового состава герпетофауны в биотопах с интенсивным и средним уровнем антропогенного воздействия, проведен сравнительный анализ плотности поселения исследуемых видов в изучаемых биотопах. На территориях, подвергающихся интенсивной антропогенной нагрузке (Бобровское озеро № 1), отмечены травяная (*Rana temporaria*, L.) и остромордая лягушка (*Rana arvalis*, N.), в то время как на территориях со средним уровнем антропогенного воздействия (Бобровское озеро № 2) – краснобрюхая жерлянка (*Bombina bombina*, L.), чесночница обыкновенная (*Pelobates fuscus*, L.), травяная лягушка (*R. temporaria*), остромордая лягушка (*R. arvalis*) и съедобная лягушка (*Pelophylax esculenta*, L.).

Среди пресмыкающихся на урбанизированных территориях встречаются следующие виды: прыткая ящерица (*Lacerta agilis*, L.), живородящая ящерица (*Zootoca vivipara*, L.) и уж обыкновенный (*Natrix natrix*, L.), однако на территориях с интенсивным антропогенным прессом был отмечен только один вид – прыткая ящерица.

Прямое и косвенное влияние человека на герпетофауну крайне негативно, что связано с прямым и косвенным уничтожением животных и их местообитаний. Даже такие толерантные виды, как прыткая ящерица и травяная лягушка, в итоге исчезают из территорий, активно используемых человеком.

Ключевые слова: амфибии, краснобрюхая жерлянка, чесночница обыкновенная, остромордая лягушка, травяная лягушка, съедобная лягушка, прудовая лягушка, пресмыкающиеся, прыткая ящерица, живородящая ящерица, уж обыкновенный, антропогенный пресс.

Введение

В «Национальной стратегии и плане действий по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия Республики Беларусь» [1] содержится перечень наиболее важных мер по реализации основных положений. Здесь определены приоритетные направления практической деятельности по сохранению и использованию природных биологических ресурсов. Именно при разработке стратегии большое внимание уделяется программам устойчивого социально-экономического развития отдельных регионов, одним из которых является Мозырско-Припятский природно-экономический регион. Здесь сосредоточены довольно крупные объекты промышленности и сложного аграрного комплекса, которые, наряду с интенсивным развитием края, создают определенные негативные изменения природных экосистем и окружающей среды. Это и крупнейшие разработки полезных ископаемых в регионе,

и интенсивные мелиоративно-осушительные работы, проводившиеся в 70-е годы прошлого столетия, и повышенное радиоактивное загрязнение.

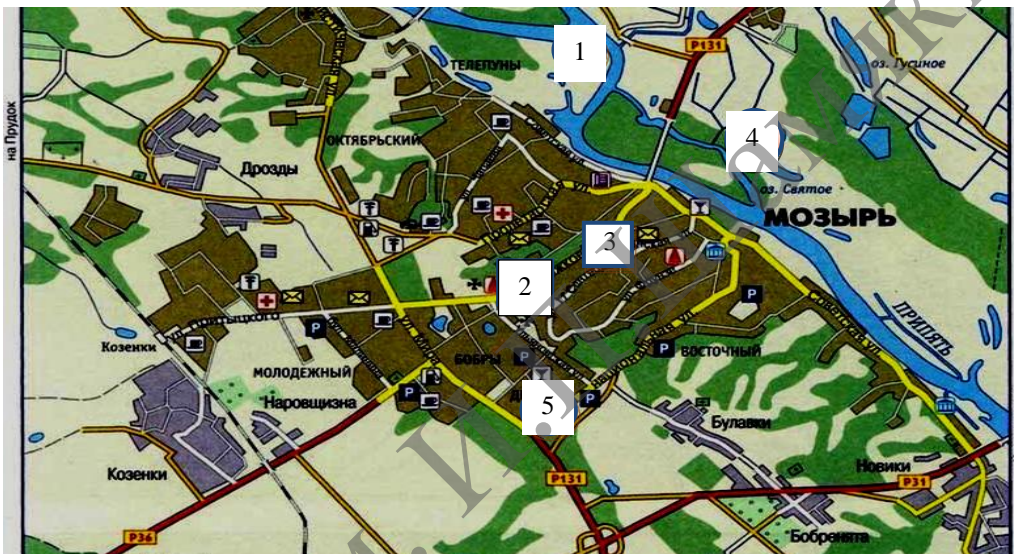
Именно поэтому крайне важно дать оценку влияния антропогенного пресса на динамику биоразнообразия экосистем. Исходя из этого, **целью исследований** явилось изучение динамики биоразнообразия герпетофауны в зависимости от степени воздействия человека. В связи с этим в работе были поставлены следующие **задачи**:

1. Выявить видовой состав амфибий и рептилий в биотопах с интенсивным и умеренным влиянием человека.

2. Сравнить плотность поселений изучаемых видов в обследуемых биотопах.

3. Определить виды герпетофауны, толерантные к воздействию человека.

Материал и методы исследования. Материал был собран за период полевых сезонов в весенне-летний период 2011–2014 годов. Кроме этого, привлечены наблюдения более ранних годов – 1995–2003. Работа была проведена на выбранных по общепринятой методике стационарах [2]. Всего было заложено 5 пробных площадок (рисунок 1).

Участок 1 – Пхов; участок 2 – озера № 1 и № 2, Бобры; участок 3 – овраги района кургана Славы; участок 4 – левый берег р. Припять; 5 – лесопарк «Молодёжный».

На каждой точке проводилось определение видового состава, выявлялись: плотность поселения, возрастная и половая структура и изучались особенности экологии конкретных видов герпетофауны.

Участки №№ 2, 3 – интенсивное антропогенное воздействие (высокая частота посещаемости территории людьми и ее загрязнение бытовым мусором), а №№ 1, 4, 5 – средний уровень антропогенного пресса

Рисунок 1. – Точки сбора материала

Результаты исследования и их обсуждение

А. Видовой состав амфибий на сравниваемых территориях

В городе Мозыре и его окрестностях встречаются представители семейства жерлянок (Bombinatoridae) – краснобрюхая жерлянка (*B. bombina*), семейства чесночниц (Pelobatidae) – чесночница обыкновенная (*P. fuscus*), семейства лягушек (Ranidae) – остромордая лягушка (*R. arvalis*), травяная лягушка (*R. temporaria*), съедобная лягушка (*R. esculenta*) и прудовая лягушка (*P. lessonae*).

В ходе исследований Бобровского озера (точка 2 – № 1 и № 2) и водоема Пхов (точка 1) было установлено видовое отличие. На Бобровском озере № 1 отмечены: травяная (*R. temporaria*) и остромордая лягушки (*R. arvalis*). Менее посещаемое людьми Бобровское озеро № 2 освоили: краснобрюхая жерлянка (*B. bombina*), чесночница обыкновенная (*P. fuscus*), остромордая (*R. arvalis*), травяная (*R. temporaria*) и съедобная лягушки (*P. esculenta*). Пхов – лишь прудовая лягушка (*P. lessonae*). Это подтвердилось и при расчетах индекса видового разнообразия по Шеннону. Именно на Бобровском озере № 2 он оказался наибольшим.

Быстро развиваются головастики травяной лягушки (*R. temporaria*) и чесночницы обыкновенной (*P. fuscus*), а медленно – головастики прудовой лягушки (*P. lessonae*). Промежуточное положение занимают по скорости развития головастики остромордой лягушки, краснобрюхой

жерлянки и съедобной лягушки. Это различие объясняется временем выхода с зимовок и началом размножения, а также важную роль играет температура воды в период развития. Несомненно, в натальном развитии бесхвостых амфибий играет расположение исследуемого водоема.

Сроки пробуждения и появления земноводных в местах размножения, а также появления первых кладок существенно отличаются по годам и зависят, прежде всего, от погодных условий. Так, первые кладки травяной лягушки (*R. temporaria*) в 2011 году были обнаружены 16 апреля при температуре воды от +12 до +14°C. Массовое размножение и образование крупных брачных скоплений наблюдалось в середине апреля и продолжалось до конца месяца, с начала мая новых кладок не наблюдалось, лягушки в основном покинули места размножения. В это же время были обнаружены кладки краснобрюхой жерлянки (*B. bombina*), чесночницы обыкновенной (*P. fuscus*) и остромордой лягушки (*R. arvalis*).

В 2012 году 14 апреля при температуре +12°C были обнаружены кладки травяной лягушки (*R. temporaria*). К 27 апреля размножение закончилось, новых кладок не обнаружено и лягушки покинули места размножения. В этом же году к концу месяца (28.04) были обнаружены кладки съедобной (*P. esculenta*) и прудовой лягушек (*P. lessonae*) при температуре от +16 до +18°C.

В 2013 году первые кладки травяной лягушки (*R. temporaria*) были обнаружены 17 апреля при температуре воды от +10 до +12°C. Однако следует отметить, что массовый выход был значительно раньше, но из-за резкого похолодания погибло множество особей. Массовое размножение закончилось 24 апреля, и особи покинули водоем. Рядом с кладками травяной лягушки 22 апреля были обнаружены кладки зеленой жабы (*B. viridis*) в виде шнуров, переплетающихся кладки травяной лягушки (*R. temporaria*). В отличие от травяной лягушки, (*R. temporaria*) зеленая жаба размножалась до конца апреля, а именно 27.04. 26 апреля были обнаружены первые кладки съедобной лягушки (*P. esculenta*) при температуре от +15 до +17°C.

Сравнивая полученные нами данные с исследованиями, проводимыми в предыдущие года, можно сделать вывод, что из-за сдвигов в погодных условиях, которые происходят в последние 3–4 года, выход земноводных и начало размножения смещаются. Если с 1995 по 2003 лидирующим был месяц март, то в 2011–2013 гг. – апрель.

Соответственно сдвигается и период откладки икры и развитие головастиков. В большей степени важным компонентом является температурный показатель. Чем выше температура, тем быстрее развиваются головастики. Но, несмотря на это, быстрее всех развиваются головастики зеленой жабы (*B. viridis*), что происходит за 45–55 дней. Размеры вышедших на сушу сеголеток составляют всего 14–16 мм, в то время как взрослые особи достигают 140 мм в длину. Следующее место в развитии головастиков занимают головастики травяной лягушки (*R. temporaria*) – 50–90 суток, и чесночницы обыкновенной (*P. fuscus*) – 56–110 суток. Наиболее медленно развиваются головастики прудовой лягушки (*P. lessonae*). Промежуточное положение занимают по скорости развития головастики остромордой лягушки (*R. arvalis*) – 60–70 дней, краснобрюхой жерлянки (*B. bombina*) – 51–74 дней и съедобной лягушки (*P. esculenta*) – 60–65 дней. Необходимо также отметить, что личинки амфибий, вылупившиеся из икринок, отложенных одной определенной лягушкой, с первых дней растут и развиваются неравномерно. В результате очень скоро между особями из одной кладки возникает существенная разница в размере и в развитии, т. е. срабатывает «эффект группы», что позволяет предотвратить чрезмерный рост числа амфибий.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что в пределах г. Мозыря, в интенсивно урбанизированной зоне, в целом существуют условия, необходимые для размножения некоторых видов земноводных. Наиболее приспособилась к таким условиям существования травяная лягушка (*R. temporaria*), которая каждый год мечет икру в один и тот же водоем. Остальные виды также приспособились, но отличаются лишь тем, что они то мигрируют, то исчезают из данной местности. Особенностью 2013 года было появление зеленой жабы (*B. viridis*) на Бобровском озере № 2, которая в предыдущие года здесь не встречалась.

Несмотря на низкую чувствительность травяных лягушек (*R. temporaria*) к загрязнению водоемов по сравнению с другими видами, в слишком загрязненной, как правило, бытовыми отходами воде они не живут, результатом чего является исчезновение этого вида на Бобровском озере № 1.

Начало икрометания и продолжительность развития головастиков на урбанизированных территориях зависит от температурных условий водоема. Если это мелкий, хорошо прогреваемый водоем, который не загрязняется органическими веществами, то головастики развиваются в зависимости от своих физиологических особенностей в минимальный срок. В то же время в более

глубоком менее прогреваемом водоеме головастики развиваться медленнее. Если же водоем подвержен органическим загрязнениям, то период развития головастиков удлиняется. На наших водоемах четко видно, что амфибии в таком случае не откладывают там икру.

Плотности поселений выявленных видов

В Гомельской области, на окраине Мозыря, в точке Пхов в 2012 году, справа от реки Припять, а слева от проезжей части был замечен небольшой водоем, который со всех сторон хорошо прогревается солнцем. За весь период исследований в данном водоеме было насчитано 70 особей прудовой лягушки (*P. lessonae*) на 40 м² береговой линии. Можно сказать, что плотность поселения прудовой лягушки (*P. lessonae*) на водоеме в точке Пхов составляет 750 ос/га. В то же время плотность поселений этого вида в экспериментальных водоёмах была на 30% ниже.

Такая же картина отмечается и по чесночнице обыкновенной. На территории города Мозыря чесночницу удалось повстречать на Бобровском озере № 2. На 40 м² береговой линии было отмечено лишь 43 особи. Можно предположить, что плотность поселения составляет 430 особей на территории в 1 гектар.

На определенных участках ее количество может составлять от 100 до 800 ос/га. Увидеть их можно лишь вечером или рано утром и очень редко днем, так как в это время она находится в убежище. В контроле и эксперименте плотность вокализирующих особей колебалась в одинаковых пределах (от 2-х до 4-х особей на кв. м. водной поверхности).

Таким образом, проведенные исследования выявили видовые различия у земноводных, что отмечалось и другими исследователями [3].

Б. Видовой состав пресмыкающихся на сравниваемых территориях

На всех участках отмечен фоновый вид *Lacerta agilis*. Кроме этого, на сыром участке луга в Пхове поймана *Zootoca vivipara*, а в рукаве реки Припять видели охотящегося *Natrix natrix*, что вполне объяснимо, т. к. здесь отмечен небольшой, хорошо прогреваемый солнцем водоем. Плотность поселения прудовой лягушки (*P. lessonae*) на этом водоеме в стороне Пхов составляет 750 ос/га, что сопоставимо с данными по Припятскому национальному парку [4]. Такая относительно высокая плотность пищевых объектов привлекла сюда ужей. Наличие живородящей ящерицы объясняется оптимальными экологическими условиями для вида, именно среднего уровня антропогенного пресса. Наиболее толерантным видом оказалась прыткая ящерица.

Характеристика пространственной структуры и плотности поселений в биотопах с интенсивным влиянием человека

Для выяснения характера распределения, численности, суточной и сезонной активности проведены учеты ящериц по общепринятым методикам на трансектах, постоянных площадках. Размер учетных площадок составил (50–200) × (2–4) м и зависел от степени пересеченности биотопа, уровня проективного покрытия и высоты травостоя.

На рисунке 2 схематически отображены данные о перемещении взрослых особей прыткой ящерицы в границах населенных биотопов.

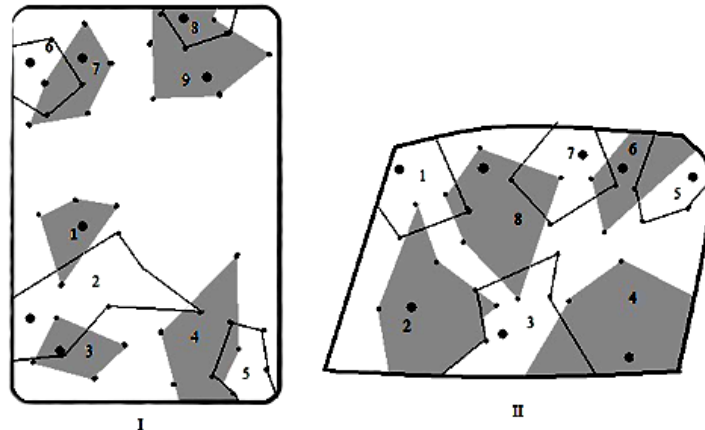
По полученным данным, длина дневных перемещений ящериц неодинакова в различных биотопах и варьирует от 25 до 80 м. Необходимо отметить, что на участке 3 было зарегистрировано лишь небольшое поселение (порядка 10 особей) прыткой ящерицы. Вместе с тем участок 2 характеризовался значительно большей численностью ящериц данного вида.

В соответствии с данными научной литературы, длина дневных перемещений ящериц весной на 20–50% больше, чем, летом и осенью. Такая разница в особенностях перемещений может быть объяснена не только усиленными поисками корма, но и проходящим весной периодом размножения. В исследуемый период значительных отличий в начале и в конце исследования не наблюдалось, что связывается с сокращенными сроками исследования и достаточно равномерным температурным режимом с середины июня по сентябрь. Отмечено незначительное уменьшение продолжительности дневной активности прыткой ящерицы в связи с сокращением светового дня.

Пространственная структура популяции достаточно сложна. Неравномерность расселения определяется неравноценностью отдельных участков как большей территории, так и внутри одного биотопа.

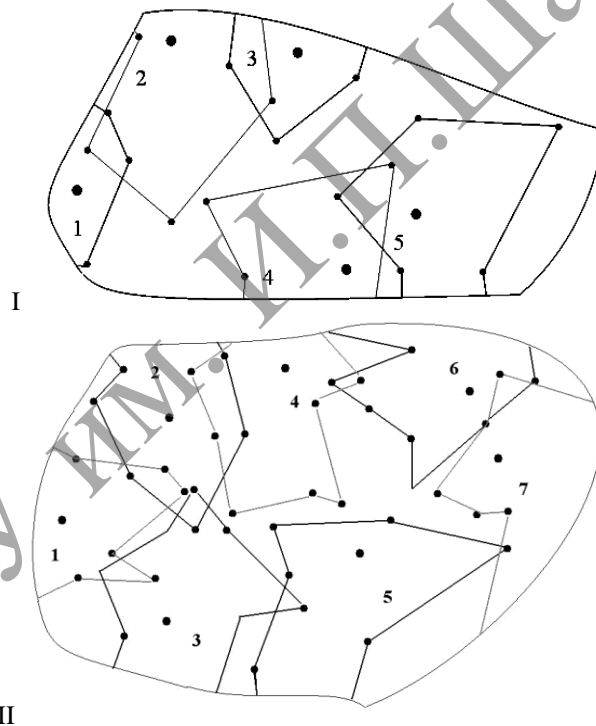
Следует отметить, что границы между различными типами поселений являются подвижными: после выхода молодняка, территория, занимаемая поселениями *L. agilis*, резко увеличивается за счет распространения молодых особей по соседству с индивидуальной территорией самки.

Характеристика пространственной структуры и плотности поселений в биотопах со средним уровнем влияния человека. Плотность поселений здесь значительно выше. На рисунке 3 схематически отображены данные о перемещении взрослых особей прыткой ящерицы в границах населенных биотопов.

I – в биотопе с редким кустарником (участок 3), II – луг, поросший редкими злаками (участок 2). Цифрами обозначены индивидуальные границы обитания особей, черным цветом отмечены главные норки, серым – места встреч меченых особей, линиями отмечены индивидуальные границы территории

Рисунок 2. – Схема пространственного распределения взрослых особей прыткой ящерицы на участках 2 и 3

I – в биотопе березняк разнотравный (участок 4), II – в биотопе злаковый луг (участок 1). Цифрами обозначены индивидуальные границы обитания особей, черным цветом отмечены главные норки, серым – места встреч меченых особей, линиями отмечены индивидуальные границы территории

Рисунок 3. – Схема пространственного распределения взрослых особей прыткой ящерицы на участках 1 и 4

По полученным данным, длина дневных перемещений ящериц неодинакова в различных биотопах и варьирует от 45 до 120 м в биотопе злаковый луг, и от 15 до 110 м в березняке разнотравном участка 4. Таким образом, в открытых биотопах ящерицы передвигаются на более значительные расстояния, чем в закрытых.

Сравнивая данные рисунков 2 и 3, отмечаем, что если на участках с интенсивным антропогенным прессом длина дневных перемещений составляла лишь 25–80, то при среднем антропогенном прессе уже от 45 до 120 метров.

Следует заметить, что границы между различными типами поселений являются подвижными: после выхода молодняка, территория, занимаемая поселениями *L. agilis*, резко увеличивается за счет распространения молодых особей по соседству с индивидуальной территорией самки.

Выводы

Проведенные исследования позволили сделать следующие *выводы*:

Территория с интенсивным антропогенным прессом (водоём № 1) характеризуется наличием травяной (*R. temporaria*) и остромордой лягушки (*R. arvalis*). На менее посещаемом Бобровском озере № 2 обитают краснобрюхая жерлянка (*B. bombina*), чесночница обыкновенная (*P. fuscus*), остромордая (*R. arvalis*), травяная (*R. temporaria*) и съедобная лягушки (*P. esculenta*).

Из пресмыкающихся на территориях со средним уровнем антропогенного пресса встречаются прыткая ящерица (*L. agilis*), живородящая ящерица (*Z. vivipara*) и уж обыкновенный (*N. natrix*), а на участках с интенсивной антропогенной нагрузкой – прыткая ящерица.

Сравнение плотности поселений изучаемых видов в обследуемых биотопах показало, что если на участках с интенсивным антропогенным прессом протяженность дневных перемещений ящериц составляла 25–80 м, то при среднем антропогенном прессе – от 45 до 120 м, что отражается на показателях плотности.

Наиболее толерантными к воздействию человека являются травяная лягушка и прыткая ящерица. Однако, несмотря на низкую чувствительность травяных лягушек (*R. temporaria*) по сравнению с другими видами к загрязнению водоемов, в слишком загрязненной воде они не живут. Это подтверждает исчезновение этого вида на Бобровском озере № 1.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная стратегия и План действий по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия Республики Беларусь. – Минск : Конкордия, 1997. – 43 с.
2. Пикулик, М. М. Пресмыкающиеся Беларуси / М. М. Пикулик, В. А. Бахарев, С. В. Косов. – Минск : Наука и техника, 1988. – 166 с.
3. Земноводные Беларуси: распространение, экология и охрана / С. М. Дробенков [и др.] ; под общ. ред. С. М. Дробенкова. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 215 с.
4. Биологическое разнообразие Национального парка «Припятский» и других особо охраняемых природных территорий : сб. науч. тр. Нац. парка «Припятский» / сост. и отв. за выпуск А. В. Углянец. – Туров-Мозырь : Белый ветер, 1999. – 360 с.

Поступила в редакцию 03.03.16

E-mail: ldu9999knh@mail.ru

V. A. Bakharev, O. P. Poznyavaylo, M. M. Vorobyova, M. M. Mamazhanov, D. Yu. Lesnichiy

THE ANALYSIS OF THE BIODIVERSITY OF HERPETOKOMPLEKS OF TERRITORIES OF g. of MAZYR AND ITS VICINITIES DEPENDING ON DEGREE OF THE ANTOPOGENNY PRESS

The research results of species composition of herpetofauna in biotops with high and medium levels of anthropogenic impact were presented. Also the comparative analysis of population density of studying species in this biotops were fulfilled. *Rana temporaria* and *Rana arvalis* were found in the territories which are undergoing intensive anthropogenic influence, and in the territories with medium anthropogenic impact *Bombina bombina*, *Pelobates fuscus*, *Rana temporaria*, *Rana arvalis* and *Pelophylax esculenta*, were noticed.

Among reptiles in the urbanized territories following species can be found: *Lacerta agilis*, *Zootoca vivipara*, *Natrix natrix* but in the territories with intensive anthropogenic level only *Lacerta agilis* was noticed.

Direct and indirect anthropogenic effect on herpetofauna are extremely negative, due to the direct and indirect destruction of the animals and their habitats. *Rana temporaria* and *Lacerta agilis*, which is highly tolerant species, disappears from territories that are actively used by people.

Keywords: *Bombina bombina*, *Pelobates fuscus*, *Rana arvalis*, *Rana temporaria*, *Pelophylax esculenta*, *Pelophylax lessonae*, reptilian, *Lacerta agilis*, *Zootoca vivipara*, *Natrix natrix*, anthropogenic level.

УДК 630.27(476.1):581.522:581.6

П. Н. Белый¹, А. П. Яковлев², С. Ф. Жданец³, О. С. Козырь⁴, Н. Ю. Мархель⁵, Е. А. Сидорович⁶

¹Кандидат биологических наук, ГНУ «Центральный ботанический сад НАН Беларуси»,
лаборатория экологической физиологии растений, старший научный сотрудник,
г. Минск, Беларусь

²Кандидат биологических наук, доцент, ГНУ «Центральный ботанический сад НАН Беларуси»,
лаборатория экологической физиологии растений, заведующий лабораторией,
г. Минск, Беларусь

³ГНУ «Центральный ботанический сад НАН Беларуси»,
лаборатория экологической физиологии растений, ведущий инженер, г. Минск, Беларусь

⁴ГНУ «Центральный ботанический сад НАН Беларуси»,
лаборатория экологической физиологии растений, г. Минск, Беларусь

⁵ГНУ «Центральный ботанический сад НАН Беларуси»,
лаборатория экологической физиологии растений, ведущий инженер, г. Минск, Беларусь

⁶Доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси,
ГНУ «Центральный ботанический сад НАН Беларуси»,
лаборатория экологической физиологии растений, главный научный сотрудник,
г. Минск, Беларусь

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ДЕРЕВЬЕВ В СОСТАВЕ АЛЛЕЙНЫХ ПОСАДОК ЦЕНТРАЛЬНОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА НАН БЕЛАРУСИ

В статье приводятся данные о результатах проведенных работ по оценке состояния и аварийной опасности деревьев в составе аллеиных посадок Центрального ботанического сада НАН Беларуси.

*По доле участия деревьев высокой и очень высокой категорий аварийной опасности обследованные аллеи можно расположить в следующий ряд возрастания: **Sorbus aucuparia** > **Picea abies** > **Populus nigra** > **Betula pendula** > **Acer saccharinum** > **Juglans mandshurica** > **Malus prunifolia** > **Fraxinus pennsylvanica** > **Prunus maackii** > **Quercus robur** > **Tilia cordata**.*

Состояние аллеиных посадок березы повислой, клена серебристого и ореха маньчжурского можно оценить как удовлетворительное, аллеиных посадок рябины обыкновенной, ели европейской, тополя черного – как хорошее. В неудовлетворительном состоянии находятся аллеиные посадки крeба, ясеня пенсильванского, дуба черешчатого и липы мелколистной.

С целью предотвращения распада аллеиных посадок и их преждевременной гибели, сохранения и повышения их функциональной эффективности и эстетической выразительности необходимо дальнейшее вмешательство, направленное на поддержание жизнедеятельности растений путем проведения комплексных компенсаторных мероприятий по снижению потенциальной опасности аварийных деревьев, уходу за молодыми посадками и своевременной замене удаленных деревьев.

Ключевые слова: аварийное дерево, дефект, насаждения, аллеиные посадки, Центральный ботанический сад НАН Беларуси

Введение

Функционирование урбанизированных территорий в настоящее время связано со значительными и сложными воздействиями социального, экономического и экологического характера, которые могут как способствовать сохранению и устойчивому развитию, так и наносить ущерб окружающей среде. Данное обстоятельство особенно подчеркивает значение экологически обоснованного ведения зеленого хозяйства крупных городов, поскольку, если сеть объектов зеленого строительства организована и управляется неправильно, это ведет к деградации зеленых насаждений, ставит под угрозу их дальнейшее существование. Городская среда резко отличается от естественной природной практически по всем экологическим

параметрам. В таких условиях особое место занимают все компоненты зеленого каркаса города, выполняющие важные экологические и социальные функции (санирующие, средообразующие, природоохранные, рекреационные, архитектурно-планировочные и др.). В условиях интенсивного загрязнения городской среды растительность является самовозобновляющейся составляющей природного комплекса, нейтрализующей техногенное загрязнение, создающей благоприятные микроклиматические условия.

Поэтому важным механизмом устойчивого функционирования урбанизированных территорий является рациональное экологически сбалансированное планирование и управление их развитием. При этом организация экологически и социально ориентированной структуры ландшафтно-рекреационных территорий в городах страны является одной из ведущих задач, определяющей устойчивость городских экосистем и здоровую среду обитания горожан [1].

Деревья делают комфортным наше пребывание на открытом воздухе – в лесах, в парках или в районе обычной городской застройки. Вместе с тем, высокая плотность населения и значительные материальные ценности, сконцентрированные в пределах урбанизированных территорий, требуют особого отношения к потенциально опасным элементам зеленых насаждений. Зачастую мы не осознаем риски, связанные с повреждениями деревьев, которые могут привести к травме и порче имущества. Вопрос необходимости удаления аварийно опасных деревьев чаще поднимается в последние годы в целях обеспечения безопасности, урегулирования ответственности в результате их обрушения и желания предотвратить несчастные случаи.

Целью проведенного исследования являлась оценка текущего состояния и аварийности деревьев в аллейных посадках на территории Центрального ботанического сада НАН Беларуси (ЦБС НАН Беларуси).

Методы и объекты исследования

Исследование проведено в 2014–2015 гг., объект исследований – древесные растения, произрастающие в аллейных посадках ЦБС НАН Беларуси.

Территория ботанического сада, общей площадью свыше 90 га, разделена аллейными посадками деревьев местной и мировой дендрофлоры. В 1932 году, когда было принято решение об организации Центрального ботанического сада академии наук БССР, свыше 70% выделенной площади находилось под низкорослым сосновым лесом. Именно в тот период произошло основное разделение территории сада на секторы при помощи закладки аллейных посадок. В 1932–1933 гг. были созданы аллеи дуба черешчатого, черемухи Маака, клена серебристого, креба и ореха маньчжурского, в послевоенный период – аллеи ели европейской, тополя черного, тополя канадского (в настоящее время аллея полностью вырублена), березы повислой и липы мелколистной. В системе единого парково-ландшафтного ансамбля ЦБС НАН Беларуси аллейные посадки указанных мелко- и широколиственных аборигенных и интродуцированных древесных пород являются ценными историческими и эстетическими объектами. Поскольку одним из ключевых факторов аварийной опасности является возраст растений, именно аллейные посадки послужили объектом детальных наблюдений и оценки аварийности. Схематическое расположение обследованных аллей представлено на рисунке.

Основным методологическим подходом при проведении исследований служила визуальная оценка с использованием критериев аварийности древесных объектов, предложенных в [2], [3]. Деревья тщательно осматривались. Проверялись все части дерева, включая корни, корневые отростки, выступающие над землей, главный несущий ствол и прилегающие ветви. Для осмотра ветвей, расположенных высоко над землей, использовали бинокль. Деревья, отнесенные к аварийно опасным, заносились в полевой журнал с пометкой о состоянии. Кроме того для каждого потенциально опасного объекта отмечались географические координаты места их произрастания. Определение географических координат проводилось при помощи GPS-приемника Garmin GPSmap 62s.

На основании полученных данных была составлена картосхема аварийно опасных деревьев, произрастающих в аллейных посадках ЦБС НАН Беларуси.

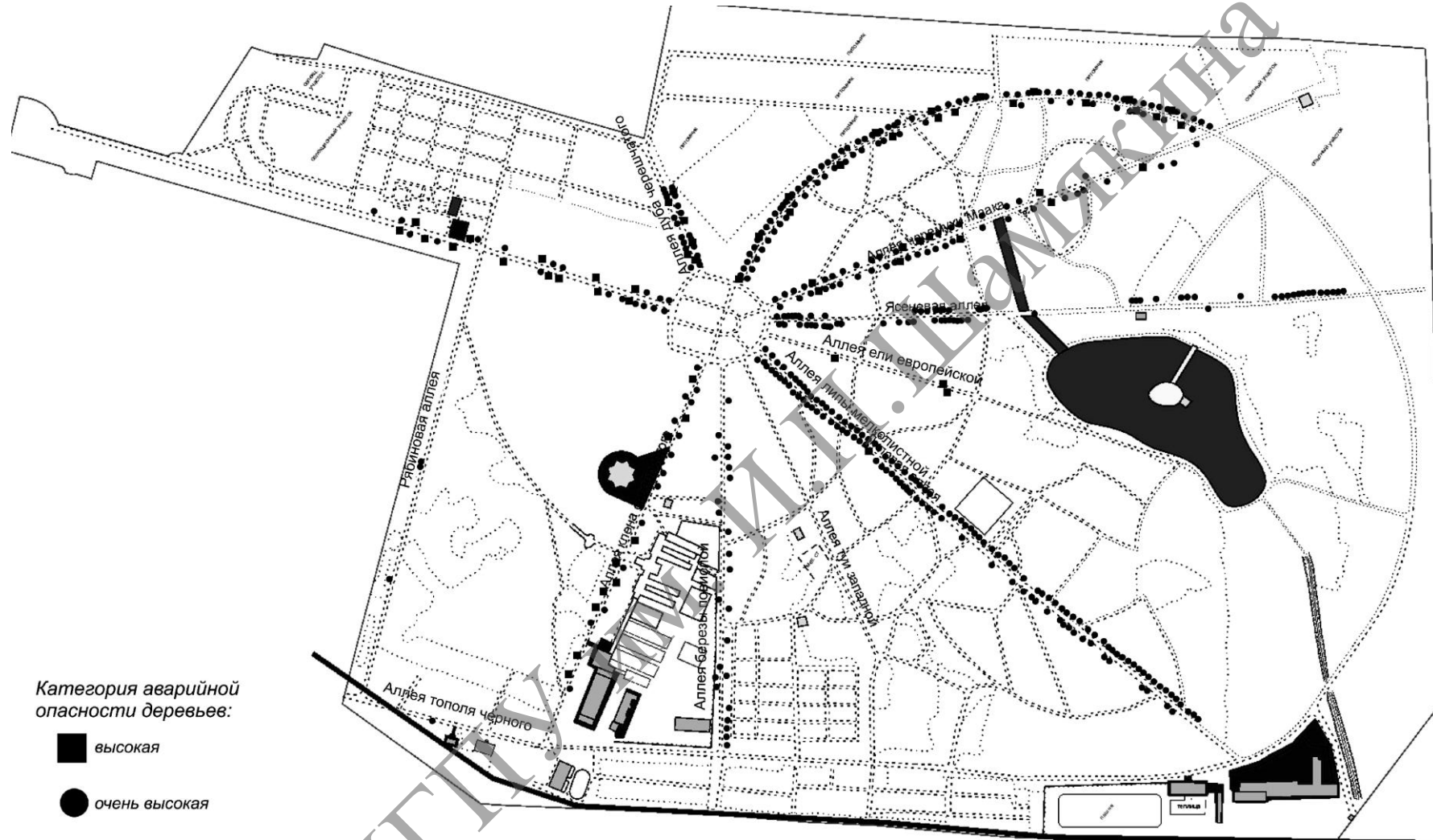

Рисунок – Схема размещения аварийных деревьев в аллеиных посадках на территории Центрального ботанического сада НАН Беларуси

Результаты исследования и их обсуждение

В условиях урбанизированной среды зеленые насаждения приобретает особую актуальность. Однако повышенная загазованность, запыленность и задымленность воздуха, особенности температурного и водного режимов воздуха и почвы, неблагоприятные химические и физико-механические свойства почвы, наличие каменных, бетонных и металлических поверхностей, асфальтовое покрытие улиц и площадей, наличие подземных коммуникаций и сооружений в зоне корневой системы, дополнительное освещение растений в ночное время, интенсивный режим использования городских насаждений населением обуславливают специфичность экологической среды города и ее резкое отличие от естественной обстановки, в которой сформировались биологические и экологические особенности растений.

Деревья как важнейший долговечный элемент урбанизированного ландшафта постепенно накапливают структурные дефекты, приводящие в конечном итоге их к состоянию, в котором они представляют потенциальную угрозу, т.е. являются аварийно опасными. Хотя территория ЦБС НАН Беларуси не подвергается всему спектру антропогенных нагрузок, характерных для крупного мегаполиса, в силу длительности своего существования отдельные элементы древесных насаждений сада уже утратили и не выполняют в полной мере свои функции. В первую очередь это относится к деревьям в аллейных посадках, организованных в 1930-е и первые послевоенные годы.

Аллея березы повислой (*Betula pendula* Roth). На момент обследования в составе аллеи представлено 182 дерева, из которых 71 недавно посаженные в ходе ее омоложения (39% общего числа обследованных деревьев). Остальные деревья (111, или 61%) отнесены по результатам оценки к той или иной категории аварийной опасности (таблица). На деревья, отнесенные к низкой категории, приходится основная масса всех деревьев аллеи, имеющих признаки аварийности – 69 (или 37,9% общего числа), 21 дерево (11,5%) характеризуется умеренной категорией аварийной опасности, 18 (9,9%) – очень высокой, 3 дерева (1,6%) имеют признаки высокой категории аварийности. Деревья с высокой и очень высокой степенью аварийной опасности составляют немногим более 10%. Это может быть связано с относительной недолговечностью березы повислой, поскольку среди первых посаженных деревьев, уже достигших возраста спелости, отмечено большинство аварийных деревьев.

Аллея дуба черешчатого (*Quercus robur* L.). Одна из немногих аллей ботанического сада, в которых большинство деревьев сохранилось с момента посадки и пока еще не достигло возраста спелости. Компенсаторные посадки растений в аллее, характеризующейся сравнительно небольшой протяженностью, в последние годы не проводились. Обследование относительно небольшого общего количества деревьев (таблица) показало, что более половины их (51,2%) отнесены к категории очень высокой аварийной опасности, а около 10% – к категории высокоаварийных деревьев. В основном это достигается за счет наличия на обследованных деревьях крупных сухих ветвей (с диаметром более 10 см), а в единичных случаях также повреждения покровных тканей на значительной протяженности ствола.

Аллея ели европейской (*Picea abies* (L.) H. Karst.). Аллейные посадки ели европейской 70-летнего возраста характеризуются незначительным участием деревьев с высокой степенью аварийной опасности. Из 97 обследованных деревьев выявлено всего 4 дерева (4,1%) с высокой степенью аварийности. Деревьев с высшей категорией отмечено не было. Основная масса обследованных деревьев (74, или 76,3%) отнесена к 1 категории аварийной опасности.

Аллея клена серебристого (*Acer saccharinum* L.). В составе аллейных посадок клена серебристого насчитывается 182 дерева, из которых более 80 деревьев (45,1% общего числа) посажено в последние 7–12 лет. Еще 33 обследованных дерева, высаженные в 2005 году, также характеризуются отсутствием каких-либо видимых признаков аварийности. Среди более крупных растений аллеи отмечены все категории аварийной опасности, причем на 1 категорию приходится 33 дерева (18,1% общего числа), на 2 – 28 (15,4%). К категориям с высокой степенью аварийности отнесено 24 дерева: 10 (5,5%) имеют высокую степень аварийности, еще 14 (7,7%) характеризуются очень высокими показателями аварийности.

Аллея яблони сливолистной (*Malus prunifolia* (Willd.) Borkh.). Является наиболее многочисленной среди аллей ботанического сада, насчитывая 434 дерева. Такая высокая численность достигнута за счет недавнего омоложения аллеи и посадки 253 деревьев (58,3%

общего числа деревьев) (таблица). Среди взрослых растений по распределению по категориям аварийности лидируют высокоаварийные – 85 (19,6%). Следующая по численности группа – низкоаварийные деревья (72, или 16,6%). На долю деревьев 2 и 3 категорий приходится около 6% общего количества деревьев аллеи – 7 (1,6%) и 17 (3,9%) соответственно.

Аллея липы мелколистной (*Tilia cordata* Mill.). Аллея представлена 186 деревьями. Омоложение не проводилось. На деревья очень высокой категории аварийности приходится более 70% общего числа деревьев (таблица). Следующую по численности группу составляют деревья, характеризующиеся низкой степенью аварийности (52, или 28%). Обследование деревьев в аллее липы мелколистной показало, что значительному числу деревьев присуща такая особенность строения скелетных ветвей, как V-образное разветвление ствола, относящееся к критериям аварийности деревьев. Кроме того, высокое участие деревьев с 4 категорией аварийности, практически во всех случаях обусловлено наличием крупномерных сухих ветвей и может быть устранено посредством корректирующей обрезки. Поэтому, принимая во внимание незначительное количество других отмеченных признаков аварийности, можно говорить о незначительном уровне опасности данных деревьев (при проведении своевременных мероприятий ухода). Необходимо отметить что, дополнительную устойчивость к воздействию экстремальных метеорологических явлений аллеиным посадкам липы мелколистной обеспечивает произрастание в непосредственной близости и в одном ярусе с растениями прилегающих секторов флоры Северной Америки, Европы и Сибири, а также сектора Крыма и Кавказа.

Аллея ореха маньчжурского (*Juglans mandshurica* Maxim). Представлена 150 деревьями, среди которых в ходе омоложения подсажено около 70 (45,3%). Несмотря на значительный возраст, аллея ореха маньчжурского характеризуется незначительным участием деревьев высокой и очень высокой категорий аварийного состояния – по 13 (8,7% общего числа деревьев) каждая. Основную массу среди взрослых деревьев составляют низкоаварийные (39, или 26%) и умеренноаварийные (17, или 11,3%). Это может быть связано со своевременным проведением корректирующей обрезки в данной аллее. Отдельное место занимают относительно благополучные старовозрастные деревья, расположенные в непосредственной близости от потенциальных «целей» – объектов инфраструктуры ботанического сада.

Аллея рябины обыкновенной (*Sorbus aucuparia* L.). В составе аллеи зарегистрировано 107 деревьев. Недавнее обновление растений в аллее рябины обыкновенной соответствующим образом сказалось и на наличии аварийных элементов. Только 4 взрослых дерева рябины было отнесено к аварийным: 1 дерево (0,9%) – к низкоаварийным, еще 3 (2,8%) – к высокоаварийным. Деревья других категорий аварийности выявлены не были. Необходимо, однако, отметить, что потенциальную угрозу в районе аллеи несут некоторые сухостойные и аварийные деревья других пород аборигенной флоры республики.

Аллея тополя черного (*Populus nigra* L.). Самая малочисленная аллея, состоящая всего из 10 деревьев. Несмотря на значительный возраст посадок тополя черного, деревьев, относящихся к 4 категории аварийности, отмечено не было. Только одно дерево (10%) отнесено к 3 категории, 2 (20%) – ко второй. Большинство деревьев тополя черного (7, или 70%) характеризуется низкой степенью аварийности. В дальнейшем можно ожидать, что основными негативными факторами в аллее тополя черного будет являться падение мелких и средних ветвей. Сформировавшаяся архитектура кроны (мощный, ярко выраженный главный ствол с множеством мелких густо переплетенных ветвей), а также особенности строения корневой системы, обеспечивающей хорошую закрепленность в почве, не способствуют ветровалу деревьев целиком.

Аллея черемухи Маака (*Prunus maackii* Rupr.). Аллея насчитывает 107 деревьев, основная масса которых сохранилась с момента закладки. Подсажено 19 деревьев (17,8% общего числа). По итогам проведения обследования установлено, что в посадках черемухи значительное количество деревьев имеет очень высокий уровень аварийности – 44 (41,1%). Такие значения достигаются за счет значительного количества сухостоя, доля которого составляет около 10%, а также суховершинных деревьев. На высокоаварийные деревья приходится 11,2% (12), на растения с низкой и умеренной степенью аварийности – 20,6% (22) и 9,3% (10) соответственно.

Аллея ясеня пенсильванского (*Fraxinus pennsylvanica* Marsh.). В составе аллеи на момент обследования зафиксировано 237 деревьев, из которых более половины (135, или 57%) относятся к недавно посаженным. Оставшиеся деревья отнесены к трем категориям: к первой –

26 деревьев (11% общего числа), ко второй – 3 дерева (1,3%), к четвертой – 73 дерева (30,8%). Экземпляров третьей категории аварийности не было зарегистрировано.

На рисунке показана схема расположения деревьев, характеризующихся высокой и очень высокой категориями аварийной опасности.

Таблица – Результаты определения категорий аварийной опасности деревьев в аллеях насаждениях ЦБС НАН Беларуси

Наименование аллеи	Недавно посаженные		Низкая категория аварийности		Умеренная категория аварийности		Высокая категория аварийности		Очень высокая категория аварийности		Всего	
	Кол-во, шт	% общего числа	Кол-во, шт	% общего числа	Кол-во, шт	% общего числа	Кол-во, шт	% общего числа	Кол-во, шт	% общего числа	Кол-во, шт	%
Аллея березы повислой	71	39,0	69	37,9	21	11,5	3	1,6	18	9,9	182	100
Аллея дуба черешчатого	–	–	12	27,9	5	11,6	4	9,3	22	51,2	43	100
Аллея ели европейской	–	–	74	76,3	19	19,6	4	4,1	–	–	97	100
Аллея клена серебристого	115	63,2	28	15,4	15	8,2	10	5,5	14	7,7	182	100
Креповая аллея	253	58,3	72	16,6	7	1,6	17	3,9	85	19,6	434	100
Аллея липы мелколистной	–	–	52	28,0	1	0,5	1	0,5	132	71,0	186	100
Аллея ореха маньчжурского	68	45,3	39	26,0	17	11,3	13	8,7	13	8,7	150	100
Аллея рябины обыкновенной	103	96,3	1	0,9	–	–	–	–	3	2,8	107	100
Аллея тополя черного	–	–	7	70	2	20	1	10	–	–	10	100
Аллея черемухи Маака	19	17,8	22	20,6	10	9,3	12	11,2	44	41,1	107	100
Аллея ясеня пенсильванского	135	57,0	26	11,0	3	1,3	–	–	73	30,8	237	100
Всего:	764	44,0	402	23,2	100	5,8	65	3,7	404	23,3	1735	

Выводы

Проведенные исследования позволили на основании различных комбинаций предложенных критериев провести оценку текущего состояния и аварийности деревьев в аллеиных посадках на территории ЦБС НАН Беларуси.

По доле участия деревьев высокой и очень высокой категорий аварийной опасности обследованные аллеи можно расположить в следующий ряд возрастания: *Sorbus aucuparia* > *Picea abies* > *Populus nigra* > *Betula pendula* > *Acer saccharinum* > *Juglans mandshurica* > *Malus prunifolia* > *Fraxinus pennsylvanica* > *Prunus maackii* > *Quercus robur* > *Tilia cordata*.

Состояние аллеиных посадок березы повислой, клена серебристого и ореха маньчжурского можно оценить как удовлетворительное, аллеиных посадок рябины обыкновенной, ели европейской, тополя черного – как хорошее. В неудовлетворительном состоянии находятся аллеиные посадки крeба, ясеня пенсильванского, дуба черешчатого и липы мелколистной.

С целью предотвращения распада аллеиных посадок и их преждевременной гибели, сохранения и повышения их функциональной эффективности и эстетической выразительности необходимо дальнейшее вмешательство, направленное на поддержание жизнедеятельности растений путем проведения комплексных компенсаторных мероприятий, по снижению потенциальной опасности аварийных деревьев, уходу за молодыми посадками и своевременной замене удаленных деревьев.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Состояние природной среды Беларуси. Экол. бюл. 2007 г. / Национальная академия наук Беларуси, М-во природных ресурсов и охраны окружающей среды; редкол.: В. Ф. Логинов [и др.]. – Минск : Минсктиппроект, 2008. – 376 с.

2. Методика определения аварийной опасности деревьев в составе зеленых насаждений на землях населенных пунктов / М. В. Ермохин [и др.] // Проблемы сохранения биологического разнообразия и использования биологических ресурсов : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения академика Н. В. Смольского, 7–9 октября 2015 г., г. Минск : в 2 ч. / Национальная академия наук Беларуси, Центральный ботанический сад, Научно-практический центр по биоресурсам, Институт экспериментальной ботаники им. В. Ф. Купревича, Институт леса ; редкол.: В. В. Титок (отв. ред.) и др. – Минск, 2015. – Ч. 1. – С. 68–72.

3. Инструкция по определению аварийности и жизненного состояния деревьев в составе зеленых насаждений на землях населенных пунктов / А. В. Судник [и др.] ; Институт экспериментальной ботаники им. В. Ф. Купревича НАН Беларуси; Центральный ботанический сад НАН Беларуси. – Минск : БГАТУ, 2016. – 40 с.

Поступила в редакцию 19.04.16

E-mail: e-mail: pavel.bely@tut.by
A.Yakovlev@cbg.org.by
natascha_krylova@mail.ru

P. N. Bely, A. P. Yakovlev, S. F. Gdaniec, O. S. Kozyr, N. Yu. Margel, E. A. Sidorovich

ASSESSMENT OF THE CONDITION OF TREES IN THE AVENUES OF THE CENTRAL BOTANICAL GARDEN OF NAS OF BELARUS

The research allowed evaluating the current status and hazards from individual trees in avenues on the territory of Central Botanical Garden of NAS of Belarus. In ascending order of the proportion of trees of high and very high categories of an emergency condition surveyed alleys can be arranged in the following series: *Sorbus aucuparia* > *Picea abies* > *Populus nigra* > *Betula pendula* > *Acer saccharinum* > *Juglans mandshurica* > *Malus prunifolia* > *Fraxinus pennsylvanica* > *Quercus robur* > *Tilia cordata*. To prevent the collapse of the wayside landings and their premature death, to maintain and enhance their functional efficiency and aesthetic expression, further intervention is needed: the maintaining the life of plants, by conducting comprehensive compensatory measures aimed at reducing the potential danger of hazardous trees, care of young plantations and the prompt replacement of remote trees.

Keywords: hazard tree, defect, plantings, avenues, Central Botanical garden of NAS of Belarus.

УДК 556.11 (476.2)

Е. А. Бодяковская¹, И. Н. Крикало², К. А. Шестовец³¹Кандидат ветеринарных наук, доцент, доцент кафедры биологии и экологии,

МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь

²Старший преподаватель кафедры биологии и экологии,

МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь

³Студент технолого-биологического факультета,

МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь

СЕЗОННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА КОЛОДЕЗНОЙ ВОДЫ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ МОЗЫРСКОГО РАЙОНА

В статье представлены результаты определения органолептических и химических показателей качества питьевой воды, отобранной из колодцев деревень Мозырского района в осенний и зимний периоды. Все показатели качества колодезной воды в эти периоды, за исключением цветности, соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям к качеству воды источников нецентрализованного питьевого водоснабжения населения. При этом не прослеживается четкой закономерности в повышении и понижении показателей в населённых пунктах с течением времени, они специфичны для каждой контрольной точки и определяются погодными условиями, особенностями рельефа, геологического строения почвы, водным режимом и факторами антропогенного характера. Уровень цветности в пробах воды из деревни Моисеевка в осенний период превысил санитарный норматив на 16,7%. Высокая цветность воды, скорее всего, носит биологический характер из-за разложения растительных остатков и синтеза микроорганизмами гумуса.

Ключевые слова: питьевая вода, цветность, мутность, концентрация ионов водорода (pH), общая жесткость, сухой остаток, уровень хлорид-ионов, сульфат-ионов, ионов железа.

Введение

Рост населения Земли в сочетании с возрастающими объёмами водопотребления для бытовых и промышленных нужд и интенсивным сельским хозяйством приводит к глобальному водному кризису. Системы пресной воды во всём мире сейчас настолько сильно деградируют, утрачивая возможность снабжать людей, животных и растительный мир, что, если такая тенденция сохранится и далее, это может привести к резкому сокращению населения планеты и вымиранию большого количества видов животных [1], [2]. Ситуация складывается угрожающая, поскольку человечество потребляет больше пресной воды, чем Земля может дать. Темпы роста потребления пресной воды более чем в 2 раза превышает прирост населения планеты. Если в начале века в районах, испытывающих нехватку воды, проживали 40% населения Земли, то к 2020 году таковых будет уже 60–65% – около 5 млрд. человек. В настоящее время питьевая вода – это проблема социальная, политическая, медицинская, географическая, а также инженерная и экономическая [3].

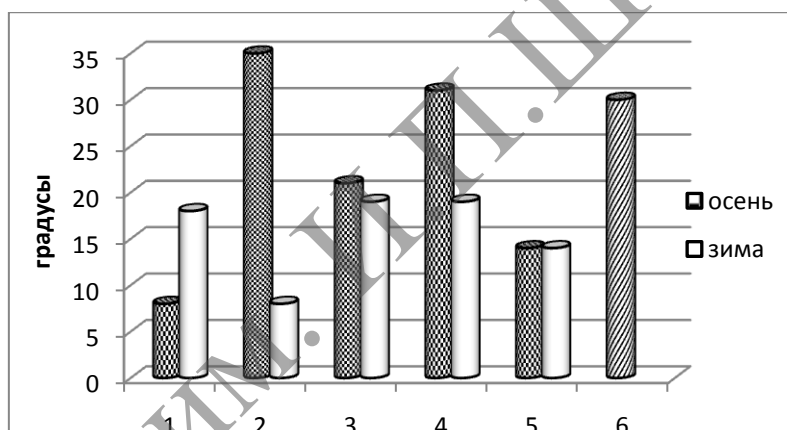
Несмотря на то, что Беларусь обладает значительными ресурсами пресных подземных вод, многократно превышающими современные и перспективные объёмы их потребления, наблюдается тенденция антропогенного загрязнения источников пресных вод [1], [4], [5]. Уже сегодня в окрестностях всех без исключения городов и населённых пунктов, соледобывающих рудников (Солигорск), обогатительных заводов (Гомель), птицеферм и животноводческих комплексов практически все грунтовые воды являются некондиционными. А сельскохозяйственное загрязнение подземных вод является наиболее масштабным. Оно охватывает практически все пахотные земли, территории животноводческих ферм и комплексов. На таких участках в грунтовых водах растёт содержание нитратов, хлоридов, сульфатов, калия, натрия и некоторых других компонентов [6], [7]. В связи с этим для нашей республики остается одна из главных экологических проблем – качество питьевой воды, которая напрямую связана с состоянием здоровья населения, экологической чистотой продуктов питания, с разрешением проблем медицинского и социального характера [8]. В связи с этим становится актуальным постоянное исследование употребляемой в пищу человеком воды, особенно нецентрализованного водоснабжения.

Цель работы – изучить динамику органолептических и химических показателей качества колодезной воды населённых пунктов Мозырского района в осенне-зимний период.

Материал и методика исследований. Исследования по определению органолептических и химических показателей качества колодезной воды проводились в осенний и зимний периоды в деревнях Мозырского района: Малые Зимовищи, Слобода, Моисеевка, Хомички и Прудок. Пробы колодезной воды отбирались в соответствии с СТБ ГОСТ Р 51593-2001 Вода питьевая. Отбор проб [9]. Нормативные показатели качества воды приведены согласно Санитарным нормам, правилам и гигиеническим нормативам «Гигиенические требования к источникам нецентрализованного питьевого водоснабжения населения» [10]. Определение гидрохимических показателей выполнено согласно стандартным методикам [11] в ГУ «Республиканский центр аналитического контроля в области охраны окружающей среды», аккредитованной для выполнения подобных исследований. В воде определялись: цветность, мутность, концентрация ионов водорода (рН), сухой остаток, общая жесткость, уровень сульфат-ионов, хлорид-ионов, ионов железа. Статистическая обработка данных выполнена в стандартном пакете Excel.

Результаты исследований и их обсуждение

Цветность природной воды зависит от присутствия окрашенных органических веществ (в основном – это гуминовые и фульвовые кислоты), соединений трехвалентного железа и некоторых других металлов (таких, как естественные примеси или продукты коррозии). Согласно санитарным требованиям, цветность колодезной воды не должна превышать 30° [10]. При анализе данного показателя было установлено, что все пробы воды из деревень в осенний и зимний периоды соответствовали нормативу, за исключением пробы воды из деревни Моисеевка в осенний период (рисунок 1). В данной пробе воды показатель превысил санитарный уровень на 16,7%.

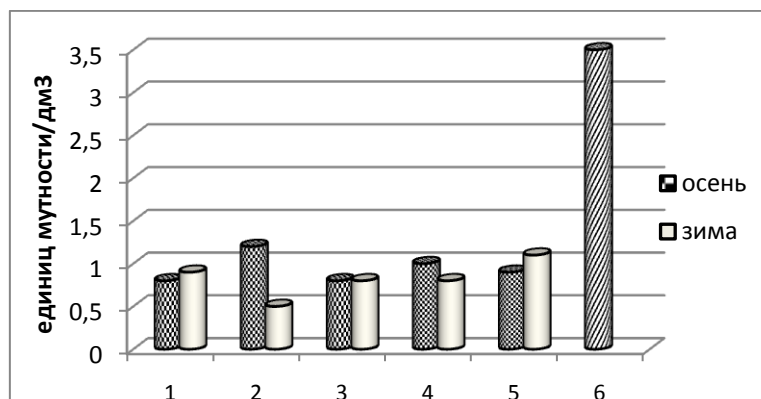

1 – д. Малые Зимовищи, 2 – д. Моисеевка, 3 – д. Хомички, 4 – д. Прудок, 5 – д. Слобода, 6 – СанПиН

Рисунок 1. – Показатель цветности колодезной воды населенных пунктов Мозырского района в осенний и зимний периоды

Количество веществ, влияющих на цветность, зависит от многих факторов: от водоносных горизонтов, характера почв, геологических условий и т. д. Высокая цветность воды, скорее всего, носит биологический характер, из-за разложения растительных остатков и синтеза микроорганизмами гумуса. В зимнее время присутствие органических веществ в природных водах минимальное, наряду с тем, что весной в период паводка и половодья, а также летом во время усиленного роста водорослей, так называемого «цветения воды» – оно возрастает. Конкретных примеров об отрицательном влиянии воды с высокой цветностью на здоровье человека нет. Однако известно о сильном повышении проницаемости стенок кишечника под действием гуминовых кислот [12].

Мутность характеризует наличие в воде частиц песка, глины, илистых частиц, планктона, водорослей и других механических примесей, которые попадают в нее в результате размыва дна и берегов реки, с дождевыми и тальными водами, со сточными водами и т. п. Мутность воды подземных источников, как правило, невелика и обуславливается взвесью гидроксида железа [13]. По санитарным нормам мутность питьевой воды из колодцев должна быть не выше 3,5 единиц мутности/дм³ [10]. Анализ результатов показал, что во всех населенных пунктах осенью и зимой колодезная вода соответствовала предъявляемым требованиям (рисунок 2).

1 – д. Малые Зимовищи, 2 – д. Моисеевка, 3 – д. Хомички, 4 – д. Прудок, 5 – д. Слобода, 6 – СанПиН

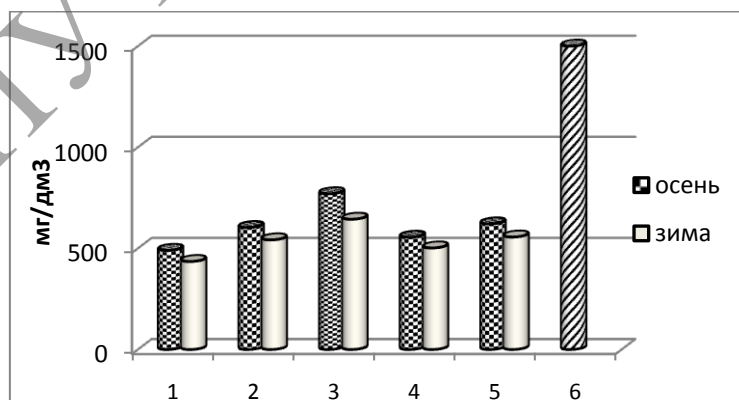
Рисунок 2. – Показатель мутности колодезной воды населенных пунктов Мозырского района в осенний и зимний периоды

При исследовании химических показателей качества колодезной воды было установлено, что в исследованных образцах колодезной воды во всех населенных пунктах значение рН в осенний и зимний периоды не превышало санитарно-гигиенические требования (от 6,0 до 9,0 единиц) (таблица). Как видно из таблицы, диапазон колебаний рН составил от 6,9 (зимой в деревне Моисеевка) до 8,1 единиц (зимой в деревне Слобода).

Таблица – Значение рН колодезной воды в населенных пунктах Мозырского района в осенне-зимний период

Показатель	СанПиН	Населенные пункты Мозырского района				
		Малые Зимовищи	Моисеевка	Хомички	Прудок	Слобода
рН, ед	Осенний период					
	6–9 ед	7,5	7,4	7,2	7,3	8,0
	Зимний период					
	6–9 ед	8,0	6,9	7,3	7,5	8,1

Общая минерализация (сухой остаток) представляет собой суммарный количественный показатель содержания растворенных в воде веществ. Норматив данного показателя составляет до 1500 мг/дм³ [10]. При ее определении было установлено, что все пробы воды, взятые как в осенний, так и в зимний периоды, соответствовали требованиям СанПиН к качеству воды источников нецентрализованного питьевого водоснабжения населения (рисунок 3).

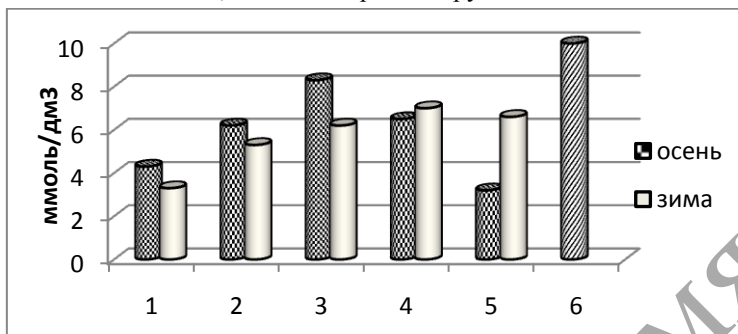

1 – д. Малые Зимовищи, 2 – д. Моисеевка, 3 – д. Хомички, 4 – д. Прудок, 5 – д. Слобода, 6 – СанПиН

Рисунок 3. – Уровень общей минерализации в колодезной воде населенных пунктов Мозырского района в осенний и зимний периоды

Минимальный уровень общей минерализации воды в осенний и зимний периоды отмечен в деревне Малые Зимовищи соответственно 490 мг/дм³ и 435 мг/дм³, а максимальный – в деревне Хомички – осенью 770 мг/дм³ и зимой 644 мг/дм³.

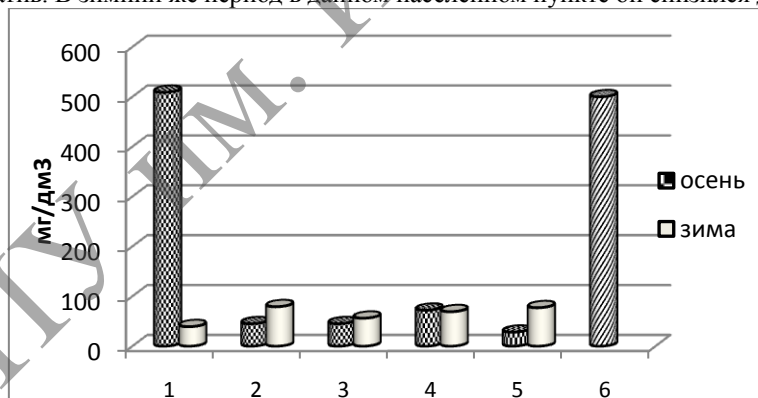
Содержание в воде катионов кальция и магния придает воде так называемую жесткость. По санитарным нормам жесткость питьевой воды из колодцев не должна быть выше 10 ммоль/дм³ [10]. При анализе данного показателя было установлено, что все образцы питьевой воды, взятой в осенний и зимний периоды, соответствовали нормативу (рисунок 4). При этом минимальный уровень в осенний период наблюдался в деревне Слобода (3,2 ммоль/дм³), а в зимний – в деревне Малые Зимовищи (3,3 ммоль/дм³). Максимальный уровень отмечен осенью в деревне Хомички – 8,3 ммоль/дм³, зимой в деревне Прудок – 7,0 ммоль/дм³.

1 – д. Малые Зимовищи, 2 – д. Моисеевка, 3 – д. Хомички, 4 – д. Прудок, 5 – д. Слобода, 6 – СанПиН

Рисунок 4. – Концентрация катионов кальция и магния в колодезной воде населенных пунктов Мозырского района в осенний и зимний периоды

В воде всегда в той или иной мере растворены различные вещества. Встречаются в питьевой воде соли соляной и серной кислот (хлориды и сульфаты). Они придают воде соленый и горько-соленый привкус. Вода, в 1 дм³ которой хлорид-ионов больше 350 мг, а сульфат-ионов больше 500 мг, считается опасной для здоровья. При определении уровня сульфат-ионов в колодезной воде населенных пунктов Мозырского района было установлено, что все пробы воды, взятые осенью и зимой, соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям (рисунок 5). Однако стоит отметить, что в деревне Малые Зимовищи в осенний период данный показатель незначительно (на 1,6%) превысил норматив. В зимний же период в данном населенном пункте он снизился до 39 мг/дм³.

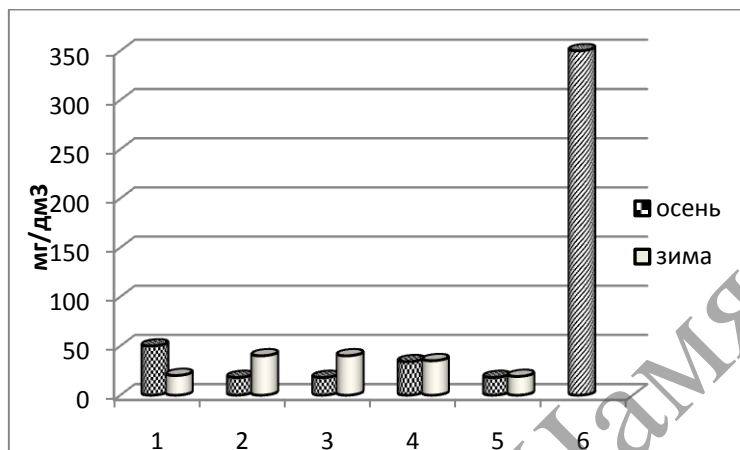

1 – д. Малые Зимовищи, 2 – д. Моисеевка, 3 – д. Хомички, 4 – д. Прудок, 5 – д. Слобода, 6 – СанПиН

Рисунок 5. – Уровень сульфат-ионов в колодезной воде населенных пунктов Мозырского района в осенний и зимний периоды

По данным Зенина А. А. и Белоусовой Н. В. [14], концентрация сульфатов в водах подвержена заметным сезонным колебаниям и обычно коррелирует с изменением общей минерализации воды. Важнейшим фактором, определяющим режим сульфатов, являются меняющиеся соотношения между поверхностным и подземным стоками. Заметное влияние оказывают окислительно-восстановительные процессы, биологическая обстановка в водном объекте и хозяйственная деятельность человека. Возможно, благодаря интенсивному развитию в жаркое лето и теплую сухую осень серобактерий, встречающихся в иле, который образуется на дне колодца, произошло преобразование соединения серы в сероводород (а это сульфаты и сульфиды, которые находятся в воде) в большом количестве. Минимальный уровень сульфатов в осенний период отмечен в деревне Слобода – 28 мг/дм³.

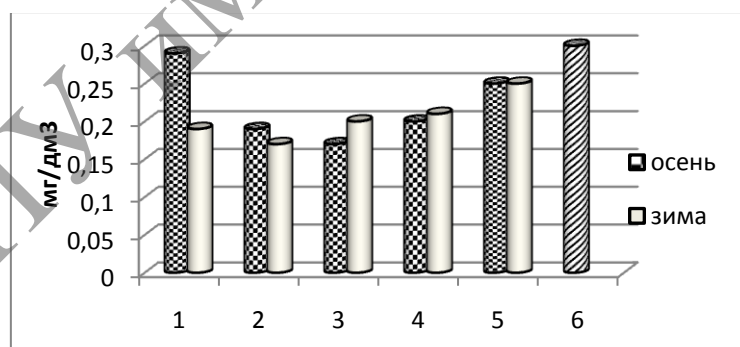
Уровень хлорид-ионов в питьевой воде во всех населенных пунктах в осенний и зимний периоды соответствовал санитарно-гигиеническим требованиям, т. е. не превышал 350 мг/дм^3 (рисунок 6). При этом самый высокий показатель в осенний период наблюдался в деревне Малые Зимовищи ($50,2 \text{ мг/дм}^3$), а в зимний период – в деревнях Хомички и Моисеевка – соответственно $40,1 \text{ мг/дм}^3$ и $39,5 \text{ мг/дм}^3$. Самый низкий уровень хлорид-ионов осенью отмечался в деревнях Хомички ($17,5 \text{ мг/дм}^3$), Моисеевка (18 мг/дм^3) и Слобода ($18,3 \text{ мг/дм}^3$), а зимой – в деревне Слобода ($18,8 \text{ мг/дм}^3$).

1 – д. Малые Зимовищи, 2 – д. Моисеевка, 3 – д. Хомички, 4 – д. Прудок, 5 – д. Слобода, 6 – СанПиН

Рисунок 6. – Уровень хлорид-ионов в колодезной воде населенных пунктов Мозырского района в осенний и зимний периоды

В поверхностных водах железо обычно присутствует в трехвалентном состоянии (Fe III). В хорошо аэрируемой воде концентрации железа редко бывают высокими, но в восстановительных условиях, которые могут иметь место в некоторых подземных водах, озерах или резервуарах, и в отсутствие сульфидов и карбонатов, могут обнаруживаться уровни содержания растворимого двухвалентного железа. Присутствие в воде железа не угрожает нашему здоровью. Однако повышенное содержание железа в воде (более $0,3 \text{ мг/дм}^3$) в виде гидрокарбонатов, сульфатов, хлоридов, органических комплексных соединений или в виде высокодисперсной взвеси придает воде неприятную красно-коричневую окраску, ухудшает её вкус [15]. Во всех исследованных нами образцах в осенний и зимний периоды уровень железа соответствовал нормативным требованиям (рисунок 7).

1 – д. Малые Зимовищи, 2 – д. Моисеевка, 3 – д. Хомички, 4 – д. Прудок, 5 – д. Слобода, 6 – СанПиН

Рисунок 7. – Концентрация ионов железа в колодезной воде населенных пунктов Мозырского района в осенний и зимний периоды

Минимальный уровень ионов железа в осенний период наблюдался в деревне Хомички – $0,17 \text{ мг/дм}^3$, а в зимний период – в деревне Моисеевка – $0,17 \text{ мг/дм}^3$. Максимум ионов железа в колодезной воде был отмечен осенью в деревне Малые Зимовищи – $0,29 \text{ мг/дм}^3$, а зимой – в деревне Слобода – $0,25 \text{ мг/дм}^3$.

Таким образом, анализируя полученные результаты можно отметить, что все показатели качества воды, отобранной из колодцев населенных пунктов Мозырского района, в осенний и зимний периоды, за исключением цветности, соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям к качеству воды источников нецентрализованного питьевого водоснабжения

населения. Уровень цветности в пробах воды из деревни Моисеевка в осенний период превысил санитарный норматив на 16,7%. Высокая цветность воды, скорее всего, носит биологический характер из-за разложения растительных остатков и синтеза микроорганизмами гумуса.

Выводы

1. Все химические показатели качества воды, отобранной из колодцев населенных пунктов Мозырского района в осенний и зимний периоды, за исключением цветности, соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям к качеству воды источников нецентрализованного питьевого водоснабжения населения.

2. Осенью в образцах колодезной воды из деревни Моисеевка наблюдалось превышение уровня цветности воды на 16,7%. Высокая цветность воды, скорее всего, носит биологический характер, из-за разложения растительных остатков и синтеза микроорганизмами гумуса.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Амвросьева, Т. В. Питьевая вода как среда обитания патогенных энтеровирусов и актуальные проблемы её вирусного загрязнения / Т. В. Амвросьева, Н. В. Поклонская, З. В. Богущ // Вода: экология и технология : материалы 7 Международ. конгресса, г. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. – ЭКВАТЭК, 2006. – Ч. 2. – С. 94–95.
2. Зуев, В. Н. Изучение и охрана водных объектов / В. Н. Зуев. – Минск : Орех, 2006. – 70 с.
3. Лебедев, В. М. Как получить хорошую питьевую воду / В. М. Лебедев // Вестник. – 2003. – № 12. – С. 7–9.
4. Кудельский, А. В. Подземные воды Беларуси как источник жизнеобеспечения и технологических проблем / А. В. Кудельский, В. И. Пашкевич // Аквобел [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : aquaby.by/index.php/news/275/56/podzemnye-vody-belarusi-kak-istochnik-zhizneobespecheniya-i-tehnologicheskikh-problem.html. – Дата доступа : 08.02.2013.
5. Позин, С. Г. О качестве воды открытого источника хозяйственно-питьевого водоснабжения города / С. Г. Позин, А. А. Черноморец // Военная медицина. – 2007. – № 4. – С. 90–92.
6. Станкевич, Р. А. Картирование качественных показателей подземных источников водоснабжения – актуальная задача в Беларуси / Р. А. Станкевич // Белорусский геологический портал [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://geology.by/-q-q/673-art1.html>. – Дата доступа : 08.02.2013.
7. Позин, С. Г. О некоторых итогах научно-практических исследований по обеспечению безопасности воды в хозяйственно-питьевых водопроводах / С. Г. Позин // Медицинский журнал: научно-практический рецензируемый журнал. – 2008. – № 4. – С. 48–52.
8. Позин, С. Г. Качество воды источников нецентрализованного хозяйственно-питьевого водоснабжения в 1994 и 2009 годах / С. Г. Позин // Военная медицина. – 2011. – № 2. – С. 92–95.
9. Вода питьевая. Отбор проб : СТБ ГОСТ Р 51593-2001 – Введ. 01.11.2002. – Минск : Гос. комитет по стандартизации Респ. Беларусь, 2001 – 12 с.
10. Санитарные нормы, правила и гигиенические нормативы «Гигиенические требования к источникам нецентрализованного питьевого водоснабжения населения»: Постановление № 105. – Введ. 02.08.2010. – Минск : М-во здравоохранения Респ. Беларусь, 2011. – 20 с.
11. Вода питьевая. Общие требования к организации, методам контроля качества: СТБ 1188-99. – Введ. 01.07.2000. – Минск : Госстандарт: Гос. стандарт Респ. Беларусь, 2006. – 20 с.
12. Иванов, М. С. Цветность воды // Аква-терм [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : http://aqua-therm.ru/articles/articles_259.html. – Дата доступа : 15.09.2016.
13. Баглай, В. М. Мутность воды. Методы устранения / В. М. Баглай // Бани и бассейны. – 1999. – № 5. – С. 17–20.
14. Анискевич, А. В. Повышенное содержание железа в воде / А. В. Анискевич // ГУ «Минский областной центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья» [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://gigiena.minsk-region.by/ru/obraz/statyi.html>. – Дата доступа : 09.09.2016.
15. Зенин, А. А. Гидрохимический словарь / А. А. Зенин, Н. В. Белоусова. – Л. : Гидрометеоздат, 1988. – 56 с.

Поступила в редакцию 16.09.16

E-mail: bea5555@yandex.by, irinakrikalo@mail.ru

E. A. Bodyakovskaya, I. N. Krikalo, K. A. Shestovets

SEASONAL QUALITY SCORE OF WELL-WATER IN SETTLEMENTS OF MOZYR DISTRICT

The article deals with the results of determining the organoleptic and chemical quality indices of drinking water from wells of villages in Mazyr district. All readings of well-water quality in autumn and winter except for water colour were complied with hygiene and sanitary conditions. At the same time with the passage of time is not traced a clear patterns in the rise and fall of indicators in each settlement. Quality indicators of well water are specific to each village of Mazyr district. The water quality affected by weather conditions, features of the relief, geological structure of the soil the water regime. The colour level of water samples in Moiseevka village in autumn exceeded sanitary requirement by 16 per cent. The high colour level of water is probably of biological nature because of vegetation decay and microbial synthesis of humus.

Keywords: bottled water, color, turbidity, concentration of hydrogen ions (pH), total hardness, dry residue content chloride, sulfates, iron ions.

УДК 595.7(476)+591.5

Н. Г. Галиновский¹, А. А. Кабышева²¹Кандидат биологических наук, доцент,доцент кафедры зоологии, физиологии и генетики биологического факультета,
УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», г. Гомель, Беларусь²Студентка 4 курса биологического факультета специализации «Зоология»,
УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», г. Гомель, Беларусь**ЭКОЛОГО-ФАУНИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЖЕСТКОКРЫЛЫХ
(ЕСТОГНАТНА, СОЛЕОПТЕРА) ПРИБРЕЖНЫХ СООБЩЕСТВ РЕК СОЖ И ИПУТЬ
В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДА ГОМЕЛЬ**

Благодаря большому видовому разнообразию, численности и широкому распространению, жесткокрылые характеризуются как чувствительные биоиндикаторы, в связи с чем данная группа насекомых в целом либо её отдельные представители широко используются в наше время как модельные объекты для изучения экологических закономерностей.

Исследования видовой и экологической структуры герпетобионтных жесткокрылых были проведены при помощи почвенных ловушек в слабо изученных до настоящего времени прибрежных экосистемах рек Сож и Ипуть. В результате было выявлено, что прибрежные сообщества жесткокрылых исследованных рек представлены 114 видами из 20 семейств. Прибрежные колеоптерокомплексы сложены преимущественно широко распространёнными в Палеарктике луговыми и полевыми мезофильными миксофитофагами. При этом сообщества более крупной реки в сравнении с её притоком менее богаты видами, но более устойчивы к рекреационной нагрузке со стороны населения расположенного рядом крупного города.

Ключевые слова: жесткокрылые, прибрежные экосистемы, тип ареала, гигропреферendum, биопреферendum, пищевая специализация, рекреационная нагрузка.

Введение

Среди различных типов природных ландшафтов Беларуси особенно выделяются богатством и разнообразием животного мира различные водоёмы и их побережья. Они служат подходящей средой обитания для многих животных, в том числе и для жесткокрылых, которые являются также и удобной группой для биоиндикации [1], [2].

На сегодняшний момент существует достаточно публикаций, связанных с изучением герпетобионтных комплексов жесткокрылых, их численности, распространения, видовой разнообразия и структуры доминирования в различных экосистемах как на территории Беларуси, так и стран Европы. Однако все подобные работы в большей мере затрагивают видовой состав и экологическую структуру жесткокрылых, обитающих в местах, отдаленных от водных объектов. Исследования, которые касались бы прибрежной фауны жесткокрылых, достаточно малочисленны. Особенно это характерно для прибрежных экосистем рек Беларуси. Среди последних в большей мере проводились исследования, связанные с изучением герпетобионтных жесткокрылых береговых сообществ реки Сож [3]–[5], а подобные исследования в пределах берега реки Ипуть ранее не проводились вовсе.

Цель и методы исследований

Целью исследования являлось изучение видовой состава и элементов экологической структуры жесткокрылых, обитающих в герпетобии береговых сообществ рек Ипуть и Сож, подвергшихся рекреационной нагрузке.

Исследования проводились с мая по август 2015 года на 6 прибрежных участках рек Ипуть и Сож, которые различались по степени рекреационной нагрузки и находились как в самом городе Гомель, так и в его окрестностях.

Стационар «Ипуть 1». Располагался вблизи моста через реку Ипуть, активно посещался отдыхающими, подвергаясь наибольшей рекреационной нагрузке. Наблюдалось значительные

загрязнения полимерными изделиями. Берег пологий. Растительность скудная и угнетенная, наблюдались разрывы в сплошном травяном покрове с оголённой песчаной почвой.

Стационар «Ипуть 2». Территория участка подвергалась незначительной рекреационной нагрузке со стороны рыбаков-любителей (лёгкая вытоптанность травяного покрова, небольшие кострища). Имели место незначительные загрязнения полимерными изделиями. Растительность представлена различными видами осок и зарослями ивы козьей.

Стационар «Ипуть 3». Участок характеризовался незначительной рекреационной нагрузкой, практически не посещался населением города. Берег обрывистый, растительность была представлена преимущественно злаковым разнотравьем, снытью, ивой козьей.

Стационар «Сож 1». Стационар являлся активным местом отдыха человека и отмечался наибольшей рекреационной нагрузкой из всех исследованных участков на берегу р. Сож. Засоренность данного участка невысокая, из растительности преобладали мятлик, подорожник, в небольшом количестве – ива козья.

Стационар «Сож 2». Участок располагался вблизи гребной базы БФСО «Динамо». Территория посещалась любителями рыбной ловли. Отмечалась совсем небольшая засоренность полимерными изделиями. Берег пологий, растительный покров был представлен злаками, осоками, а также в значительной степени ивой козьей.

Стационар «Сож 3». Участок в наименьшей степени подвержен рекреационному воздействию вследствие отдаленности от мест отдыха человека. Берег пологий, растительность была представлена осоками и злаками, ивой козьей.

Для сбора и учета жесткокрылых применялись почвенные ловушки. Показатели α -разнообразия рассчитывались с помощью программного пакета «BioDiversityPro». Для анализа сходства видового состава сообществ использовался кластерный анализ. Доминирование в сообществах определялось по шкале Ренконена [6].

Результаты исследований и их обсуждение

В результате проведенных исследований было обработано 5880 ловушко-суток и собрано 3109 экземпляров жесткокрылых, относящихся к 114 видам и 20 семействам (таблица 1), среди которых по видовому богатству преобладали жужелицы (62 вида), долгоносики (11 видов), листоеды и стафилиниды (по 7 видов).

Таблица 1. – Видовой состав и относительное обилие (%) жесткокрылых берегов рек Ипуть и Сож

Семейство и вид	Стационары					
	Ипуть 1	Ипуть 2	Ипуть 3	Сож 1	Сож 2	Сож 3
1	2	3	4	5	6	7
Anthicidae	0	0,2	0,2	1,3	0,2	0,2
<i>Notoxus monoceros</i>	0	0,2	0,2	1,3	0,2	0,2
Byrrhidae	0	0,2	0	0	0	0
<i>Byrrhus pilula</i>	0	0,2	0	0	0	0
Carabidae	63,0	63,7	66,1	67,1	85,2	81,4
<i>Agonum impressum</i>	0,4	2,7	0,1	0,2	2,9	3,3
<i>A. sexpunctatum</i>	0	0,2	0	0	0	0
<i>Amara aenea</i>	1,2	2,1	2,3	4,4	0,8	0
<i>A. bifrons</i>	0	0,6	0,2	0	0	0
<i>A. communis</i>	0,4	0,6	1,3	1,1	0	0,4
<i>A. majuscula</i>	6,5	5,7	2,0	3,1	0,6	0
<i>A. plebeja</i>	0	0,2	0	0	0,4	0,4
<i>Anchomenus dorsalis</i>	0	3,8	0	0	0	0
<i>Asaphidion flavipes</i>	1,9	1,0	0,4	0	0	0,8
<i>A. pallipes</i>	0	0,2	0	0	0	0
<i>Badister sodalis</i>	0	0	0	1,3	0	0,2
<i>Bembidion biguttatum</i>	0	0,4	0	0	0,6	2,6
<i>B. humerale</i>	0	0,2	0	0	0	0
<i>B. lampros</i>	3,9	3,0	0,6	0	1,0	0

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
<i>B. litorale</i>	0	0	0	0	0	0,2
<i>B. properans</i>	0	0,2	0,1	0,4	0,2	0
<i>B. quadrimaculatum</i>	0	1,0	0	0	0	0,4
<i>B. varium</i>	0	0	0	0	0,6	0,6
<i>B. velox</i>	0	0,2	0,1	0	0	0
<i>Brosicus cephalote</i>	3,5	0	0	0	0	0
<i>Calathus erratus</i>	3,1	2,8	10,6	1,5	8,0	1,8
<i>C. fuscipes</i>	1,2	1,1	0,6	3,1	24,8	5,5
<i>C. melanocephalus</i>	3,9	6,4	6,7	1,9	5,7	8,8
<i>C. micropterus</i>	0,4	0,2	0,6	0	0	0,8
<i>Carabus granulatus</i>	0,8	0,6	4,9	0	0,4	0,2
<i>Chlaenius nigricornis</i>	0,4	1,3	0,1	0	2,0	1,4
<i>Ch. tristis</i>	0	0	0	0	0	0,2
<i>Cicindela hybrida</i>	0	0,2	0	0	0	0
<i>Clivina fossor</i>	0	0,2	0,1	0	0,2	0,4
<i>Curtonotus aulicus</i>	0,4	0,6	0,1	1,1	0	0
<i>Dyschirius arenosus</i>	0	0,8	0	0	0,2	0
<i>Europhilus fuliginosus</i>	3,9	1,9	5,0	0	0	0
<i>Harpalus affinis</i>	0,4	0,6	0,5	19,9	0,2	0,2
<i>H. anxius</i>	0	0,4	0	0,2	0	0,8
<i>H. distinguendus</i>	0	0,2	0	0	0	0
<i>H. flavescens</i>	6,5	0,8	0,2	4,4	1,6	0
<i>H. griseus</i>	10,0	6,1	4,3	6,1	1,6	2,8
<i>H. latus</i>	0	0,4	0	0,6	0,2	0
<i>H. rubripes</i>	0	0	0	0,2	0	0
<i>H. rufipes</i>	3,5	4,7	4,8	2,5	1,0	5,5
<i>H. smaragdinus</i>	0	0	0	0,4	0	0
<i>Leistus ferrugineus</i>	0	0	0,12	0	0	0
<i>Loricera pilicornis</i>	0,4	0	0,2	0	0,2	1,4
<i>Microlestes minutulus</i>	0	0	0,2	0	0	0
<i>Omophron limbatum</i>	0	0,6	0	0	0	0
<i>Oodes helopioides</i>	0,4	0,2	0,1	0	0,1	1,8
<i>Oxypselaphus obscurus</i>	0,4	0,4	0,6	0	0	1,2
<i>Panagaeus bipustulatus</i>	0,8	0	0	0	0	1,0
<i>Paradromius linearis</i>	0	0	0,1	0	0	0
<i>Platynus assimilis</i>	1,5	0,8	2,1	0	0	0
<i>Poecilus cupreus</i>	1,2	0,6	0,5	0,4	3,3	0,8
<i>P. lepidus</i>	0	0,2	0	0	0,8	0
<i>P. versicolor</i>	0,4	1,7	3,7	0,2	8,4	1,2
<i>Pterostichus diligens</i>	0	0,4	2,0	0	0	0,4
<i>Pt. melanarius</i>	1,9	1,7	1,6	1,7	9,2	17,5
<i>Pt. niger</i>	2,7	2,3	6,8	0	0,8	2,6
<i>Pt. nigrita</i>	0	0	0	0	0,2	0,8
<i>Pt. oblongopunctatus</i>	0	0	0,1	0	0	0
<i>Pt. strenuus</i>	1,2	1,3	2,2	5,2	7,0	14,9
<i>Stenolophus mixtus</i>	0,4	1,7	0	5,0	0,6	0,4
<i>S. teutonius</i>	0	1,1	0	0	0,2	0
<i>Synuchus vivalis</i>	0	0	0	2,1	0,8	0,6
Cerambycidae	0	0	0,1	0	0	0
<i>Aromia moschata</i>	0	0	0,1	0	0	0
Chrysomelidae	1,2	3,2	0,5	0,8	1,0	1,2
<i>Chaetocnema concinna</i>	1,2	3,2	0,4	0,4	0,2	0,2
<i>Ch. semicoerulea</i>	0	0	0	0	0,4	0,4

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
<i>Chrysolina staphylaea</i>	0	0	0	0	0,2	0
<i>Gastrophysa viridula</i>	0	0	0	0,4	0	0
<i>Oulema erichsonii</i>	0	0	0	0	0,2	0
<i>Phyllotreta undulata</i>	0	0	0	0	0	0,2
<i>Zeugophora turneri</i>	0	0	0	0	0	0,4
Coccinellidae	0	0,2	0	0	0	0
<i>Adonia variegata</i>	0	0,2	0	0	0	0
Curculionidae	1,2	1,7	1,0	1,9	1,2	0,6
<i>Brachyderes incanus</i>	0	0	0	0,6	0	0
<i>Cleonis pigra</i>	0	0,6	0	0	0,8	0
<i>Grypus equiseti</i>	0	0	0	0	0,2	0
<i>Lepyryus palustris</i>	0,8	0,4	0,6	0	0	0
<i>Miarus campanulae</i>	0	0	0	0	0	0,2
<i>Notaris acridulus</i>	0	0	0	0	0	0,4
<i>Phyllobius argentatus</i>	0	0,2	0	0	0	0
<i>Ph. pyri</i>	0	0,5	0,2	0	0	0
<i>Polydrusus pilosus</i>	0,4	0	0	0	0	0
<i>Rhinoncus castor</i>	0	0	0	1,3	0,2	0
<i>Strophosoma capitatum</i>	0	0	0,2	0	0	0
Dermestidae	0	0	0	0	0	0,2
<i>Dermestes lanarius</i>	0	0	0	0	0	0,2
Dryopidae	0	0	0	0	0	0,2
<i>Dryops luridus</i>	0	0	0	0	0	0,2
Elateridae	0,4	1,3	2,8	0,6	2,1	0
<i>Agriotes lineatus</i>	0	0,6	0,1	0	1,8	0
<i>A. pilosellus</i>	0	0	0,5	0	0	0
<i>A. sputator</i>	0	0,7	2,1	0,6	0,3	0
<i>Agrypnus murinus</i>	0,4	0	0	0	0	0
<i>Selatosomus aeneus</i>	0	0	0,1	0	0	0
Limniidae	0	0	0	0	0,4	0
<i>Riolus cupreus</i>	0	0	0	0	0,4	0
Histeridae	0	0	0	0	0,2	0,2
<i>Hister unicolor</i>	0	0	0	0	0	0,2
<i>Margarinotus purpurascens</i>	0	0	0	0	0,2	0
Hydrophilidae	0	0	0	0	0,2	0
<i>Hydrochara caraboides</i>	0	0	0	0	0,2	0
Nitidulidae	0,8	0	2,2	0	0	0,8
<i>Soronia grisea</i>	0,8	0	2,2	0	0	0,8
Phalacridae	21,2	4,7	1,5	0	0	2,0
<i>Phalacrus borealis</i>	0	0	0,2	0	0	0
<i>Ph. caricis</i>	21,2	4,7	1,3	0	0	2,0
Geotrupidae	2,7	3,0	2,3	0	2,3	0
<i>Aphodius granarius</i>	2,7	3,0	2,3	0	2,3	0
Scarabaeidae	0,8	5,0	1,7	4,4	0	0,2
<i>Oxythyrea funesta</i>	0,4	0,2	0,9	0	0	0
<i>Rhyssalus germanus</i>	0,4	4,8	0,8	4,4	0	0,2
Silphidae	2,3	0	1,5	0	3,9	4,5
<i>Oiceoptoma thoracica</i>	0	0	0	0	0	0,4
<i>Phosphuga atrata</i>	0	0	0,5	0	0	0
<i>Silpha obscura</i>	0,4	0	0	0	0	0
<i>S. tristis</i>	1,9	0	1,0	0	2,8	0,6
<i>Thanatophilus sinuatus</i>	0	0	0	0	1,2	3,5

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Staphylinidae	3,9	4,6	3,7	1,6	3,1	8,6
<i>Astenus garcilis</i>	0	0,2	0	0	0	0
<i>Drusilla canaliculata</i>	3,1	0,2	2,7	0	0,8	1,4
<i>Ocyopus ater</i>	0	0	0	0,8	1,0	0,6
<i>Paederus riparius</i>	0,8	3,8	0,2	0	0,3	1,0
<i>Philonthus decorus</i>	0	0,2	0,1	0	0	3,9
<i>Staphylinus erythropterus</i>	0	0	0,6	0,2	0	0
<i>Xantholinus tricolor</i>	0	0,2	0,1	0,6	1,0	1,7
Tenebrionidae	2,7	12,3	16,8	22,2	0,2	0
<i>Crypticus quisquilis</i>	2,7	12,3	16,8	22,2	0,2	0
Всего видов	44	67	60	35	53	55
Всего экземпляров	260	529	821	477	512	510
Информационное разнообразие, H'	1,35	1,54	1,40	1,19	1,23	1,37
Концентрация доминирования, C	0,07	0,04	0,06	0,12	0,10	0,07
Выравненность по Пielу, e	0,82	0,84	0,79	0,77	0,75	0,77

На основании показаний индекса фаунистического сходства Жаккара был проведен кластерный анализ сообществ жесткокрылых изученных участков. Выяснилось, что сообщества двух рек образуют две различные группы по видовому составу жесткокрылых и, кроме того, сообщества участков, слабо подверженные рекреационной нагрузке, сходны и образуют отдельные кластера на берегах каждой из исследованных рек.

Примечательно, что прибрежный участок более крупной реки («Сож 1»), характеризовавшийся высокой степенью рекреационной нагрузки, образует единый кластер со всеми стационарами более мелкой реки – Ипать (притока Сожа). Это может говорить о том, что видовой состав жесткокрылых участка берега крупной реки, даже подвергшийся наибольшей рекреационной нагрузке, сходен по видовому составу жуков, обитающих на берегу более мелкой реки в целом.

Наибольшим видовым богатством жесткокрылых отличались участки береговых сообществ реки Ипать, здесь же была зафиксирована и наибольшая численность особей (таблица 1). Участки берега р. Сож отличались несколько меньшим видовым составом жесткокрылых и численностью. Это можно объяснить тем, что Ипать – более мелкая река и менее подвержена антропогенному прессу со стороны отдыхающих и, соответственно, сообщества растений и животных берега данной реки испытывают меньший стресс. При этом следует отметить, что наименьшее видовое богатство было зафиксировано на стационарных участках обеих рек, которые подвергались наибольшей рекреационной нагрузке.

При анализе структуры доминирования в исследованных сообществах не было выявлено общих доминантных видов для всех стационаров. В то же время следует выделить жужелицу *Pt. strenuus*, которая доминировала на всех участках берега р. Сож. На стационарах «Ипать 1» и «Ипать 2» данный вид имел низкую численность, а на участке «Ипать 3» – субдоминировал (таблица 1). Преобладающим видом в трех сообществах («Ипать 2», «Ипать 3», «Сож 1») была чернотелка *C. quisquilis*. На стационаре с отсутствием рекреационной нагрузки «Сож 3» данный вид вовсе не был зафиксирован, а на участках «Ипать 1» и «Сож 2» отмечен как субдоминант и субрецент соответственно. Также доминантным видом на трёх участках («Ипать 1», «Ипать 2» и «Сож 1») являлся обитатель сухой травянистой растительности – *H. griseus*. Жужелица, тяготеющая к древесным насаждениям *C. melanocephalus* доминировала на стационарах «Ипать 2», «Ипать 3», «Сож 2» и «Сож 3», а на стационарах «Ипать 1» и «Сож 1» этот же вид был уже субдоминантом и рецентом соответственно.

Для колеоптерокомплексов береговых сообществ реки Ипать характерно невысокое информационное разнообразие (наибольший показатель индекса Шеннона был на участке с промежуточной степенью рекреационной нагрузки – «Ипать 2»), что на фоне достаточно высокой концентрации доминирования и выравненности на участках, подверженных антропогенной нагрузке, может свидетельствовать о соответствии различным моделям видového распределения.

Так, участок, не подверженный воздействию со стороны населения, соответствует модели логнормального распределения (рисунок 1), что может говорить о близости видовой структуры колеоптерокомплексов к таковой в естественных ценозах. В то же время распределение видов в сообществах берега р. Ипать, подвергшихся давлению со стороны человека, соответствует модели «разломанного стержня» МакАртура, что характерно для биоценозов с перекрывающимися нишами и отсутствием сильной конкуренции [7].

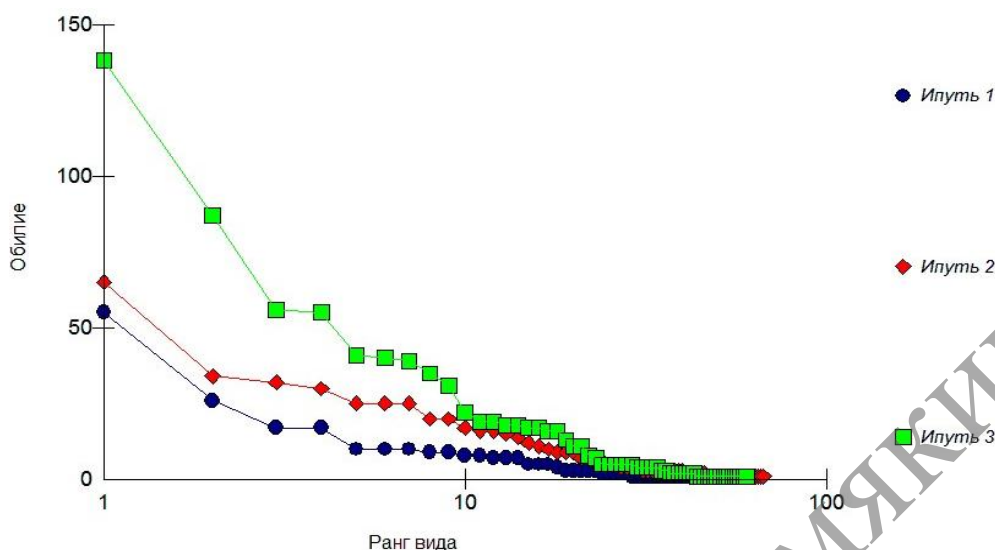

Рисунок 1. – Ранговое распределение жесткокрылых в прибрежных комплексах реки Ипуть

Для комплексов жесткокрылых береговых сообществ реки Сож также нехарактерно высокое информационное разнообразие (1,19–1,37), и, несмотря на то, что оно было ниже, чем в сообществах берега реки Ипуть, планомерно повышалось по мере уменьшения рекреационной нагрузки. Данные особенности на фоне понижающейся концентрации доминирования и практически равной выравненности позволяют отнести распределение видов жесткокрылых в сообществах берега р. Сож, подверженных рекреационной нагрузке со стороны отдыхающего населения, к модели логарифмического ряда (рисунок 2). Данный факт свидетельствует о том, что миграция в данные ненасыщенные сообщества носит случайный характер. Сообщество, не подверженное антропогенному прессу, наоборот, больше соответствует модели логарифмически нормального распределения, что делает его сходным с таковым сообществом берега р. Ипуть.

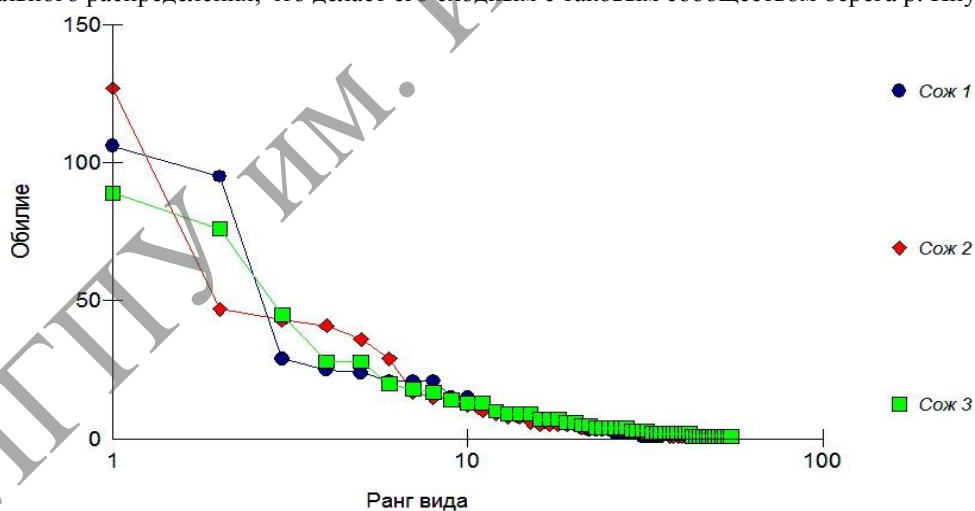

Рисунок 2. – Ранговое распределение жесткокрылых в прибрежных комплексах реки Сож

Нами также были проанализированы такие составляющие экологической структуры сообществ, как отношение к влажности (гигропреферендум), биотопическая приуроченность (биопреферендум), а также пищевая специализация жесткокрылых в исследованных сообществах.

В изученных сообществах нами был выявлен полный спектр экологических групп жесткокрылых **по отношению к влажности**. Представители всех групп, кроме гидробионтов, встречались во всех исследованных сообществах. Следует отметить, что на всех изученных территориях доминировали виды, обитающие в нормально увлажненных местах – мезофилы

(таблица 2). Наряду с мезофиллами, достаточно широко были представлены, как и следовало ожидать, гигрофилы и мезогигрофилы.

Таблица 2. – Экологические группы жесткокрылых береговых сообществ рек Ипуть и Сож

Экологические группы	Стационары											
	Ипуть 1		Ипуть 2		Ипуть 3		Сож 1		Сож 2		Сож 3	
	Число видов	Обилие особей, %	Число видов	Обилие особей, %	Число видов	Обилие особей, %	Число видов	Обилие особей, %	Число видов	Обилие особей, %	Число видов	Обилие особей, %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Гигропреферendum												
гидробионты	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0,6	1	0,2
гигрофилы	11	30,4	13	19,1	12	12,5	3	6,5	11	8,8	15	17,5
мезогигрофилы	5	5	13	9,8	10	11,2	4	6,5	6	9,2	8	22,9
мезофилы	18	35,8	25	43,3	25	39,6	15	22,4	21	64,4	22	51,6
мезоксерофилы	5	11,1	8	6,1	8	12,3	8	30,2	7	12,7	8	5,1
ксерофилы	5	17,7	8	21,7	5	24,4	5	34,4	6	4,3	1	2,7
Биопреферendum												
береговые	6	5	11	11,7	9	8,5	2	1,5	7	6,6	11	8,6
болотные	3	5,4	5	6,4	2	7,2	2	10,3	5	8,6	4	18,6
водные	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0,59	1	0,2
лесные	6	6,2	9	5,1	14	14,74	5	2,52	3	1,95	8	11,76
луговые	14	45,4	21	33,3	15	16,2	12	23,9	15	51,6	15	42,9
полевые	11	30,0	19	40,3	17	47,4	13	61,0	17	23,8	12	15,1
синантропные	2	2,3	0	0	1	1,0	0	0	1	2,7	1	0,6
убиквисты	2	5,8	2	3,2	2	5,0	1	0,8	3	4,1	3	2,6
Пищевая специализация												
сапрофаги	4	6,9	6	21,4	7	21,1	5	28,3	6	3,5	8	9,4
детритофаги	1	0,4	2	0,4	2	0,4	1	1,2	2	1,2	3	2,2
некрофаги	2	2,3	0	0	1	1,0	0	0	2	3,9	2	4,1
копрофаги	1	2,7	1	3,0	1	2,3	0	0	1	2,3	0	0
лимфофаги	1	0,8	0	0	1	2,2	0	0	0	0	1	0,8
мицетофаги	1	21,2	1	4,7	2	1,5	0	0	0	0	1	2,0
фитофаги	5	3,1	9	6,6	10	5,1	5	3,4	11	4,9	7	2,0
миксофитофаги	20	52,7	29	46,5	24	56,8	20	55,1	21	71,5	19	54,3
зоофаги	9	10,0	19	17,4	12	9,7	4	12,0	10	12,7	14	25,3
Всего видов	44		67		60		35		53		55	
Всего экземпляров		260		529		821		477		512		510

В прибрежных сообществах крупной реки по мере роста рекреационной нагрузки увеличивается как видовое богатство, так и численность ксерофильных жуков. Это можно объяснить преобладанием песчаных участков с редкой растительностью в местах активного отдыха горожан. В прибрежных сообществах более мелкой реки, наоборот, при увеличении степени рекреационной нагрузки наблюдается снижение численности ксерофилов при относительно стабильном их видовом составе.

Представители гидробионтов (*H. caraboides*, *D. luridus*, *R. cupreus*) – это обитатели полуводной или околотоводной растительности, которые, по всей видимости, попали в ловушку случайно.

При рассмотрении спектра биоценозов, в которых предпочитают обитать собранные жесткокрылые, нами было выявлено 8 **биопреферendumов** (таблица 2). На всех изученных участках как по видовому богатству, так и по относительному обилию преобладали луговые и полевые виды, что вполне объясняется наличием на участках лугового и полевого разнотравья.

Наименьшим видовым богатством и обилием особей отмечались водные и синантропные виды. Присутствие первых, как уже было отмечено выше, случайно, а наличие в сборах вторых объясняется соседством крупной Гомельской агломерации.

Нами среди всех собранных видов было выявлено 9 **трофических групп** (таблица 2). В населении жуков преобладали миксофитофаги и зоофаги. Зоофаги, несмотря на высокое видовое богатство, в значительной степени уступали миксофитофагам по численности.

В меньшей степени были представлены фитофаги и сапрофаги. Менее всего были зафиксированы виды с узкой пищевой специализацией: копрофаги, лимфофаги мицетофаги, некрофаги, детритофаги.

Выводы

В результате проведенных нами исследований прибрежных комплексов жесткокрылых рек Ипуть и Сож в окрестностях г. Гомеля можно отметить следующее:

1. Колеоптерокомплексы жесткокрылых герпетобия в окрестностях города Гомеля достаточно широко представлены видами (114 видов из 20 семейств), среди которых преобладали жукелищы.

2. Прибрежные сообщества каждой из рек уникальны по видовому составу, что подтверждается результатами кластерного анализа и отсутствием общих доминантных видов.

3. Колеоптерокомплексы берега р. Ипуть более богаты видами, но в то же время в более значительной степени подвержены изменениям в видовой структуре под влиянием рекреационной нагрузки.

4. Прибрежные сообщества исследованных рек сложены преимущественно мезофильными, мезогигрофильными и гигрофильными полевыми и луговыми зоофагами и миксофитофагами.

5. В прибрежных сообществах крупной реки по мере усиления рекреационной нагрузки мезогигрофильные и мезофильные виды уступают место ксерофильным в результате увеличения площади открытых песчаных пространств.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сушко, Г. Г. Эколого-фаунистическая характеристика сообществ жесткокрылых (Insecta, Coleoptera) верховых болот Белорусского Поозерья : автореф. дис. ... канд. наук / Г. Г. Сушко. – Минск : НАНБ Ин-т зоологии, 2002. – 20 с.

2. Возняк, А. В. Таксономический состав герпетобийных жесткокрылых в биотопах с различной степенью антропогенной нагрузки / А. А. Возняк, А. В. Рыжая // Зоологические чтения – 2015 : матер. Междунар. научно-практ. конфер. (Гродно, 22–24 апреля 2015 года) / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: О. В. Янчуревич (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2015. – С. 61–63.

3. Галиновский, Н. Г. К изучению фауны жукелищ (Coleoptera, Carabidae) береговых сообществ р. Сож в пределах г. Гомеля / Н. Г. Галиновский // Известия ГГУ. – № 5, Ч. 2. – Гомель, 2008. – С. 15–21.

4. Галиновский, Н. Г. Жукелищы (Coleoptera, Carabidae) береговых урбоценозов реки Сож (на примере г. Гомеля) / Н. Г. Галиновский // Экологический вестник. – 2009. – № 1. – С. 116–124.

5. Галиновский, Н. Г. Жесткокрылые (Ectognatha, Coleoptera) прибрежных урбоценозов р. Сож / Н. Г. Галиновский // Известия ГГУ. – № 3. – Гомель, 2010. – С. 166–172.

6. Renkonen, O. Statistish-Okologische Untersuchungen uber die terrestrische Kaferwelt der finnischen Bruchmoore / O. Renkonen // Ann. Zool. – Bot. Soc. Fennicae – 1938. – № 6. – P. 1–231.

7. Мэгарран, Э. Экологическое разнообразие и его измерение / Э. Мэгарран ; пер. с англ. Н. В. Матвеевой ; под ред. Ю. И. Чернова. – Москва : Мир, 1992. – 181 с.

Поступила в редакцию 31.05.16

E-mail: carabus@tut.by

M. Halinowski, A. Kabyshava

ECOLOGICAL AND FAUNISTIC REVIEW OF BEETLES (ECTOGNATHA, COLEOPTERA) COMMUNITIES OF THE SOZH AND IPUT' RIVER BANKS NEAR GOMEL

Due to great species diversity, abundance and wide distribution beetles are considered sensitive bio-indicators for which reason the whole group of insects or its individuals are now widely used as model objects for studying ecological patterns.

The study of species and ecological structure of gerpetobiont beetles was conducted with the use of soil traps in still poorly explored Sozh and Iput' riverbank ecosystems. It was revealed that the riverbank beetle communities within the rivers under study are represented by 114 species from 20 families. Riverbank coleopterocomplexes are composed mainly of meadow and field mesophilic mixophytophages widespread in the Palearctic. Herewith, communities of the bigger river to compare with its tributary are poorer in species diversity but more resistant to recreational load from the population of the neighboring city.

Keywords: beetle, riverbank ecosystem, natural habitat type, hydropreference, biopreference, nutrition specialization, recreational load.

УДК 616.22 – 008.5 – 053.4(476.2)

Е. И. Дегтярева¹, О. В. Зинкевич¹, М. Н. Левковская²¹УО «Гомельский государственный медицинский университет», г. Гомель, Беларусь²МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь**БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРУШЕНИЙ РЕЧЕВОЙ ФУНКЦИИ ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА г. ГОМЕЛЯ**

В ходе работы было установлено, что речевые нарушения чаще встречаются у мальчиков, чем у девочек, что связано с физиологическими особенностями строения и развития их головного мозга, а также более выраженной неустойчивостью нервной системы. Установлено, что доминирующим речевым нарушением детей дошкольного возраста г. Гомеля из рассмотренных нами является дизартрия, что связано с увеличением в последнее время числа патологий беременности и родов. При дислалии, заикании, задержке речевого развития основной группой негативных факторов, вызывающих данные речевые недостатки, является нарушение раннего развития ребенка, а именно дефекты речи в окружении ребенка и психические травмы. Также отмечено серьезное негативное влияние на речевую функцию детей дошкольного возраста такого фактора, как курение родителей.

Ключевые слова: речевые нарушения, дислалия, дизартрия, задержка речевого развития, заикание, причины речевых нарушений.

Введение

Речевая функция является одной из важнейших психических функций человека. В процессе речевого развития формируются высшие формы познавательной деятельности, способности к понятийному мышлению. Значение слова уже само по себе является обобщением и в связи с этим представляет собой не только единицу речи, но и единицу мышления. Они не тождественны и возникают в какой-то степени независимо друг от друга. Но в процессе психического развития ребенка возникает сложное, качественно новое единство – речевое мышление, речемыслительная деятельность [1].

Овладение способностью к речевому общению создает предпосылки для человеческих социальных контактов, благодаря которым формируются и уточняются представления ребенка об окружающей действительности, совершенствуются формы ее отражения. Речь способствует осознанию, планированию и регуляции поведения ребенка. Речевое общение создает необходимые условия для развития различных форм деятельности и участия в коллективном труде. Нарушение речи в той или иной степени (в зависимости от характера речевых расстройств) отрицательно влияет на психическое развитие ребенка, отражается на его деятельности, поведении. Тяжелые нарушения речи могут влиять на умственное развитие, особенно на формирование высших уровней познавательной деятельности, что обусловлено тесной взаимосвязью речи и мышления и ограниченностью социальных, в частности речевых, контактов, в процессе которых осуществляется познание ребенком окружающей действительности. Оно может способствовать развитию отрицательных качеств характера (застенчивости, нерешительности, замкнутости, чувства неполноценности). В связи с этим важна профилактика речевых нарушений, которая невозможна без знания причин, вызывающих различные недостатки речи. Знание вредоносных факторов, воздействующих на организм, или взаимодействие этих факторов дают возможность определить не только само речевое расстройство, но и его специфику, что позволяет произвести раннюю диагностику речевого нарушения, своевременную его коррекцию и избежать негативных последствий, выражающихся в задержке умственного и психического развития ребенка. Все это дает возможность для воспитания всесторонне развитой и социально адаптированной личности [2].

Цель работы: оценка речевой функции детей дошкольного возраста, а также изучение этиологии различных речевых нарушений (дислалия, дизартрия, заикание, задержка речевого развития) дошкольников, проживающих в г. Гомеле.

Профилактика речевых нарушений у детей тесно связана с предупреждением нервно-психических отклонений в состоянии здоровья. Однако предупреждение речевых нарушений невозможно без четкого понимания этиологии различных расстройств речи.

Объект, методика исследования. Объектом исследования является речь детей дошкольного возраста. Исследования проводились на базе филиала детской поликлиники №1 г. Гомеля. Общее количество обследуемых детей дошкольного возраста с нарушением речи составило 125 человек (78 мальчиков и 47 девочек). Из них 79 человек с дизартрией различной степени тяжести, 24 человека с дислалией, 10 дошкольников с заиканием и 12 детей с задержкой речевого развития. Кроме того, в ходе работы с картотекой за период 2013–2015 годы было обработано 2499 медицинских карточек дошкольников.

Диагностика периферических нарушений речи у детей дошкольного возраста нами была проведена по методике Т. А. Ткаченко. Диагностика речевых нарушений, таких, как дислалия, дизартрия, заикание, включает сбор кратких анамнестических данных, анкетирование родителей, исследование особенностей психического развития, психического состояния, поведения, обследование анатомического строения артикуляторного аппарата, изучение речевой моторики, звукопроизношения и слуховой дифференциации дефектно произносимых звуков [3]. В состав анкеты входили вопросы, которые позволяют установить этиологию рассмотренных нами речевых нарушений (вопросы, которые устанавливают причины врожденных нарушений: вредные привычки родителей, искусственное прерывание предшествующих беременностей, речевые нарушения у родителей, токсикозы при беременности, острые и хронические заболевания матери, резус-конфликт, падения и ушибы во время беременности матери, стрессовые ситуации во время беременности; вопросы, выявляющие акушерскую патологию, приводящую к внутричерепной родовой травме, асфиксии, травме головы, ушибам, сотрясению головного мозга; вопросы, выявляющие психические травмы ребенка после рождения).

Результаты исследований и их обсуждение

В ходе проведенного анкетирования родителей, дети которых страдают дизартрией, были установлены и проанализированы негативные факторы, вызывающие дизартрию у детей дошкольного возраста. Полученные данные были обобщены и представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Оценка результатов анкетирования родителей, дети которых страдают дизартрией

Группы факторов	Процент данной группы факторов от всей совокупности негативных причин
Врожденные причины	
Неблагоприятная наследственность	37,8
Патология внутриутробного развития	15,4
Приобретенные причины	
Осложненное протекание родов	38,5
Нарушение раннего развития ребенка	8,3

Из данных, представленных в таблице 1, видно, что при дизартрии преобладающей группой факторов, вызывающих данное речевое нарушение, является осложненное протекание родов и составляет 38,5% от всей совокупности негативных причин, причем число детей, при рождении которых наблюдалась акушерская патология, преобладает над числом детей, родившихся с асфиксией. Неблагоприятная наследственность также является основополагающей при дизартрии и составляет 37,8%, однако в этой группе причин основным негативным фактором являются вредные привычки родителей, а именно курение. Патология внутриутробного развития, где наиболее часто встречаемым негативным фактором оказались токсикозы первой и второй половины беременности, составляют 15,4% от всех негативных причин. Как выяснилось в результате анкетирования родителей дошкольников с речевыми патологиями, нарушение раннего развития ребенка играет наименьшую роль в возникновении дизартрии у детей дошкольного возраста, чаще всего негативные факторы этой группы выступают как сопутствующие или отягощающие.

На основании рассмотренной частоты встречаемости врожденных и приобретенных причин, вызывающих дизартрию, была построена диаграмма (рисунок 1), на которой отражена зависимость частоты встречаемости той или иной этиологической причины в группе детей, болеющих дизартрией.

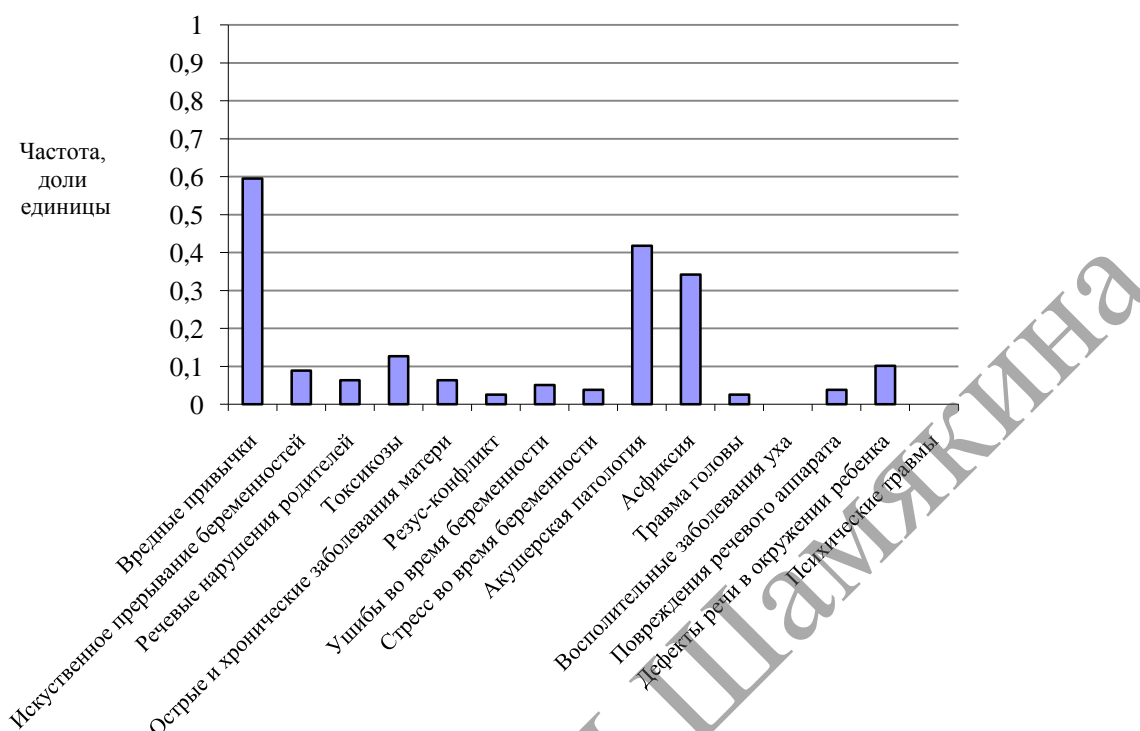

Рисунок 1. – Частота встречаемости причин, вызывающих дизартрию

Из рисунка 1 видно, что в развитии дизартрии доминирующее значение принимают такие этиологические причины, как вредные привычки родителей, акушерская патология и асфиксия, так как данные факторы могут нарушать иннервацию речевого аппарата. Также нужно отметить, что такие причины, как воспалительные заболевания внутреннего и среднего уха и психические травмы ребенка, не влияют на возникновение данной речевой патологии.

Из опрошенных нами родителей 24 человека указали в графе «речевое нарушение» дислалию различной степени тяжести. Результаты изучения этиологии данного речевого нарушения были отражены в таблице 2.

Таблица 2. – Оценка результатов анкетирования родителей, дети которых страдают дислалией

Группы факторов	Процент данной группы факторов от всей совокупности негативных причин
Врожденные причины	
Неблагоприятная наследственность	24,4
Патология внутриутробного развития	4,4
Приобретенные причины	
Нарушение раннего развития ребенка	71,2

Из таблицы 2 видно, что при данном речевом нарушении вообще не было отмечено такой группы негативных факторов, как «осложненное протекание родов». Также хорошо видно, что преобладающей группой причин возникновения дислалии является нарушение раннего развития ребенка и составляет 71,2 % от всей совокупности негативных причин, причем доминантным фактором в этой группе является наличие дефектов речи в окружении ребенка. 24,4 % от всей совокупности негативных причин составляет неблагоприятная наследственность, причем преобладающим фактором в этой группе является курение родителей. Патология внутриутробного развития при дислалии составляет лишь 4,4 % и не является определяющей группой причин.

Более точная картина частоты встречаемости причин, вызывающих дислалию, отражена на рисунке 2.

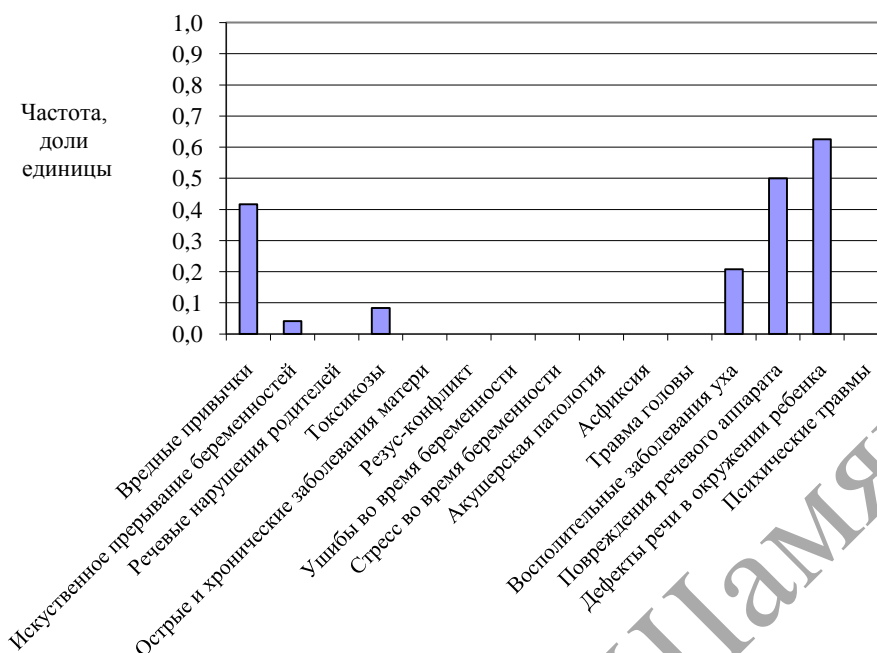

Рисунок 2. – Частота встречаемости причин, вызывающих дислалию

Из рисунка 2 видно, что в развитии данного речевого нарушения главную роль играет такая причина речевых нарушений, как дефекты речи в окружении ребенка, повреждение речевого аппарата, вредные привычки родителей. Остальные негативные факторы практически не влияют на возникновение дислалии. Такой результат может быть связан с тем, что при дислалии происходит нарушение звукопроизношения при нормальном слухе и сохранной иннервации речевого аппарата.

Задержка речевого развития, как и другие речевые нарушения, негативно сказывается на психическом и физиологическом развитии ребенка. Как и другие патологии речи детей, она обусловлена комплексом эндогенных и экзогенных факторов. Результаты анкетирования родителей, дети которых страдают задержкой речевого развития, отражены в таблице 3.

Таблица 3. – Оценка результатов анкетирования родителей, дети которых страдают задержкой речевого развития

Группы факторов	Процент данной группы факторов от всей совокупности негативных причин
Врожденные причины	
Неблагоприятная наследственность	34,2
Патология внутриутробного развития	15,8
Приобретенные причины	
Осложненное протекание родов	7,9
Нарушение раннего развития ребенка	42,1

Из таблицы 3 видно, что доминантными являются такие группы причин, как неблагоприятная наследственность, превалирующей причиной в этой группе факторов являются вредные привычки родителей и нарушение раннего развития ребенка, где доминирующей причиной являются психические травмы. Однако необходимо отметить, что такая негативная причина, вызывающая речевые нарушения у детей дошкольного возраста, как искусственное прерывание предшествующих беременностей матери, также влияет на возникновение у дошкольников задержки речевого развития, что отражено на рисунке 3.

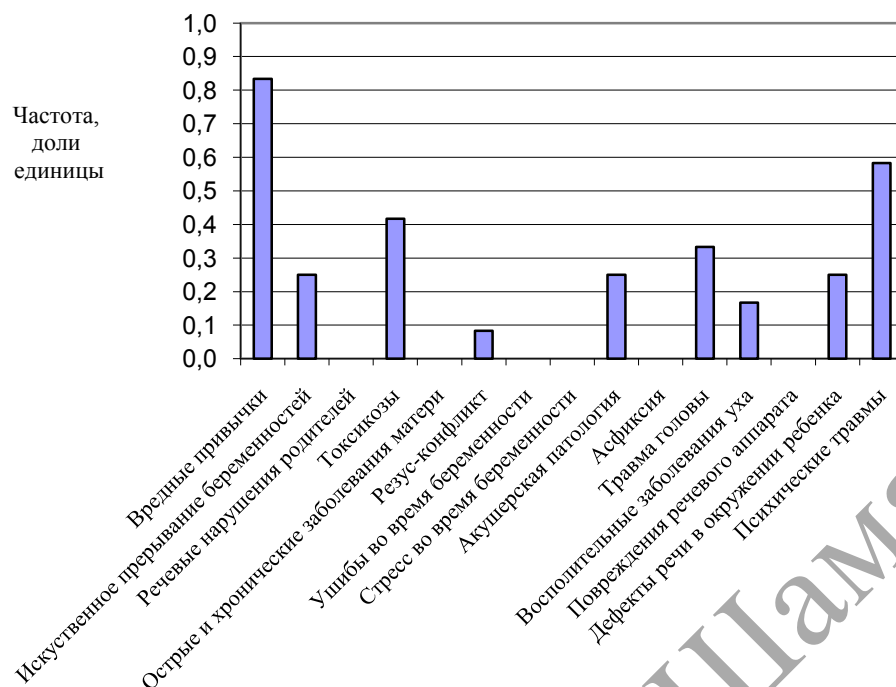

Рисунок 3. – Частота встречаемости причин, вызывающих задержку речевого развития

На диаграмме, приведенной выше, видно, что негативную роль в возникновении задержки речевого развития ребенка играют вредные привычки, травмы головы, психические травмы, токсикозы первой и второй половины беременности матери, что может объясняться тем, что во время токсикоза происходит отравление плода токсическими веществами матери, что в дальнейшем может негативно повлиять на речевое развитие ребенка.

Самой малочисленной речевой патологией из рассмотренных в нашей работе оказалось заикание. Установить причину заикания сложно. Группы факторов, которые вызывают заикание, мы попытались оценить на основании анкетирования родителей, что отражено в таблице 4.

Таблица 4. – Оценка результатов анкетирования родителей, дети которых страдают заиканием

Группы факторов	Процент данной группы факторов от всей совокупности негативных причин
Врожденные причины	
Неблагоприятная наследственность	28,5
Патология внутриутробного развития	22,9
Приобретенные причины	
Осложненное протекание родов	8,6
Нарушение раннего развития ребенка	40

Из таблицы также видно, что важной группой негативных факторов при данной патологии является нарушение раннего развития ребенка и составляет 40 % от всей совокупности негативных причин. Следует также отметить, что психические травмы, такие, как испуг, переживания в связи с разлукой с матерью, длительная психотравмирующая ситуация в семье, а также вредные привычки родителей, а именно курение, составляют по 17,1 % от всей совокупности негативных факторов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на доминирование различных негативных факторов при различных речевых нарушениях, патологии речевого развития вызваны в большинстве случаев не отдельно взятым фактором, а совокупностью негативных причин, влияющих на ребенка в большей или меньшей степени. На основе полученных данных в результате анкетирования родителей, дети которых страдают заиканием, была построена диаграмма, представленная на рисунке 4.

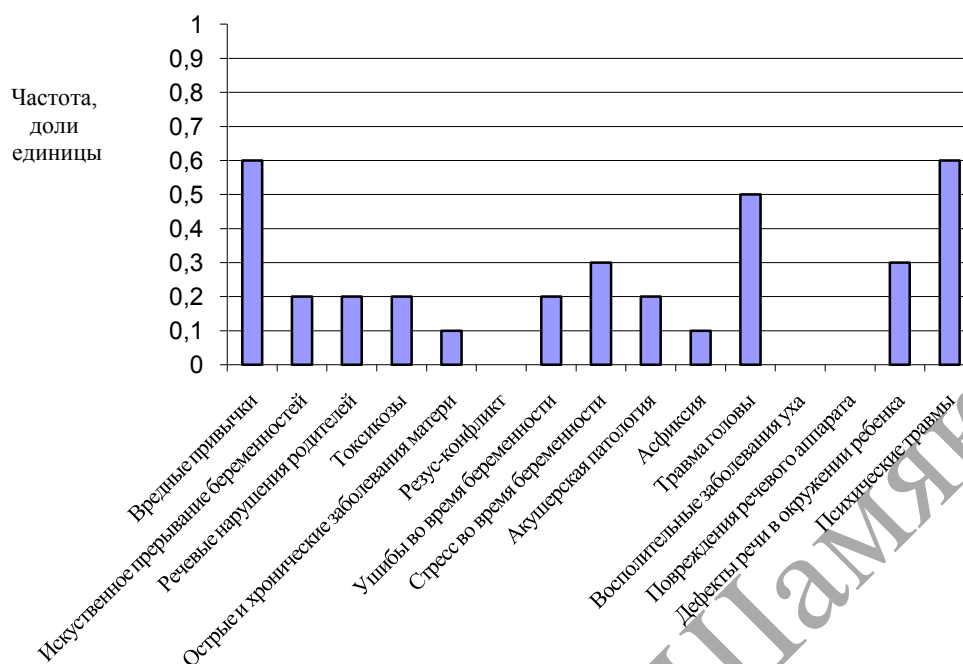

Рисунок 4. – Частота встречаемости причин, вызывающих заикание

На рисунке 4 видно, что при заикании главенствующую роль играют как вредные привычки родителей, так и психические травмы, полученные детьми в раннем возрасте, кроме того, значимую роль среди причин, приводящих к возникновению заикания, играют травмы головы. Названные причины являются ведущими и приводят к нарушению темпо-ритмической организации речи, обусловленной судорожным состоянием мышц речевого аппарата. Такие причины, как резус-конфликт, воспалительные заболевания внутреннего и среднего уха, а также повреждение речевого аппарата, не влияют на возникновение данного речевого нарушения. Однако, исходя из результатов, отраженных на рисунке 4, можно сделать вывод о том, что возникновение такого речевого нарушения, как заикание, обусловлено сочетанием многих негативных причин [4].

В ходе изучения речевой функции детей дошкольного возраста г. Гомеля были получены данные о частоте встречаемости различных речевых нарушений среди мальчиков и девочек. Полученные результаты представлены в таблицах 5 и 6.

Таблица 5. – Количественная характеристика различных речевых нарушений с учетом пола дошкольников

Вид речевого нарушения	Количество выявленных с данной речевой патологией (человек)	
	Мальчики	Девочки
Дизартрия	49	30
Дислалия	14	10
Задержка речевого развития	6	6
Заикание	9	1
Другие речевые нарушения	79	67
Дети без речевых нарушений	217	301
Всего обследованных:	374	415

В результате проведенного исследования были определены соотношения частот встречаемости рассмотренных нами речевых нарушений у мальчиков и у девочек.

Таким образом, соотношение частоты встречаемости дизартрии у мальчиков и у девочек составило 0,13:0,072, что говорит о том, что дизартрия у мальчиков встречается почти в два раза чаще, чем у девочек. Такое речевое нарушение, как дислалия, у мальчиков встречается в 1,5 раза чаще, чем у девочек. Число детей разного пола с задержкой речевого развития практически одинаково, что видно из соотношения, полученного в результате исследования: 0,016:0,014. Мальчиков, страдающих заиканием, больше, чем девочек, у которых встречается данное речевое нарушение, соотношение частоты встречаемости заикания у мальчиков и у девочек составило 0,024:0,002. Таким образом, можно сделать вывод о том, что различные речевые нарушения у мальчиков встречаются чаще, чем у девочек. Соотношение частоты встречаемости речевых нарушений у мальчиков и девочек составило 0,21:0,11. Что говорит о том, что у мальчиков дошкольного возраста речевые нарушения встречаются в два раз чаще, чем у девочек.

По результатам, отраженным в таблице 5, видно, что почти все рассмотренные нами речевые нарушения, кроме задержки речевого развития, чаще встречаются у мальчиков, чем у девочек. Такая картина обусловлена тем, что у мальчиков быстрее, чем у девочек, развивается правое полушарие. У девочек же, наоборот, левое (речевое) полушарие развивается быстрее, в связи с чем у них отмечаются более ранние сроки речевого развития. Причиной, определяющей преобладание речевых нарушений у лиц мужского пола, также могут быть интеллектуальные и речевые расстройства, связанные со специфическими изменениями в структуре X-хромосомы [1].

Таблица 6. – Количественная характеристика различных речевых нарушений от общего числа обследованных в процентах

Вид речевого нарушения	Процент обследованных дошкольников с данной речевой патологией
Дизартрия	63,2
Дислалия	19,2
Задержка речевого развития	9,6
Заикание	8

Из данных, представленных в таблице 6, видно, что наиболее распространенным речевым нарушением у детей дошкольного возраста является дизартрия, она была зафиксирована у 79 детей из 125 обследованных, что составило 63,2 % от общего количества дошкольников. Такой высокий процент данной речевой патологии, скорее всего, связан с ростом в последнее время патологий беременности и родов, которые и являются основными причинами дизартрии. 19,2 % детей от общего числа обследованных страдают дислалией, задержка речевого развития обнаружена у 9,6 % детей дошкольного возраста и лишь 8 % детей страдают заиканием [5].

В ходе проведенного исследования была обработана картотека филиала детской поликлиники №1 г. Гомеля за 2013–2015 годы, данные приведены в таблице 7.

Таблица 7. – Динамика частоты встречаемости различных речевых нарушений у дошкольников

Год	Всего обследованных	Выявлено детей с различными речевыми нарушениями					Дети без речевых нарушений
		Дизартрия	Дислалия	Заикание	Задержка речевого развития	Другие речевые нарушения	
2013	1037	37	20	6	23	106	845
2014	673	45	15	4	19	99	491
2015	789	79	24	10	12	146	518

Из результатов, представленных в таблице 7, видно, что динамика различных речевых нарушений дошкольников неоднозначна. Так, можно сказать, что число детей, страдающих такими речевыми нарушениями, как дислалия, заикание и задержка речевого развития, находится на постоянном уровне, то есть число выявленных лиц с данными речевыми нарушениями с 2013 по 2015 год существенно не изменилось, что касается дизартрии, картина иная. Происходит существенное возрастание числа выявленных детей дошкольного возраста с данным речевым нарушением. Выявленная динамика частоты встречаемости речевых нарушений у детей г. Гомель подтверждается работами Н. Ю. Григоренко [6].

Заклучение

Таким образом, проведенные нами исследования позволили не только выяснить этиологию различных речевых нарушений (дизартрия, дислалия, задержка речевого развития и заикание), но и проанализировать зависимость частоты встречаемости речевого нарушения от негативного фактора, вызывающего данное нарушение.

По полученным результатам можно сделать выводы:

1. Различные речевые нарушения у мальчиков наблюдаются чаще, чем у девочек, что связано с физиологическими особенностями строения и развития головного мозга, а также более выраженной неустойчивостью нервной системы.

2. Среди речевых расстройств детей дошкольного возраста г. Гомель доминирующим является дизартрия. При остальных речевых патологиях, рассмотренных в нашей работе, основной группой негативных факторов, вызывающих данные речевые недостатки, является нарушение раннего развития ребенка, а именно дефекты речи в окружении ребенка и психические травмы.

3. Негативное влияние на речевое развитие детей дошкольного возраста оказывают вредные привычки родителей, а именно курение.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валетов, В. В. Физиология: практические рекомендации / В. В. Валетов, Е. И. Дегтярева – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2011. – 123 с.
2. Дегтярева, Е. И. Оценка физического развития учащейся молодежи Гомельского региона / Е. И. Дегтярева, Ю. П. Дойняк // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2012. – № 4(37). – С. 17–25.
3. Заваденко, Н. Н. Нарушения развития речи у детей и их коррекция / Н. Н. Заваденко // Лечащий врач. – 2006. – № 5. – С. 30–35.
4. Гладковская, Л. М. Преодоление задержки речевого развития у детей раннего возраста (дошкольная логопедическая служба) / Л. М. Гладковская // Логопед. – 2008. – №4. – С. 20–27.
5. Белошенина, Е. А. Логопедические занятия с малышами / Е. А. Белошенина // Логопед. – 2009. – №3. – С. 10–15.
6. Григоренко, Н. Ю. Логопедический и медицинский аспекты органической дислалии и способы ее коррекции. Логопедическая коррекция дефектов звукопроизношения / Н. Ю. Григоренко // Дефектология. – 2012. – №4. – С. 22–31.

Поступила в редакцию 22.06.16

E-mail: elena.degtyaryova@tut.by

E. I. Degtyareva, O. V. Zinkevich, M. N. Levkovskaya

BIOLOGICAL ASPECTS OF VIOLATIONS OF SPEECH FUNCTION OF CHILDREN OF PRESCHOOL AGE GOMEL

It established that the dominant speech violation, considered by us is dysarthria, which is associated with an increase lately in the number of pathologies of pregnancy and childbirth. With dyslalia, stuttering, delayed speech development core group negative factors causing these language deficiencies is a violation of early child development, namely speech defects in the child's environment and mental trauma. Also noted a serious negative influence on the speech of children of preschool age is such a factor as Smoking parents. In addition, in the course of the work it was found that speech disorders are more common in boys than in girls, which is associated with the physiological characteristics of the structure and development of the brain, as well as a more marked instability of the nervous system.

Keywords: speech disorder, dyslalia, dysarthria, delay in speech development, stutter, reasons for speech disorder.

УДК 797.122:612

А. Ю. Журавский¹, В. В. Шантарович²¹ Кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры физической культуры и спорта,

УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, Беларусь

² Главный тренер национальной команды РБ по гребле на байдарках и каноэ,

доцент, доцент кафедры спортивных дисциплин,

МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь

**ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ НАГРУЗКИ
В ГОДИЧНОМ ТРЕНИРОВОЧНОМ ЦИКЛЕ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ
ГРЕБЦОВ НА БАЙДАРКАХ И КАНОЭ**

В работе представлены результаты проведенного исследования объема и интенсивности нагрузки в годичном тренировочном цикле сборной команды Республики Беларусь по гребле на байдарках и каноэ. Установлено, что общий километраж гребли на воде составляет в среднем 5115 км. Из них: гребля в умеренной зоне мощности – 2383 км (46,6 %); гребля в субмаксимальной зоне мощности – 2419 км (47,1 %); гребля в зоне большой мощности – 229 км (4,5 %); гребля в зоне максимальной мощности – 92 км (1,8 %). Созданная модель объема и интенсивности тренировочных нагрузок может считаться базовой в построении тренировочного процесса высококвалифицированных гребцов.

Ключевые слова: гребля на байдарках и каноэ, годичный тренировочный цикл, объем, интенсивность, модель.

Введение

В основу построения годичного тренировочного цикла должны быть положены определенные закономерности, отражающие сущностные характеристики процесса спортивной тренировки. Однако у специалистов по этому поводу нет однозначного мнения и, как следствие, моделей структуры годичного тренировочного цикла существует несколько, причем принципиально отличающихся друг от друга [1]–[7]. Интерес к построению годичного тренировочного цикла в различных видах спорта всегда остается в центре внимания специалистов, так как именно годичное планирование тренировочного процесса является кульминацией всей творческой работы тренера, воплощающейся в конкретный документ, на основе которого детализируются все остальные тренировочные циклы, отдельные занятия и двигательные задания [8], [9].

Цель исследования – определить оптимальный объем и интенсивность тренировочных нагрузок в построении тренировочного процесса сборной команды Республики Беларусь в гребле на байдарках и каноэ.

Материалы и методы исследований

Исследования проводились на учебно-тренировочных базах в городах Бресте, Мозыре, Бобруйске и Гомеле с членами национальной команды по гребле на байдарках и каноэ. Всего в эксперименте в период с 2010 по 2015 годы приняло участие 58 гребцов, из них 24 байдарочника, 16 байдарочниц, 18 мужчин-каноистов, 8 женщин-каноисток.

В ходе исследования нами были использованы следующие материалы и методы:

1. Анализ научно-методической литературы по проблеме моделирования тренировочных нагрузок спортсменов.
2. Анализ эффективности тренировочных программ сборной команды Республики Беларусь по гребле на байдарках и каноэ за 2010–2015 годы по результатам выступления на международных соревнованиях.
3. Анализ тренировочных объемов и интенсивности нагрузок в микро-, мезо- и макроциклах подготовки высококвалифицированных гребцов на байдарках и каноэ.

4. Метод индивидуализации подготовки высококвалифицированных гребцов на байдарках и каноэ на основе особенностей кинетики эндогенного лактата [10].
5. Методы математической статистики [11].

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время при составлении тренировочных программ подготовки команды Республики Беларусь по гребле на байдарках и каноэ в их содержание включаются следующие основные средства: специальная подготовка (гребля в различных зонах интенсивности); общая физическая подготовка (легкоатлетический бег (км), тренажерная подготовка, атлетическая подготовка, спортивные игры, общеразвивающие упражнения). Греблю на байдарках и каноэ традиционно планируется выполнять в пяти зонах интенсивности, в зависимости от концентрации образуемого при этом лактата (La):

Первая зона – лактат менее 2 мМоль/л.

Вторая зона – лактат от 2 до 4 мМоль/л.

Третья зона – лактат от 4 до 8 мМоль/л.

Четвертая зона – лактат более 8 мМоль/л.

Пятая зона – алактатная, т. е. без сохранения лактата в организме.

В основе физической работоспособности лежат определенные физиологические механизмы, исследование которых имеет значение при контроле подготовки спортсменов, воспитывающих выносливость. Аэробная производительность определяется функциональными резервами системы, транспортирующей кислород (сердечно-сосудистой, органов дыхания, кровеносной систем) и системы тканевого дыхания. Анаэробную производительность определяет мощность внутримышечных анаэробных систем и запасы в мышцах энергетических веществ. В зависимости от мощности работы были предложены классификации мышечной работы. В классификации В. С. Фарфеля [12] выделено четыре степени мощности работы, которым соответствуют четыре временные зоны. Работа максимальной мощности выполняется в зоне, продолжительность которой составляет 10–20 с. Субмаксимальная по мощности работа выполняется в зоне, длящейся от 20 с до 5 мин. В зоне от 5 мин до 30 мин выполняется работа большой мощности. Меньшая по мощности работа выполняется в четвертой зоне (умеренная мощность). Продолжительность работы в зоне умеренной мощности составляет свыше 30 мин.

В классификации Н. И. Волкова [5] первая зона (зона максимальной мощности) длится не более 15 с.

Вторая зона (зона субмаксимальной мощности) разделена на две, где продолжительность первой составляет от 15 с до 40 с, а второй – от 40 с до 2-х мин. Четвертая зона (зона большой мощности) составляет от 2 мин до 10 мин. Пятая зона (зона умеренной мощности) составляет свыше 10 мин гребли. В первой зоне работа обеспечивается преимущественно креатинфосфатным механизмом энергопродукции (алактатная фаза анаэробного обмена). Во второй зоне (от 15 с до 40 с) основную роль играет гликолиз (лактатная фаза анаэробного обмена). В третьей зоне (от 40 с до 2-х минут), наряду с гликолизом, включается аэробный механизм производства энергии. В четвертой зоне аэробный механизм играет преобладающую роль. В пятой зоне основная часть работы выполняется за счет аэробного механизма энергообеспечения физической нагрузки. Применительно к гребле на байдарках и каноэ в соответствующую зону, по Н. И. Волкову, относятся следующие дистанции: 3-я зона (зона субмаксимальной мощности) – дистанция 500 м; 4-я зона (зона большой мощности) – дистанция 1 000 м; 5-я зона (зона умеренной мощности) – дистанция 5 000 м [13]. Как известно [14], первая зона интенсивности соответствует исключительно аэробному режиму энергообеспечения мышечной деятельности. Вторая зона приходится на границу порога анаэробного обмена (ПАНО), но не превышает его. В третьей и четвертой зонах интенсивности мышечной деятельности в большей мере преобладают анаэробные процессы энергообеспечения. Пятая зона интенсивности гребли предусматривает тренировку только фосфатного механизма, субстратом которого является аденозинтрифосфат (АТФ).

На рисунке представлена примерная динамика выполненного объема основных тренировочных средств подготовки гребцов на байдарках и каноэ сборной команды Республики Беларусь. Анализ тренировочных программ показал, что в начале подготовительного периода (октябрь-ноябрь) объем гребли в аэробном, аэробно-анаэробном и анаэробном режимах постепенно возрастает.

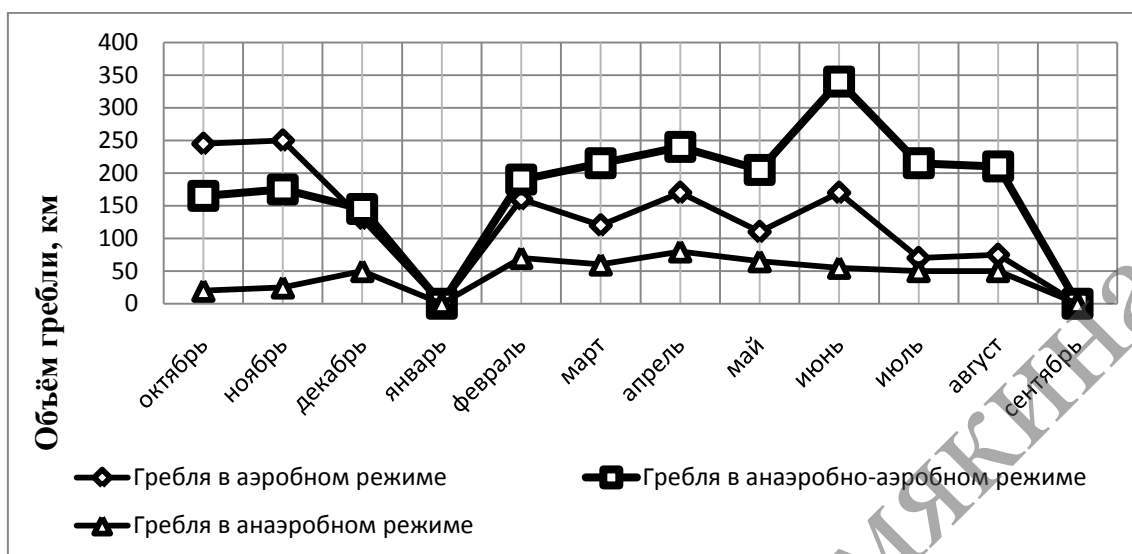

Рисунок – Динамика объема и интенсивности гребли в годичном тренировочном цикле

В декабре объем тренировочной нагрузки в аэробной и аэробно-анаэробной зонах существенно уменьшается и параллельно возрастает её интенсивность. Объем гребли в анаэробном режиме увеличивается более чем в 2 раза. Такая динамика тренировочной нагрузки соответствует общему подготовительному этапу. В январе спортсмены не используют греблю в связи с отсутствием естественных условий для тренировки. В феврале в сборной команде начинается специальный подготовительный период. Постепенно объем гребли в аэробном режиме увеличивается до апреля, затем наблюдается некоторый спад, и максимум нагрузки приходится на июнь, то есть когда начинается соревновательный этап. На июнь приходится максимум объема гребли в аэробно-анаэробном режиме (в среднем 340 км). Однако объем гребли в анаэробном режиме в апреле – мае уменьшается в среднем с 75 км до 60 км, а в июне – июле до 50 км в месяц и ниже. Такое построение тренировочного процесса соответствует традиционному принципу волнообразности из теории периодизации спортивной тренировки Л. П. Матвеева [6].

В ходе проведенного исследования выявлено, что суммарный объем гребли в различных зонах интенсивности составил в среднем $5115,26 \pm 283,49$ км (100%). Что касается соотношения объемов по разным зонам интенсивности мышечной работы, то объем гребли в зоне умеренной мощности составил в среднем $2383,36 \pm 142,74$ км. При такой интенсивности гребли, когда концентрация лактата не превышает 2 ммоль/л, энергообеспечение мышечной деятельности, то есть физическая работа, осуществляется исключительно за счет аэробного механизма. В таких условиях частота сердечных сокращений (ЧСС) спортсменов находится в пределах 70–80 % от максимальной, а интенсивность тренировочной нагрузки соответствует 80–90 % уровня анаэробного порога (АнП). Необходимо отметить, что доля гребли в этой зоне мощности достаточно большая и составляет в среднем 46,6 % от общего объема гребли.

Определено, что объем гребли в зоне субмаксимальной мощности-1, когда скорость перемещения лодки находится в пределах 70–80 % от максимальной, равен в среднем $1931,52 \pm 89,56$ км (37,7 % от всего объема). При такой интенсивности гребли концентрация лактата находится в пределах 2–4 ммоль/л, ЧСС на уровне 80–90 % от максимальной, а интенсивность тренировочной нагрузки соответствует 90–100 % уровню анаэробного порога (АнП). То есть, энергообеспечение мышечной деятельности в данном случае осуществляется также преимущественно за счет аэробного механизма.

Годовой объем гребли в зоне субмаксимальной мощности-2 у гребцов сборной команды значительно сокращается, по сравнению с двумя предыдущими и составляет примерно $480,71 \pm 48,26$ км, или 9,4 % от общего объема гребли на воде. Интенсивность гребли превышает АнП на 10 %, скорость перемещения лодки достигает 80–85 % от максимальной. ЧСС спортсменов поднимается до 95 % от максимальной величины, а мышечная деятельность при

такой интенсивности обеспечивается не только аэробным, но уже и анаэробным механизмом, поэтому и концентрация лактата возрастает с 4 мМоль/л до 8 мМоль/л.

Объем гребли в большой зоне мощности составляет в среднем $229,48 \pm 37,72$ км, или 4,5 % от общего километража. При этом скорость движения лодки достигает 90–100 % от максимальной, а концентрация лактата превышает 8 мМоль/л.

Наименьший объем гребли у обследуемых спортсменов приходится на максимальную зону интенсивности. Скорость движения лодки по дистанции достигает своего максимума. Такая работа занимает в среднем $92,63 \pm 16,39$ км в годичном цикле (1,8 %). Это, как правило, гребля на отрезках от 20 до 100 метров.

Рассматривая годовой объем средств общей физической подготовки (ОФП) гребцов на байдарках и каноэ, можно сделать также определенное заключение. Так, годовой объем ОФП у них составляет в среднем $191,25 \pm 18,57$ часов. Из них тренажерной подготовке уделяется в среднем $70,67 \pm 8,58$ часов, или 36,6 % от общего количества часов. Второе место в структуре ОФП занимает атлетическая подготовка, которой уделяется в среднем – $60,28 \pm 6,36$ часов, или 31,4 %. На третьем месте в годичном цикле находится кроссовый бег. Он составляет в среднем $31,27 \pm 4,51$ час, или 16,3 % от общего объема средств ОФП. Меньше всего времени дается на общеразвивающие упражнения – $30,05 \pm 4,38$ часов (15,7 %).

Таким образом, можно сделать вывод, что построение годичного тренировочного цикла гребцов на байдарках и каноэ основного состава сборной команды Республики Беларусь только частично основывается на идеях Л. П. Матвеева. В основном это касается построения общего подготовительного этапа. В начале подготовительного периода (октябрь) гребцы выполняют большой объем гребли в аэробном (294,0 км) и аэробно-анаэробном режимах (162,0 км). В ноябре – декабре объем гребли в аэробной зоне сокращается более чем в 2 раза, при этом повышается объем гребли в аэробно-анаэробном и анаэробном режимах. То есть, по своей структуре тренировочный процесс гребцов основного состава сборной команды Республики Беларусь соответствует классическим понятиям построения общего подготовительного этапа спортсменов по модели годичного цикла Л. П. Матвеева [7].

В январе взрослые спортсмены занимались только общей физической подготовкой. В начале специально подготовительного этапа (февраль – март) закономерно возрастает объем гребли в аэробно-анаэробном режиме. При этом он больше, чем объем гребли в аэробном режиме. Затем у спортсменов постепенно возрастает объем гребли в анаэробном режиме, достигая максимума к началу соревновательного этапа (июнь). В июне резко возрастает и объем гребли в аэробном режиме. Такая ситуация не типична для соревновательного этапа. Однако анализ выступления белорусских гребцов на чемпионате мира 19–23 августа 2015 года в Италии (г. Милан) [15], где было завоевано 10 медалей (5 золотых, 2 серебряные и 3 бронзовые) показал, что выбрана оптимальная модель объема и интенсивности нагрузки в годовом тренировочном цикле.

Проведенный анализ структуры и содержания годичного тренировочного цикла основной сборной команды Республики Беларусь по гребле на байдарках и каноэ показал, что построение тренировочного процесса требует постоянного поиска и корректировки объемов и интенсивности нагрузки. Такой подход может существенно повысить эффективность тренировочного процесса гребцов сборной команды Республики Беларусь, что будет способствовать росту их спортивного мастерства и соревновательной результативности.

Выводы

1. Общий километраж гребли на воде составляет в среднем 5115 км. Из них: гребля в умеренной зоне мощности – 2383 км (46,6 %); гребля субмаксимальной мощности – 2419 км (47,1 %); в зоне большой мощности – 229 км (4,5 %); в зоне максимальной мощности – 92 км (1,8 %).

2. Оптимальный объем средств общей физической подготовки, используемый гребцами на байдарках и каноэ в годичном тренировочном цикле, составляет в среднем 191 час. Из них 70 часов (36,6 %) – тренажерная подготовка, 60 часов (31,4 %) – атлетическая подготовка, 31 час (16,3 %) – кроссовый бег и 30 часов (15,7 %) – общеразвивающие упражнения;

3. Созданная модель объема и интенсивности тренировочных нагрузок может считаться базовой в построении тренировочного процесса высококвалифицированных гребцов на байдарках и каноэ.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарчук, А. П. Периодизация спортивной тренировки / А. П. Бондарчук. – Киев : Олимпийская литература, 2005. – 304 с.
2. Бондарчук, А. П. Управление тренировочным процессом спортсменов высокого класса / А. П. Бондарчук. – М. : Олимпия Пресс, 2007. – 272 с.
3. Верхошанский, Ю. В. Программирование и организация тренировочного процесса / Ю. В. Верхошанский. – М. : Физкультура и спорт, 1985. – 176 с.
4. Верхошанский, Ю. В. Принципы организации тренировки спортсменов высокого класса в годичном цикле / Ю. В. Верхошанский // Теория и практика физической культуры. – 1991. – № 2. – С. 24–31.
5. Волков, В. М. Спортивный отбор / В. М. Волков, В. П. Филин. – М. : Физкультура и спорт, 1983. – 174 с.
6. Матвеев, Л. П. Основы общей теории спорта и системы подготовки спортсменов / Л. П. Матвеев. – Киев : Олимпийская литература, 1999. – 320 с.
7. Матвеев, Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты: учебник для вузов физической культуры / Л. П. Матвеев. – М. : Советский спорт, 2010. – 340 с.
8. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте / В. Н. Платонов. – Киев : Олимпийская литература, 2004. – 820 с.
9. Платонов, В. Н. Периодизация спортивной тренировки: общая теория и ее практическое применение / В. Н. Платонов. – Киев : Олимпийская литература, 2013. – 623 с.
10. Шкуматов, Л. М. Метод индивидуализации подготовки высококвалифицированных гребцов на байдарках на основе особенностей кинетики эндогенного лактата : практ. пособие / Л. М. Шкуматов, В. В. Шантарович, Е. А. Мороз. – Минск : БГУФК, 2014. – 39 с.
11. Горяинова, Е. Р. Прикладные методы анализа статистических данных : учебное пособие / Е. Р. Горяинова, А. Р. Панков, Е. Н. Платонов. – М.: Высшая школа экономики, 2012. – 312 с.
12. Фарфель, В. С. Управление движениями в спорте / В. С. Фарфель. – М. : Физкультура и спорт, 1975. – 206 с.
13. Шантарович, В. В. Интегральная оценка функционального состояния спортсменов-гребцов на байдарках и каноэ высокой квалификации : пособие / В. В. Шантарович, Е. Г. Каллаур. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2014. – 100 с.
14. Янсен, П. ЧСС, лактат и тренировка выносливости / П. Янсен ; пер. с англ. – Мурманск : Тулома, 2006. – 160 с.
15. Спортивно-технические результаты **Чемпионата мира** по гребле на байдарках и каноэ, **19–23 августа 2015 г.**, г. Милан (Итальянская Республика). Сайт Белорусской федерации гребли на байдарках и каноэ.

Поступила в редакцию 22.06.16

E-mail: Azhur@list.ru

A. Yu. Zhuravsky, V. V. Shantarovich

PHYSIOLOGICAL BASES OF MODELLING OF LOADING IN THE YEAR TRAINING CYCLE
OF HIGHLY SKILLED OARSMEN ON KAYAKS AND CANOE

In work results of the conducted research of volume and intensity of loading in a year training cycle of a national team of Republic of Belarus on rowing on canoe kayaks are presented. It is established that the general distance in kilometers of rowing on water averages 5115 km. From them: rowing in a moderate zone of power – 2383 km (46,6%); rowing in the submaximal zone of power – 2419 km (47,1%); rowing in a zone of big power – 229 km (4,5%); rowing in a zone of the maximum power – 92 km (1,8%). The created model of volume and intensity of training loads can be considered basic in creation of training process of highly skilled oarsmen.

Keywords: canoe racing, year training cycle, volume, intensity, model.

УДК630*232.32

В. В. Копытков¹, А. В. Боровков²

¹ Кандидат с.-х. наук, доцент, сектор биорегуляции выращивания лесопосадочного материала, заведующий сектором, ГНУ «Институт леса НАН Беларуси», г. Гомель, Беларусь

² Соискатель сектора биорегуляции выращивания лесопосадочного материала, ГНУ «Институт леса НАН Беларуси», г. Гомель, Беларусь

ВЛИЯНИЕ КОМПОЗИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ЛЕСОВОДСТВЕННУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИ ЛЕСОВЫРАЩИВАНИИ

Проведены комплексные исследования агротехнологий лесовыращивания и научно обоснованы эколого-лесоводственные проблемы применения композиционных материалов при лесовыращивании для предпосевной обработки семян, внекорневой обработки растений, защиты корневых систем от иссушения. Разработаны и исследованы новые композиционные материалы для получения удобрений пролонгированного действия, которые уменьшают непродуктивные потери элементов питания до 15%, увеличивают коэффициент использования удобрений на 11% и продлевают период их действия при повышении продуктивности сосновых насаждений на 2 года.

Все азотные удобрения оказывают положительное влияние на текущий прирост сосновых насаждений. Удобрение пролонгированного действия в дозе 150 кг/га увеличивает текущий прирост древесины в течение 7 лет, а аналогичная доза стандартных туков – 5 лет. Действие азотных удобрений в насаждениях разного возраста проявляется неодинаково.

Установлены нормы высева семян в зависимости от почвенного плодородия и предпосевной обработки семян. Разработанные ресурсосберегающие агротехнологии выращивания сеянцев сосны обыкновенной с использованием композиционных материалов для предпосевной обработки семян, получения компостов и внекорневой обработки растений способствуют снижению нормы высева семян с 60 кг/га до 45–55 кг/га.

Ключевые слова: эффективность лесовыращивания, композиционные материалы, посадочный материал, минеральные удобрения, текущий прирост, непродуктивные потери азота.

Введение

Накоплен определенный опыт по искусственному лесовыращиванию, который широко отражен в литературе (В. Ф. Багинский, В. А. Ипатьев, Н. Т. Юшкевич, Н. И. Федоров, В. В. Усень, С. С. Штукин, Н. И. Якимов и др.) [1]–[7]. Вместе с тем проблема повышения искусственного лесовыращивания полностью не решена. Требуется дальнейшее совершенствование выращивания посадочного материала и лесных культур, в том числе с использованием композиционных материалов.

Выращивание посадочного материала в лесных питомниках предусматривает повышение его эффективности. Лесные питомники нуждаются в улучшении почвенного плодородия. В лесопитомническом хозяйстве в полном объеме не используют в качестве удобрений компосты на основе отходов лесной и деревообрабатывающей промышленности (кора и опилки), а также удобрения пролонгированного действия.

Решение проблемы повышения эффективности лесовыращивания возможно на основе применения композиционных материалов (КМ), что обеспечивает интенсификацию выращивания посадочного материала и создания лесных культур.

Сосновые насаждения в Беларуси составляют 50,3% [8]. Применяемая агротехнология выращивания посадочного материала и создания лесных культур в настоящее время не в полной мере обеспечивает оптимальные почвенно-экологические условия для успешного роста насаждений.

Значительные объемы лесокультурных работ обуславливают необходимость выращивания стандартного посадочного материала. Процесс выращивания сеянцев является сложным и трудоемким и требует выполнения большого числа агротехнических и технологических операций, от которых зависит эффективность производства посадочного материала [9], [10]. Она может быть в значительной степени повышена за счет оптимизации почвенно-экологических условий на основе использования композиционных материалов.

Результаты исследования и их обсуждение

На рисунке представлена схема применения композиционных материалов при выращивании посадочного материала, создания лесных культур и повышения продуктивности хвойных насаждений.

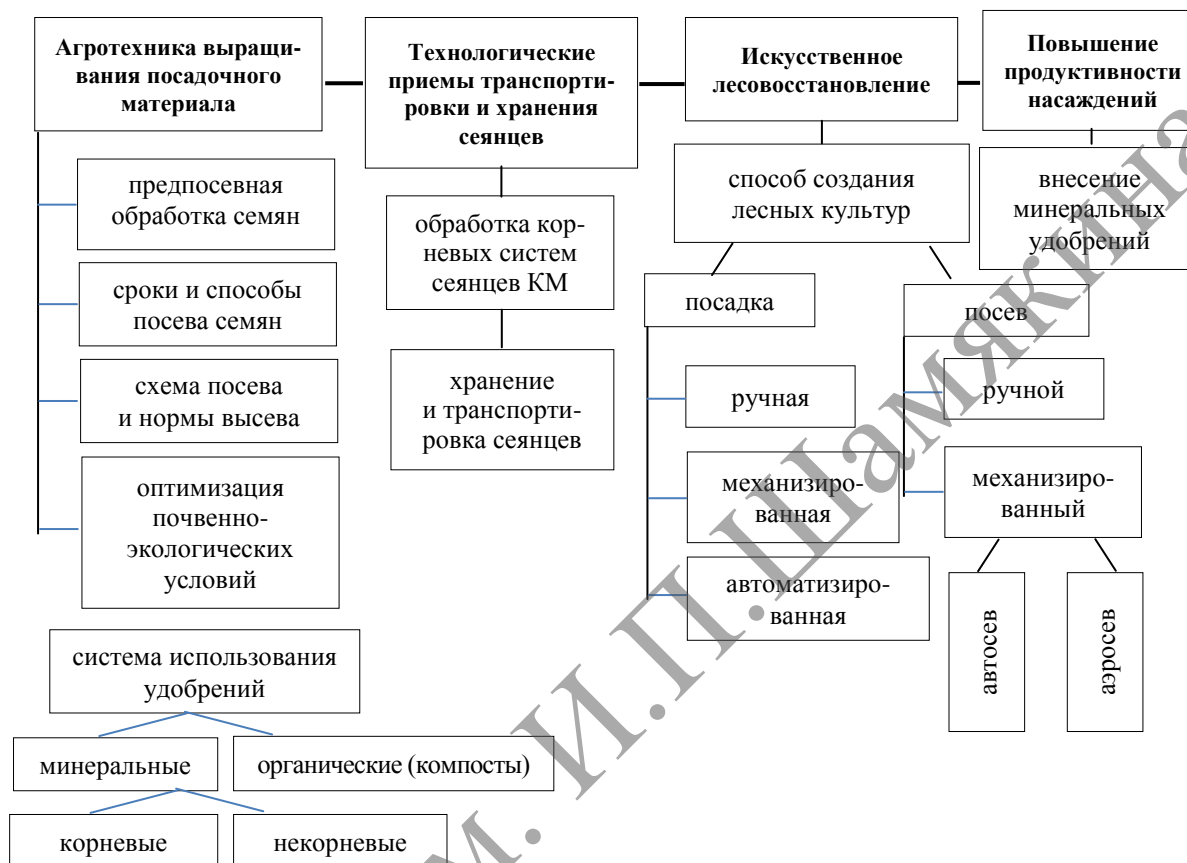

Рисунок – Схема применения композиционных материалов при выращивании посадочного материала

Основной целью исследований КМ является разработка и оптимизация физико-химических свойств для получения максимального лесоводственно-экономического эффекта на всех этапах лесовыращивания. Нами условно определены следующие этапы лесовыращивания: агротехнологические приемы выращивания посадочного материала на основе применения КМ; технологические приемы транспортировки и хранения сеянцев с использованием КМ; повышение продуктивности сосновых насаждений за счет ресурсосберегающей системы внесения удобрений пролонгированного действия.

Агротехнические приемы, применяемые при выращивании лесопосадочного материала в лесных питомниках, направлены на создание наиболее благоприятных условий для прорастания семян, приживаемости и роста растений за счет повышения плодородия почвы.

Нами разработан комплексный подход к предпосевной обработке семян с помощью физических и химических методов. Сначала производится обработка семян ультрафиолетовым светом (УФ), затем предпосевная обработка композиционным защитно-стимулирующим составом. Эффективность действия ультрафиолетового излучения зависит, главным образом, от длины волны падающего света и времени облучения. Время облучения семян зависит от их класса качества. Обработка семян УФ светом способствует оздоровлению хранившихся семян и препятствует развитию болезнетворных микроорганизмов [11].

Изучение динамики разложения коровых субстратов с целевыми добавками и определение степени их готовности по основным физико-химическим и органолептическим показателям как в условиях естественного компостирования, так и в условиях лабораторного

эксперимента позволили установить, что в процессе компостирования коровых субстратов необходимо систематически контролировать их влажность, т.к. показатель влажности исследуемых компостов после 19-и месяцев компостирования находился ниже оптимального значения (60–65%), варьировал от 40 до 50% и в дальнейшем постепенно снижался. Установлены оптимальные сроки компостирования субстратов. Исследования показали, что введение в коровые субстраты целевых добавок в виде куриного помета способствовало более быстрому созреванию компостов. Так, показатель соотношения углерода к азоту в этих субстратах после 19-и месяцев компостирования достиг оптимального значения – менее 40 единиц. Показатель кислотности за этот период составил $pH = 5,2-6,0$ и приблизился к оптимальному значению ($pH = 5,9-6,1$).

Исследования позволили путем анализа физико-химических показателей коровых субстратов с целевыми добавками на разных стадиях их компостирования выделить оптимальные составы и разработать технические условия ТУ ВУ 400070994.008–2010 на «Состав «Агрополикор» для повышения почвенного плодородия питомников». Технические условия ТУ ВУ 400070994.008–2010 «Состав «Агрополикор» для повышения почвенного плодородия питомников» прошли государственную санитарно-гигиеническую экспертизу (акт от 18.10.2010 г. № 16-12-01/2367), согласованы в Республиканском центре гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья (протокол № 7357-1-01.1.246.3.3 от 11.10.2010 г.), прошли проверку в Белорусском государственном институте стандартизации и сертификации. Разработанный состав «Агрополикор» предназначен для повышения почвенного плодородия питомников и позволит Минлесхозу РБ более рационально использовать имеющиеся отходы деревообрабатывающей промышленности для полного обеспечения лесных питомников органоминеральными удобрениями. Полученные компосты повышают почвенное плодородие постоянных лесных питомников в течение 2–3 лет и увеличивают выход стандартных семян до 20%.

Разработаны «Рекомендации по выращиванию микоризных семян хвойных пород на субстрате из органоминеральной смеси и целевых добавок». Данные рекомендации согласованы с Минлесхозом РБ (письмо от 09.08.2010 г. № 251-14-01/1435) и внесены в реестр технических нормативных правовых актов 04.10.2010 г. № 000184.

Внесение азотных удобрений способствовало значительному увеличению содержания аммиачного азота в почве сосняков мшистых. При внесении аммиачной селитры в дозе 150 кг/га по действующему веществу в приспевающее насаждение запас аммонийного азота через месяц после внесения на глубине 0–50 см в 3,4 раза был выше, чем на контроле. Наибольший запас аммонийного азота в это время зафиксирован в 0–20-см слое почвы. К концу первого вегетационного периода, после внесения минеральных удобрений, наблюдается снижение запаса аммиачного азота с 185,5 до 100,6 кг/га в верхнем 50-см слое почвы и увеличение его в нижнем. Повышенное содержание аммонийного азота на удобренных вариантах наблюдается в течение двух вегетационных периодов. К концу второго вегетационного периода запас азота в верхнем полуметровом слое почвы находится почти на уровне контроля. В нижнем полуметровом слое почвы увеличение содержания аммиачного азота сохранилось и на третьем году исследований.

Все исследуемые азотные удобрения оказывают положительное влияние на текущий прирост сосновых насаждений. Удобрение пролонгированного действия в дозе 150 кг/га увеличивает текущий прирост древесины в течение 7 лет, а аналогичная доза стандартных туков – 5 лет. Действие азотных удобрений в насаждениях разного возраста проявляется неодинаково.

Приведены качественные показатели основных «приходных» и «расходных» статей баланса обычной и с полимерным покрытием аммиачной селитры. Потери из аммиачной селитры с полимерным покрытием значительно меньше, чем из обычной: газообразные соответственно – 1,5 и 9,0 кг/га, а величина вымытого азота с инфильтрационными водами – 8,5 и 22,0 кг/га.

Коэффициент использования азота в приспевающем насаждении зависит от формы вносимых удобрений. При весеннем внесении обычной аммиачной селитры коэффициент использования азота деревьями основного яруса составляет 56 %, а из капсулированной – 67 %. Уменьшение коэффициента использования азота из обычной аммиачной селитры, по сравнению с капсулированной, объясняется наибольшими потерями азота в газообразной форме и в результате вымывания с инфильтрационными водами.

В таблице приведены полученные результаты исследований на опытных объектах при различных схемах посева семян и нормах их высева.

Таблица – Влияние почвенного плодородия и предпосевной обработки семян сосны обыкновенной на биометрические показатели сеянцев

Варианты опыта	Биометрические показатели сеянцев		Выход стандартных сеянцев, млн шт./га
	высота стволика, см	диаметр корневой шейки, мм	
Объект № 1, содержание гумуса 1,9%			
1. Посев обычных семян, 60 кг/га	5,0	1,8	2,0
2. Посев инкрустированных семян, 60 кг/га	5,2	2,0	2,2
3. Посев обычных семян, 55 кг/га	5,4	2,0	2,2
4. Посев инкрустированных семян, 55 кг/га	5,5	2,1	2,3
5. Посев обычных семян, 45 кг/га	5,5	2,0	2,2
6. Посев инкрустированных семян, 45 кг/га	5,7	2,0	2,4
Объект № 2, содержание гумуса 2,8%			
1. Посев обычных семян, 60 кг/га	6,1	2,0	2,3
2. Посев инкрустированных семян, 60 кг/га	6,5	2,2	2,4
3. Посев обычных семян, 55 кг/га	6,3	2,1	2,5
4. Посев инкрустированных семян, 55 кг/га	6,4	2,2	2,6
5. Посев обычных семян, 45 кг/га	6,0	2,0	2,6
6. Посев инкрустированных семян, 45 кг/га	6,0	2,1	2,7
Объект № 3, содержание гумуса 3,4%			
1. Посев обычных семян, 60 кг/га	7,3	2,2	2,4
2. Посев инкрустированных семян, 60 кг/га	7,5	2,4	2,6
3. Посев обычных семян, 55 кг/га	6,9	2,6	2,6
4. Посев инкрустированных семян, 55 кг/га	7,0	2,8	2,7
5. Посев обычных семян, 45 кг/га	6,9	2,6	2,7
6. Посев инкрустированных семян, 45 кг/га	7,1	2,8	2,8

Результаты исследований показывают, что наилучшие биометрические показатели получены при посеве инкрустированных семян.

Выход посадочного материала во многом зависит от схемы посева семян и агротехники их выращивания в условиях открытого и закрытого грунтов. Найдена зависимость между почвенным плодородием, способом посева семян и ростом сеянцев хвойных пород. При снижении нормы высева семян хвойных пород в питомниках МЛХ РБ необходимо строго учитывать степень обеспеченности почвы питомника элементами минерального питания, уровень агротехники выращивания посадочного материала и все агротехнические приемы: технология подготовки почвы, подготовка субстратного слоя и сам процесс выращивания растений (система применения удобрений, полив, борьба с сорняками и др.). Влажность пахотного горизонта почвы в течение всего вегетационного периода при выращивании сеянцев хвойных пород не должна быть ниже 55%. Оптимальным сроком при весеннем посеве семян хвойных пород в лесных питомниках является вторая декада апреля и первая декада мая. При осеннем сроке посева семян сосны оптимальным сроком являются 1–3 декады ноября.

Установлены нормы высева семян в зависимости от почвенного плодородия и предпосевной обработки семян. Разработанные ресурсосберегающие агротехнологии выращивания сеянцев сосны обыкновенной с использованием КМ для предпосевной обработки семян, получения компостов и внекорневой обработки растений способствуют снижению нормы высева семян с 60 кг/га до 45–55 кг/га.

Выращивание посадочного материала хвойных пород в условиях закрытого грунта позволяет увеличить выход стандартных сеянцев в 2–3 раза по сравнению с открытым грунтом и достигает 11,2 млн шт./га. Биометрические показатели однолетних сеянцев сосны обыкновенной в теплице значительно превосходят выращенные в условиях открытого грунта. Высота надземной части однолетних сеянцев сосны составляет от 9,0 до 10,9 см, а диаметр корневой шейки достигает

2,2–2,6 мм. Внекорневая обработка сеянцев сосны с внесением структурообразователя почвы увеличивает высоту стволика на 24%, диаметр корневой шейки на 21% и общую массу сеянцев на 38%.

При установлении оптимальной концентрации целевых модифицирующих добавок руководствовались не только их способностью уменьшать скорость испарения воды пленкообразующим составом, но и практической целесообразностью, определяемой воздействием добавок на приживаемость растений. Установлено, что выбранные полимерные связующие в концентрациях от 2 до 6 мас.% и целевые добавки в большинстве случаев способствуют снижению скорости испарения воды при использованных концентрациях.

В зависимости от диаметра корней прочностные показатели на данном варианте опыта по сравнению с контролем больше в 1,3–3,0 раза. У контрольных сеянцев (необработанных) диаметром менее 1 мм разрывное усилие составляет 0,6–1,0 кг/с. Прочностные показатели сеянцев, обработанных торфо-глинистой смесью, практически мало чем отличаются от контроля. Обработка корневых систем сеянцев композиционными материалами позволяет не только предотвратить иссушение, повысить приживаемость их на лесокультурной площади, но и уменьшить механическую повреждаемость при транспортировке и посадке леса.

Основной причиной снижения приживаемости всех растений после посадки является ухудшение физиологического качества за счет иссушения корневых систем. Потеря влаги корневыми системами посадочного материала существенно сказывается не только на приживаемости, но и на дальнейшем росте растений. Для предотвращения иссушения корневых систем растений и увеличения периода их посадки без снижения физиологического качества посадочного материала разработана новая агротехнология на основе использования композиционных полимерных составов.

Обработка корневой системы растений пленкообразующим составом предохраняет сеянцы от иссушения при хранении и транспортировке, а также значительно уменьшает повреждаемость корневых систем и надземной части при ручной и особенно механизированной посадках. Кроме того, обработка защищает растения от неблагоприятных температурных и инфекционных воздействий. Лабораторные исследования показали, что в течение 2-х суток корневые системы у обработанных растений композиционными составами были влажными. Потеря воды при этом не превышает 5–7%. В то время как у контрольных (необработанных) растений этот показатель составил 27–39%. Сохранение первоначального состояния корневых систем связано с созданием пленки на их поверхности, которая препятствует испарению влаги. Полевые исследования показали, что обработка корневых систем КМ предотвращает иссушение их и повышает приживаемость на 10–23%, а также увеличивается текущий прирост в высоту на 12–27%. Наиболее эффективным оказался состав на основе Na КМЦ с целевыми добавками. Целевые добавки использовали для улучшения физико-химических свойств состава и повышения механических свойств корней.

Улучшить жизнеспособность посадочного материала можно путем обработки корневых систем полимерным покрытием и укладкой его в специальные кассеты (ящики) для дальнейшего хранения и транспортировки. Обработка корневых систем сеянцев сосны предлагаемыми композиционными полимерными составами способствует сохранению влаги в лабораторных условиях в течение 120 ч на уровне 85–90%.

Наилучшая приживаемость лесных культур зафиксирована при обработке корневых систем «Корпансилом» и укладкой сеянцев в кассеты. Приживаемость культур наиболее высокая при ранних сроках посадки и использовании стандартного и отсортированного материала. Такие культуры лучше адаптируются, имеют меньший отпад, успешнее растут и развиваются. Использование кассет для хранения и транспортировки растений сокращает трудозатраты на 0,5 чел./дня на 1 га за счет исключения из технологического процесса создания лесных культур двукратной прикопки и выкопки сеянцев. При создании лесных культур после двух дней хранения сеянцев приживаемость на всех вариантах была высокая и составляла 95–100%. С увеличением срока хранения сеянцев снижается их приживаемость до 71–76%.

В результате натурных испытаний установлены математические зависимости содержания влаги в корневых системах растений сеянцев сосны и их приживаемость от времени после их обработки. Установлено, что разработанный нами КМ не только не уступает, но по некоторым показателям превосходит известные мировые аналоги при меньшей его стоимости.

Проведены исследования по разработке новых КМ для защиты корневых систем растений от иссушения и повышения приживаемости их при посадке. В качестве полимерного связующего использовали альгинат натрия, ПВС, NaКМЦ, а в качестве целевых добавок регуляторы роста растений, элементы питания, БАД. Разработанные КМ увеличивают адгезионную прочность

покрытия в 1,7 раза, атмосферостойкость – в 2 раза, а также способствуют получению однородности КМ и повышению приживаемости и сохранности лесных культур.

Разработаны технические условия «Состав «Корпансил» для защиты корневых систем растений», которые утверждены 01.04.2000 г. и введены в действие с 20.04.2000 г. В настоящее время срок действия их продлен до 22.04.2020 г.

Значительные объемы лесокультурных работ обуславливают необходимость выращивания стандартного посадочного материала. Процесс выращивания семян является сложным и трудоемким и требует выполнения большого числа агротехнических и технологических операций, от которых зависит эффективность производства посадочного материала. Она может быть в значительной степени повышена за счет оптимизации почвенно-экологических условий на основе использования КМ. Внедрение КМ при лесовыращивании обусловлено ценными физико-механическими, химическими и эксплуатационными свойствами. Изучение физико-химических свойств КМ и их влияние на лесоводственно-экономические показатели при лесовыращивании осуществляли на аттестованном оборудовании и в соответствии с имеющимися в лесохозяйственной отрасли нормативными документами и научными публикациями.

Для предпосевной обработки семян сосны обыкновенной КМ использовали в качестве инкрустирования и гранулирования. Для предпосевной обработки семян применяли мочевиноформальдегидную смолу, натрийкарбоксиметилцеллюлозу и поливиниловый спирт, а в качестве целевых добавок использовали фундазол, экосил, эпин, сок березовый натуральный, мелкодисперсные опилки древесных пород, сапропель, марганец сернокислый и др. При разработке удобрений пролонгированного действия использовали следующие полимерные связующие: карбамидную смолу, мочевиноформальдегидную смолу и поливиниловый спирт. В качестве целевых добавок использовали нафтилуксусную кислоту, окись цинка, сапропель, сульфат меди и др. При разработке композиций для защиты корневых систем посадочного материала применяли полимерные связующие в виде альгината натрия, мочевиноформальдегидной смолы, поливинилового спирта и натрийкарбоксиметилцеллюлозы, а в качестве целевых добавок – грунт для рассады овощных и декоративных культур, глину гончарную, эпин, гумат-80, масло таловое хвойное сырое, сапропель, борат кальция и др.

В результате натурных испытаний установлены зависимости содержания влаги в корневых системах растений семян сосны и их приживаемость от времени после их обработки. Установлено, что разработанный нами КМ «Корпансил» не только не уступает, но по некоторым показателям превосходит известные мировые аналоги при меньшей его стоимости. По разработанным техническим условиям и рекомендациям на Корневской ЭЛБ ИЛ НАНБ Беларуси нарабатывается КМ «Корпансил» и внедряется технология выращивания, хранения и транспортировки посадочного материала.

Использование КМ «Корпансил» в производственных условиях при создании лесных культур оказало положительное влияние на приживаемость лесных культур. Приживаемость однолетних семян сосны с обработанными корневыми системами увеличилась на 11–18%, двухлетних семян сосны – на 6–19%.

Разработаны способы создания лесных культур с учетом плотности радиоактивного загрязнения почвы. При степени загрязнения почвы радионуклидами от 0 до 15 Ку/км² лесные культуры создаются традиционными способами с предпосадочной обработкой корневых систем посадочного материала КМ «Корпансил».

Изучены лесоводственно-экологические показатели при выращивании посадочного материала в различных условиях открытого грунта, теплицы и закрытой корневой системы и создания лесных культур с использованием этих семян и композиционных полимерных составов. Установлено, что наибольшее количество стандартного посадочного материала с 1 га можно получить в теплицах с открытой корневой системой (11,3 млн шт./га, высота стволика однолетних семян сосны достигает 16–20 см, а диаметр корневой шейки 2,5–3,0 мм). В условиях открытого грунта с 1 га получаем 2,5–3,0 млн шт. однолетних семян сосны обыкновенной с высотой стволика 5–9 см и диаметром корневой шейки 2,0–2,3 мм. Количество однолетних семян сосны обыкновенной на 1 га при выращивании с закрытой корневой системой составляет 6–10 млн шт., высота 12–15 см и диаметр корневой шейки 2,2–2,7 мм.

При анализе данных РТК в различных условиях выращивания 1000 штук семян сосны обыкновенной очевидным становится, что себестоимость посадочного материала с ЗКС в 10–15 раз выше по сравнению с теплицей.

Анализ количества получаемого стандартного посадочного материала в теплице показывает, что площадь лесных питомников в Беларуси можно сократить в 2 раза и более, тем самым снизятся затраты на выращивание сеянцев и МЛХ РБ будет обеспечено на 100% стандартным посадочным материалом.

Сделан анализ РТК при создании лесных культур с использованием посадочного материала с открытой корневой системой и ЗКС. Трудозатраты на создание 1 га лесных культур с ЗКС превышали в 4–6 раз из-за транспортировки и технологии посадки растений. Нами для создания лесных культур с ЗКС разработан почвенный бур в зависимости от диаметра корнеобитаемого субстрата и составляет 4–15 см. Данный почвенный бур обеспечивает подготовку одного посадочного места с глубиной 18–25 см за 2–5 минут.

Анализ обеспеченности почв посевных отделений лесных питомников элементами минерального питания показывает, что в период 1985–1990 гг. при содержании гумуса менее 2% количество составляло 80%, а в последние годы 2010–2015 гг. этот показатель снизился до 65%. Это подтверждается полученными фактическими данными по обеспеченности лесных питомников компостами. Ежегодная потребность лесопитомнического хозяйства Беларуси в органоминеральных удобрениях составляет 40 тыс. тонн, а в наличии 3,8–5,3 тыс. тонн.

Выводы

Впервые проведены комплексные исследования агротехнологий лесовыращивания и научно обоснованы эколого-лесоводственные проблемы применения композиционных материалов при лесовыращивании для предпосевной обработки семян, получение удобрений пролонгированного действия, защиты корневых систем от иссушения. Выявлены закономерности влияния композиционных материалов (КМ) при различных агротехнологиях выращивания посадочного материала и лесных культур. Установлены оптимальные КМ для предпосевной обработки семян, получения удобрений пролонгированного действия и защиты корневых систем посадочного материала.

Все азотные удобрения оказывают положительное влияние на текущий прирост сосновых насаждений. Удобрение пролонгированного действия в дозе 150 кг/га увеличивает текущий прирост древесины в течение 7 лет, а аналогичная доза стандартных туков – 5 лет. Действие азотных удобрений в насаждениях разного возраста проявляется неодинаково.

Установлены нормы высева семян в зависимости от почвенного плодородия и предпосевной обработки семян. Разработанные ресурсосберегающие агротехнологии выращивания сеянцев сосны обыкновенной с использованием КМ для предпосевной обработки семян, получения компостов и внекорневой обработки растений способствуют снижению нормы высева семян с 60 кг/га до 45–55 кг/га.

Разработаны математические модели взаимосвязи между выходом стандартного посадочного материала и степенью обеспеченности почв элементами питания, позволяющие оптимизировать норму высева семян при выращивании сеянцев в условиях открытого грунта.

Выращивание посадочного материала хвойных пород в условиях закрытого грунта позволяет увеличить выход стандартных сеянцев в 2–3 раза по сравнению с открытым грунтом и достигает 11,2 млн шт./га. Биометрические показатели однолетних сеянцев сосны обыкновенной в теплице значительно превосходят аналогичные у выращенных в условиях открытого грунта. Высота надземной части однолетних сеянцев сосны составляет от 9,0 до 10,9 см, а диаметр корневой шейки достигает 2,2–2,6 мм. Внекорневая обработка сеянцев сосны с внесением структурообразователя почвы увеличивает высоту стволика на 24%, диаметр корневой шейки на 21% и общую массу сеянцев на 38%. Теоретически обосновано применение КМ при хранении и транспортировке посадочного материала и разработан новый КМ «Корпансил». Внедрение композиционного состава «Корпансил» совместно с кассетой исключает из технологического процесса создания лесных культур прикопку-выкопку, повышает приживаемость и сокращает трудозатраты на 0,5 чел./дня на 1 га. Транспортировка и хранение сеянцев в кассетах обеспечивает высокую приживаемость (85–99%) и интенсивный рост лесных культур.

Получены основные наиболее существенные результаты для защиты корневых систем сеянцев КМ «Корпансил», которые позволили определить оптимальные КМ и биологически активные добавки, выявить их концентрации и отработать методику обработки корневых систем сеянцев, при которых может быть получен оптимальный лесоводственно-экологический эффект. Кроме того, исследован комплекс КМ и целевых добавок регулирующего воздействия на растения с основной задачей повышения приживаемости их при пересадке в течение весенне-летне-осеннего сезона.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Багинский, В. Ф. Лесные культуры в зоне отчуждения и отселения Полесского государственного радиационно-экологического заповедника / В. Ф. Багинский // Лесное и охотничье хозяйство, 2009. – № 8. – С. 20–23.
2. Лес. Человек. Чернобыль. Основы радиоэкологического лесоводства / В. А. Ипатьев [и др.] ; под общ. ред. В. А. Ипатьева. – Гомель : ИЛ НАН Беларуси, 2005. – 535 с.
3. Пути формирования лесов будущего в Беларуси / Н. Т. Юшкевич [и др.] // Лесное хозяйство. Сер. 1. – Минск : изд.-во Белор. гос. технол. ин-та, 1997. – Вып. 5. – С. 3–7.
4. Федоров, Н. И. Современное состояние и динамика ресурсов еловых лесов в связи с их периодическим массовым усыханием / Н. И. Федоров, В. И. Парфенов, В. В. Сарнацкий // Природные ресурсы : межвед. науч. бюллетень. – Минск, 1998. – № 4. – С. 37–44.
5. Усеня, В. В. Исследование и оценка методов и способов лесовосстановления гарей в зонах радиоактивного загрязнения / В. В. Усеня, Е. Н. Каткова, Н. В. Гордей // Лесное хозяйство : труды БГТУ. – Минск, 2008. – Вып. XVI. – С. 189–191.
6. Штукин, С. С. Плантационное выращивание сосны и ели на дренированных почвах / С. С. Штукин. – Минск : ИПП Минэкономки РБ, 1997. – 172 с.
7. Якимов, Н. И. Лесные культуры и защитное лесоразведение : учеб. пособие для студентов / Н. И. Якимов, В. К. Гвоздев, А. Н. Праходский. – Минск : БГТУ, 2007. – 312 с.
8. Государственный лесной кадастр Республики Беларусь по состоянию на 01.01.2015 / Мин. лес. хоз-ва Респ. Беларусь, Лесоустр. респ. унитар. предприятие «Белгослес». – Минск, 2015. – 97 с.
9. Родин, А. Р. Перспективы использования полимеров в лесокультурном производстве / А. Р. Родин // Лесное хозяйство. – 1990. – № 12. – С. 11–15.
10. Копытков, В. В. Современные технологии и агротехнические приемы по выращиванию, хранению и транспортировке посадочного материала с использованием композиционных полимерных составов / В. В. Копытков // Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2007. – 147 с.
11. Рекомендации по повышению грунтовой всхожести семян с помощью ультрафиолетового излучения / В. В. Копытков [и др.]. – Минск : ИПП Минэкономки РБ, 1997. – 5 с.

Поступила в редакцию 03.02.16

E-mail: kopvo@mail.ru

V. V. Kopytkov, A. V. Borovkov

INFLUENCE OF COMPOSITE MATERIALS ON SILVICULTURAL EFFECTIVENESS AT FOREST GROWING

There has been complex research of agrotechnologies of forest growing and ecological and silvicultural problems of use of composite materials at forest growing for preseeding processing of seeds, extra root processing of plants, receiving of fertilizers of prolonged action, protection of root systems against siccation. New composite materials for receiving fertilizers of prolonged action are developed and investigated. They reduce unproductive losses of nutrients up to 15%, increase efficiency of fertilizers by 11% and prolong the period of their action at the increase of efficiency of pine plantations for 2 years. All nitric fertilizers have a positive impact on the current gain of pine plantations. The fertilizer of prolonged action in a dose of 150 kg/ha increases the current gain of wood within 7 years, and a similar dose of standard ones – 5 years. Effect of nitric fertilizers in plantations of different age is shown unequally. Norms of seeding depending on soil fertility and preseeding processing of seeds are established. The developed resource-saving agrotechnologies of cultivation of seedlings of the Scotch pine with the use of composite materials for preseeding processing of seeds, receiving composts and extra root processing of plants promote decrease in the norm of seeding from 60 kg/ha to 45–55 kg/ha.

Keywords: efficiency of forest growing, composite materials, planting material, mineral fertilizers, current gain, unproductive losses of nitrogen.

УДК 330.15

Л. Н. Лаптиева¹, Г. И. Индушко²

¹Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры теории и методики специального образования,
УО «ГрГУ им. Я. Купалы», г. Гродно, Беларусь

²Кандидат биологических наук, доцент,
доцент кафедры зоологии и физиологии человека и животных,
УО «ГрГУ им. Я. Купалы», г. Гродно, Беларусь

ЭКОТУРИЗМ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Экотуризм является одним из наиболее перспективных направлений туристической деятельности в Республике Беларусь. Этому способствуют богатый природный потенциал, наличие достаточного количества особо охраняемых природных территорий, памятники природы, болота Белорусского Полесья с их уникальными экосистемами, разнообразный растительный и животный мир и др. Велико также и историко-культурное наследие нашей страны.

Наиболее перспективными направлениями экотуристической деятельности в Беларуси являются транзитный и трансграничный туризм, познавательный, агроэкотуризм и экскурсии в мир природы.

Подготовка организаторов в сфере экотуризма и грамотных экскурсоводов из числа выпускников биологического факультета способствуют более эффективному развитию экотуризма.

Ключевые слова: экотуризм, особо охраняемые природные территории (ООПТ), агроэкотуризм, историко-культурное наследие.

Введение

Туризм является одной из ведущих и наиболее динамичных отраслей мировой экономики, так как способствует созданию дополнительных рабочих мест, обеспечивает занятость населения. Туризм оказывает огромное влияние на такие ключевые отрасли экономики, как транспорт и связь, строительство, сельское хозяйство, производство товаров народного потребления и другие.

В свою очередь, на развитие туризма воздействуют различные факторы: демографические, природно-географические, социально-экономические, исторические, религиозные, политико-правовые и др.

Одной из важнейших составляющих туризма является экотуризм. Эта область туристических услуг является наиболее приоритетной для Республики Беларусь, что неоднократно отмечал в своих выступлениях президент нашей страны – А. Г. Лукашенко. Для формирования конкурентоспособного рынка туристических услуг в рамках Государственной программы развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 годы была разработана эффективная стратегия по продвижению отечественных экотуров, сосредоточенная на ключевых направлениях туристических рынков.

Беларусь обладает богатым природным потенциалом для развития экотуризма. Это обширные лесные, лесо-озерные, лесо-речные природные комплексы, включающие памятники природы, болота Белорусского Полесья с их уникальными экосистемами, разнообразный растительный и животный мир, природные лечебные ресурсы, охотничьи и рыболовные угодья, живописные ландшафты с условиями для организации пешеходных, конных, велосипедных, водных туристских походов, отдыха и оздоровления в природной среде. Велико также и историко-культурное наследие нашей страны.

Все это и создает предпосылки для успешного развития на территории Республики экотуризма.

Целью работы явилось исследование состояния и перспективных направлений развития экотуризма в Республике Беларусь.

В ходе исследования применены **методы:** изучение литературы и нормативных документов, анализ ситуации в области развития экотуризма в разных регионах республики, анкетирование, беседа, опрос.

Результаты исследования и их обсуждение

Экологический туризм можно рассматривать как необходимую составляющую всех видов и форм рекреационной деятельности населения. В качестве объектов экотуризма могут выступать как природные, так и историко-культурные достопримечательности.

Экотуризм выполняет ряд функций, наиболее важными из которых являются:

- развитие охраняемых территорий и вовлечение их в туристическую деятельность;
- реализация программ экологического образования и просвещения, которые могут способствовать охране и развитию природы;
- создание дополнительных рабочих мест;
- привлечение в регион потока денежных средств;
- развертывание сети экологических маршрутов по природным ландшафтам, имеющим научную ценность и эстетическую привлекательность.

Республика Беларусь расположена в центре Европы и располагает значительным природным ресурсным потенциалом для развития экотуризма. На территории Республики насчитывается 20800 рек и 11000 озер, леса занимают 38%, а болота 8,1% территории страны. На территории Беларуси выделено 5 ландшафтных провинций и 55 ландшафтных районов. Среди всего многообразия природных ландшафтов особую ценность представляют ландшафты, которые редко встречаются в Европе: болотные (8,1% территории страны), пойменные (4,2%), лёссовые (2,3%), камово-моренно-озёрные комплексы (1,3%). Наиболее привлекательным и существенным элементом экотуризма является бережное отношение к природе и окружающей среде. В последние десятилетия во всем цивилизованном мире все более популярными становятся туристские гостиницы, кемпинги, курорты, расположенные среди нетронутой природы. С каждым годом они пользуются все большим спросом у экологически сознательных и подготовленных туристов и призваны уделять должное внимание вопросам экологии, сохранению природных ландшафтов, флоры и фауны, культурного наследия.

Беларусь обладает сетью развитых ООПТ, правовые основы функционирования которых определяет Закон Республики Беларусь «Об особо охраняемых природных территориях», первая редакция которого была принята в 1994 году.

В настоящее время около 8% территории страны включены в сеть особо охраняемых природных территорий, основными объектами которых являются 2 заповедника (Березинский биосферный и Полесский радиационный), 4 национальных парка (Беловежская пуща, Припятский, Браславские озера и Нарочанский), 85 заказников республиканского значения (32 ландшафтных, 38 биологических и 15 гидрологических), около 261 заказника местного значения, 305 памятников природы государственного и 546 местного значения на 1 декабря 2012 года.

Все это также создает предпосылки для успешного развития экотуризма.

Именно ООПТ принадлежит важная роль в сохранении ландшафтного и биологического разнообразия. На рисунке показано распределение ООПТ по областям Беларуси, выраженное в процентном отношении.

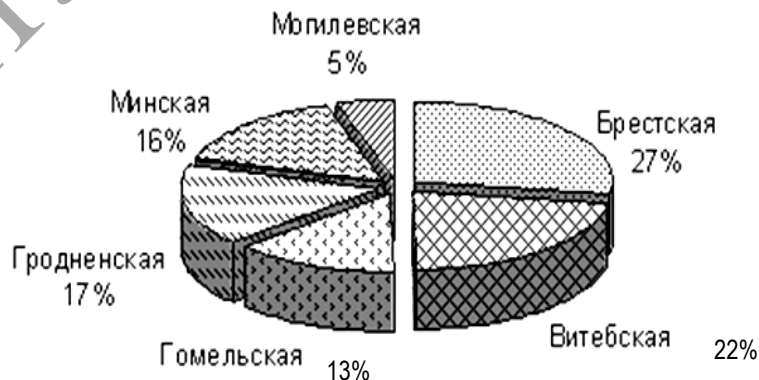

Рисунок – Распределение ООПТ по областям Беларуси

Представленные на рисунке данные свидетельствуют о том, что наибольшее количество ООПТ сосредоточено в Брестской (27%) и Витебской (22%) областях республики, наименьшее – в Могилевской (5%).

Славится наша Республика и своим историко-культурным наследием: многочисленные старинные замки, церкви, костелы, памятники Великой Отечественной войны и др. – все это благоприятно сказывается на развитии экотуризма.

К сожалению, все эти природные и историко-культурные достопримечательности Беларуси используются в туристической деятельности не в полном объеме. Исследования показали, что в большей степени туристическая индустрия, в том числе и экотуризм, ориентированы на выездной туризм, доля которого колеблется от 60%–75% в западных регионах Республики до 80%–90% в южных регионах [1].

В связи с этим проводится работа по оптимизации туристической деятельности в Беларуси, привлечение зарубежных туристов, вовлечение в туристическую сферу деятельности своих граждан. Большое значение имеет также более эффективное использование имеющегося туристического потенциала каждого региона.

Анализ литературы [2]–[4] позволил нам сделать вывод, что наиболее перспективным для Республики Беларусь является развитие следующих видов экотуризма:

1) Транзитный и трансграничный экотуризм, развитие которых предлагается исходя из геополитического положения страны. Предполагается развитие придорожной сети туристской инфраструктуры, позволяющей организовать отдых в течение нескольких дней, с посещением туристских достопримечательностей, расположенных вдоль автомагистралей и транспортных коридоров. Также предусматривается организация трансграничных туристских маршрутов, включающих посещение туристских объектов пограничных государств. В перспективе планируется создание туристских центров вдоль основных транспортных коридоров, в первую очередь, на основе малых исторических городов с ценным историко-культурным наследием (Мир, Несвиж, Слоним, Заславль, Кобрин, Коссово и др.).

2) Развитие познавательного экотуризма, предусматривающее использование богатого культурно-исторического наследия Республики Беларусь и общности истории и культуры Беларуси со странами-соседями. Для этого в Беларуси создаются условия для формирования туристско-экскурсионных маршрутов для разных категорий населения по местам важных исторических событий. Планируется также более активное вовлечение молодежи к путешествиям по родному краю.

3) Наиболее перспективным видом экотуристической деятельности является агроэкотуризм, туризм в сельской местности, при котором туристы во время своего отдыха ведут сельский образ жизни на фермах и хуторах. Развитие агроэкотуризма способствует расширению возможностей занятости и получения дополнительных доходов для сельского населения, создает предпосылки для развития местной инфраструктуры: дороги, общественный транспорт, прогулочные маршруты и др., что, в конечном счете, улучшает качество деревенской жизни.

4) Экотуры в мир природы: активный отдых на природе, организация туристских походов, а также эколого-образовательных и эколого-просветительных туров для разных возрастных и социальных групп населения. Уникальные ландшафты, ценные водно-болотные или лесные угодья, знакомство с флорой и фауной, редкими и исчезающими видами растений и животных, фотоохота на представителей животного и растительного мира – все это позволяет активно развивать экотуризм в отдельных регионах.

Для интенсификации развития экотуризма в Беларуси, привлечения в сферу туристической деятельности массового притока туристов из других регионов необходимо провести ряд мероприятий, основными из которых являются:

- подготовка экскурсоводов, владеющих вопросами экологии, биологии, истории и культуры своего края;
- налаженная инфраструктура, обеспечивающая привычный и полноценный отдых туристов, особенно иностранных;
- грамотный маркетинг, способствующий продвижению турпродукта на мировой рынок;
- хорошая реклама, позволяющая ознакомиться с достопримечательностями Республики Беларусь, отдохнуть и совершить экотур;

– увеличение количества и качества экотуров, рассчитанных на разные категории туристов, временную продолжительность и интересы.

На наш взгляд наиболее перспективными в Беларуси являются экотуры, имеющие следующую направленность:

а) по объектам туризма:

– классический природный экотуризм, главным объектом которого является дикая природа;

– социально-культурный экотуризм, суть которого состоит в знакомстве и изучении туристами культуры, обычаев, образа жизни, верований, особенностей взаимодействия с окружающей средой;

– приключенческий туризм, к которому могут быть отнесены путешествия в экологически чистые природные районы;

– агроэкотуризм – это наиболее быстро развивающаяся область экотуризма, основной целью которой является обеспечение отдыха в сельской местности. Развитие этого вида туризма является наиболее перспективным в Республике;

б) по преобладанию цели путешествия: научный экотуризм; туры истории природы; познавательный экотуризм, ориентированный на наблюдения за окружающим миром; рекреационный экологический туризм;

в) по видам используемого транспорта: пешеходный, автомобильный, водный, конный, велосипедный и др.;

г) по возможности международного сотрудничества и времени пребывания туристов в республике: трансграничный и транзитный экотуризм.

Изучение опыта развития экотуризма в мировой практике позволяет также сделать вывод, что экотуры должны быть ориентированы на разные категории населения и разный материальный достаток.

Анализ опыта работы туристических фирм и распределение объектов экотуризма на территории республики позволяет сделать вывод, что не во всех регионах республики он развивается равномерно. В большей степени экотуризм развит в западных (Гродненская, Брестская области), северо-западных (Витебская область) и центральных (Минская область) регионах республики. Следовательно, одним из перспективных направлений туристической деятельности может стать включение в сеть туристических услуг южных регионов (Гомельская область), которая характеризуется уникальностью и разнообразием природных ландшафтов, богатством растительного и животного мира.

На наш взгляд, определенный интерес представляет изучение представлений и осведомленности в вопросах экотуризма студенческой молодежи, проживающей в разных регионах нашей республики.

С этой целью нами было проведено исследование студентов биологического факультета Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина и факультета экологии и биологии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы методом анкетирования по вопросам экотуризма. В исследовании приняли участие студенты биологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина дневной формы обучения 3 курса (29 человек) и 4 курса (55 человек) и студенты факультета экологии и биологии УО ГГУ им. Я. Купалы 3 и 4 курсов – по 50 человек.

Выбор в качестве объектов исследования студентов Мозырского и Гродненского университетов представляет интерес по ряду причин: различное географическое расположение, исторические, религиозные факторы и др.

Действие столь различных факторов на население, проживающее в указанных регионах Беларуси, на наш взгляд, должно отразиться и в туристических предпочтениях студенческой молодежи. Обобщенные результаты анкетирования приведены в таблице.

В графу «Ваши варианты ответов» внесены следующие ответы: улучшить качество экскурсионного обслуживания – 3%; готовить культурных и грамотных экскурсоводов для проведения экскурсий – 2%; более широко использовать опыт работы стран западной Европы – 2%.

Таблица – Результаты анкетирования студентов биологического факультета УО «МГПУ им. И. П. Шамякина» и факультета экологии и биологии ГрГУ им. Я. Купалы «Исследование туристических предпочтений студенческой молодежи»

Предлагаемый вопрос	Варианты ответов (%)			
	УО МГПУ им. И. П. Шамякина		УО ГрГУ им. Я. Купалы	
	3 курс	4 курс	3 курс	4 курс
1. Знакомы ли вы с понятием «экотуризм»?				
а) да	100	100	100	100
б) нет	-	-	-	-
в) затрудняюсь ответить	-	-	-	-
2. Считаете ли, что уровень развития экотуризма в Вашем регионе является достаточным?				
а) да	16	13	21	24
б) нет	47	51	43	39
в) затрудняюсь ответить	37	36	36	37
3. Знакомы ли Вы с экотуристическими маршрутами, имеющимися в Беларуси?				
а) да	47	55	66	80
б) нет	32	9	4	4
в) затрудняюсь ответить	21	36	30	16
4. Хотели бы Вы совершать путешествия по Беларуси?				
а) да	95	100	95	100
б) нет	5	-	5	-
в) затрудняюсь ответить	-	-	-	-
5. С какой целью Вы хотели бы посетить другие регионы Беларуси?				
а) туризм	32	41	50	63
б) научная деятельность	-	9	2	2
в) отдых	68	50	48	35
6. Какие направления в сфере развития экотуризма, на Ваш взгляд, являются наиболее перспективными в РБ?				
а) развитие экотуризма на ООПТ	11	10	10	8
б) развитие трансграничного экотуризма	21	14	17	16
в) расширение сферы экотуристических услуг (разнообразие видов, экотуров, развитие инфраструктуры и др.)	58	72	55	62
г) вовлечение в сферу экотуристических услуг историко-культурного наследия	7	4	16	12
д) Ваши варианты ответов	3	-	2	2

При исследовании студентам было также предложено назвать известные им ООПТ РБ, используемые в экотуризме. Большинство студентов Мозырского университета назвали Национальные парки «Припятский» (77%), «Беловежская пуца» (56%), «Браславские озера» и «Нарочанский» – по 12%, заказники «Мозырские овраги» (100%) и «Стрельский» (31%).

Ответы студентов Гродненского университета на этот же вопрос распределились следующим образом: национальные парки «Беловежская пуца» – 75%, «Нарочанский» – 23%, «Браславские озера» – 12%, Августовский канал – 97%, экотропы в заказниках Гродненской области (Озера, Замковый лес, Коложский парк, Августовский канал и др.) – 21%.

Среди историко-культурных мест, которые студенты обоих вузов рекомендуют туристам посетить, – Несвижский и Мирский замки, Брестская крепость, Троицкое предместье в Минске. Студенты Мозырского университета обращают внимание на Золотое кольцо Гомельщины, дворец

Румянцевых-Паскевичей, Дворец Республики, музей Великой Отечественной войны в Минске и др., а студенты Гродненского университета – историко-культурные достопримечательности Гродно, которыми город так богат: Борисоглебская (Коложская) церковь, Костел св. Франциска Ксаверия, памятники Замковой горы, исторический центр и др.

В связи с необходимостью подготовки квалифицированных кадров для организации и проведения экотуров студенты биологических факультетов являются перспективным кадровым потенциалом в сфере экотуристической деятельности. Например, на биологическом факультете УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» в ходе изучения дисциплины «Природопользование» (2–4 курсы) студенты изучают ресурсный потенциал республики и возможности использования его в туристической деятельности. При прохождении одного из разделов природопользования, который так и называется «Экотуризм», большое внимание отводится изучению особенностей экотуризма, его географии, методике организации экотуров, прокладыванию экологических троп, организации и проведению по ним экскурсий. В программу курса «Природопользование» включены также темы «ООПТ и организации на них экотуристической деятельности», «Памятники истории, культуры и архитектуры Беларуси» и другие вопросы, которые могут использоваться при организации экотуристической деятельности. Большое внимание уделяется вопросам охраны природы и экологическому образованию.

Таким образом, после прохождения данного курса студенты биологического факультета имеют определенные знания и возможности для организации предпринимательской деятельности в сфере экотуризма.

Определенный интерес вызывает исследование отношения студентов биологического факультета к вопросам развития экотуризма в республике. Нами было проведено исследование мнения студентов биологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина» (3–5 курсы дневная и заочная формы обучения) о перспективных направлениях развития экотуризма в Беларуси и своем месте в нем. В исследовании приняли участие 143 человека. Исследование проводилось методами анкетирования, беседы и опроса.

Анализ полученных данных показал, что развитие экотуризма считают перспективным для Беларуси 136 человек (95,1%), 8 человек (5,6%) затруднились ответить на поставленный вопрос. Среди видов экотуризма, которые могут быть востребованы туристами в ближайшее время, были названы агроэкотуризм – 64 студента (44,7%), познавательный – 23 человека (16,1%), приключенческий – 21, научный – 20 человек, соответственно 14,6% и 13,9%, классический – 8 респондентов (5,6%), затруднились дать ответ 7 человек (4,8%). По мнению студентов, наиболее перспективными направлениями туристической деятельности для Беларуси являются комплексные экотуры, включающие знакомство с памятниками природы, культуры, истории и архитектуры (67 студентов, 46,8%), включение в сеть туристической деятельности особо охраняемых природных территорий – 36 респондентов (27,7%), оздоровительный туризм – 31 человек (21,7%), трансграничное сотрудничество – 10 опрошенных (7,0%).

На вопрос «Что препятствует развитию экотуризма в Вашем регионе?» были получены следующие ответы: неблагоприятная экологическая обстановка – 43 человека (30,1%), недостаточная реклама – 36 респондентов (25,2%), нет выбора экотуров – 45 студентов (31,5%), недостаточно налаженная инфраструктура – 19 человек (13,2%).

Нас интересовали также дальнейшие планы выпускников в сфере экотуристической деятельности. На вопрос «Желаете ли Вы в дальнейшем заниматься экотуризмом?» 47 человек (32,8%) ответили, что в дальнейшем планируют заниматься экотуризмом, 38 человек (26,7%) не связывают свою профессиональную карьеру с туризмом, а 58 студентов (40,5%) еще не определились в жизненных планах.

Выводы

Проведенное исследование состояния и перспективных направлений развития экотуризма в Республике Беларусь позволяет сделать следующие выводы:

1. Развитие экотуризма является одним из приоритетных направлений туристической деятельности в Республике Беларусь. Этому способствуют расположение Беларуси в центре Европы, уникальность ландшафтов, богатство животного и растительного мира, развитая сеть ООПТ.

Наиболее перспективным для Республики Беларусь является развитие следующих видов экотуризма: транзитный и трансграничный туризм, познавательный, агроэкотуризм и экскурсии в мир природы.

2. Более эффективному развитию экотуристической деятельности способствуют разнообразие экотуров, подготовка организаторов в сфере экотуризма и грамотных экскурсоводов.

3. Результаты исследования мнений студентов биологического факультета УО «МГПУ им. И. П. Шамякина» и факультета экологии и биологии ГрГУ им. Я. Купалы методом анкетирования позволили выявить туристические предпочтения студенческой молодежи, проживающей в разных регионах Беларуси:

– студенты обоих вузов знакомы с понятием «экотуризм», однако уровень его развития в своем регионе считают недостаточным;

– 47% студентов 3 курса и 55% студентов 4 курса Мозырского университета и, соответственно, 66% и 80% студентов Гродненского университета знакомы с туристическими маршрутами, имеющимися в Беларуси;

– большинство студентов обоих вузов хотят совершить путешествия по Беларуси, на что указали от 95% до 100% респондентов;

– основной целью, с которой студенты хотели бы посетить другие регионы Беларуси, названы туризм и отдых;

– наиболее перспективными направлениями в сфере развития экотуризма студенты считают расширение сферы экотуристических услуг и развитие трансграничного экотуризма;

– среди природных территорий, наиболее продуктивно используемых в экотуризме в Беларуси, большинство студентов назвали ООПТ: национальные парки и заказники Беларуси; среди историко-культурных объектов названы Мирский и Несвижский замки, Брестская крепость и др.

4. Перспективным кадровым потенциалом в сфере экотуристической деятельности могут стать выпускники биологических факультетов, программа подготовки которых предусматривает необходимый объем знаний в вопросах экотуризма.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная стратегия развития системы особо охраняемых природных территорий до 1 января 2030 г.: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 02 июля 2014 г., № 649 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21400649&p1=1&p5=0>. – Дата доступа : 21.03.2015.

2. Стратегия устойчивого развития экологического туризма в Беларуси / Л. М. Гайдукевич [и др.] ; под ред. Л. М. Гайдукевича, С. А. Хомич. – Минск : БГУ, 2008. – 351 с.

3. Решетников, Д. Г. Современные особенности развития въездного туризма в Республике Беларусь / Д. Г. Решетников // Новая экономика. – 2010. – № 2. – С. 146–151.

4. Экотуризм в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://padarozh.ru/rol-obshchestvennykh-institutov-v-razviti-ekoturizma-belarusi>. – Дата доступа : 23.09.2014.

Поступила в редакцию 03.03.16

E-mail: laptiyeva@yandex.ru

L. N. Laptiyeva, G. I. Indushko

ECOTOURISM: STATUS AND FUTURE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Ecotourism is one of the promising areas of development in the Republic of Belarus. Location of the republic in the heart of Europe, rich natural potential, well-developed network of protected areas and a rich historical and cultural heritage create the preconditions for the successful development of ecotourism in Belarus.

The most promising areas in the field of eco-tourism development are: intensive involvement in the tourism the protected areas, development of inbound and cross-border tourism, rural tourism, preparation of personnel potential for ecotourism activities from the graduates Faculty of Philology.

Keywords: ekoturizm, especially protected natural territories (EPNT), agroecotourism, historical and cultural heritage.

УДК 599.322.3-152.6:591.6(476)

Г. Г. Янута¹, И. В. Котович², В. В. Шакун³, М. В. Максименков⁴, М. Бальцерак⁵

¹Кандидат биологических наук, доцент,
исполняющий обязанности заведующего лабораторией териологии,
ГНПО «НПЦ НАН Беларуси по биоресурсам»,
доцент кафедры биологии, МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь

²Кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой биологии,
МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь

³Кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник сектора международного сотрудничества,
ГНПО «НПЦ НАН Беларуси по биоресурсам», г. Минск, Беларусь

⁴Старший научный сотрудник сектора международного сотрудничества,
ГНПО «НПЦ НАН Беларуси по биоресурсам», г. Минск, Беларусь

⁵Кандидат наук, заместитель декана факультета наук о животных,
Варшавский университет естественных наук, Польша

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЧНОГО БОБРА (*CASTOR FIBER*) НА ТЕРРИТОРИИ ГПУ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЛАНДШАФТНЫЙ ЗАКАЗНИК «ЗВАНЕЦ»

В статье приведены результаты исследований динамики численности и состояния популяции речного бобра на территории заказника «Званец». Средняя численность особей в поселении составляет 3,4 особи, при максимальных значениях – 7. Выявлено 19 долговременно существующих поселений. Размеры поселения составляют 118 м. На обследованном участке Днепровско-Бугского канала плотность составляет около 6,3 поселений или более 18 особей на 10 км длины водотока. По данным осенних учетов, только 62% всех исследованных поселений имели приплод возрастом до одного года. Высока доля в популяции трехлетних особей (0,43). Около трети (0,29) отнесены к взрослым особям (старше трех лет). Годовалые и двухлетние животные составляют около 12%. Доминирование по численности трехлетних особей косвенно свидетельствует о процессах миграции в популяции бобров, обитающих на территории заказника.

Ключевые слова: речной бобр, динамика численности, интенсивность добычи.

Введение

Природные условия Беларуси – климатические, почвенно-растительные и гидрографические – формируют благоприятную экологическую нишу для жизнеобеспечения самого крупного грызуна современной териофауны Палеарктики – речного бобра (*Castor fiber* L.).

В настоящее время речной бобр распространен на всей территории своего прежнего ареала и является типичным представителем околородных биоценозов [1]. По состоянию на 2010 год в Литве численность данного вида оценивалась в 120 тысяч особей. На территории Беларуси, начиная с восьмидесятых годов двадцатого века, численность бобра также увеличивается. В 2012 г. она составила 64,4 тысячи особей. Рост численности бобра, наряду с неиспользованием его ресурсов, обусловил интенсивное расселение этих животных в поисках новых мест обитаний, которыми стали мелиоративные системы. Эти биотопы в первую очередь привлекают бобра богатой кормовой базой на протяжении года (это, в большей мере, относится к неиспользуемым мелиоративным системам) и отсутствием больших и продолжительных по времени колебаний уровня воды в водотоках [2], [3]. Оптимальные условия способствовали достижению довольно высокой численности и плотности поселений бобра на мелиоративных системах [4].

В последние 20–25 лет очень большое количество каналов по берегам заросло древесной и кустарниковой растительностью. Кормовая база и относительно стабильный гидрологический режим на каналах большой протяженности оказались благоприятными для жизнеобеспечения

бобра. В отдельных хозяйствах по их берегам размещалось до 50–60% бобровых жилищ от их общей в нем численности [5], [6].

Следует подчеркнуть, что особенности экологии и поведения бобра, а также его адаптации к жизни в мелиоративных системах сельскохозяйственного назначения до последнего времени не изучались. Проведенные нами исследования показали способность бобра выживать в новых условиях. Однако бобровые поселения в таких экосистемах недолговечны: при истощении естественных кормов бобры вынуждены мигрировать на новые места обитания.

В результате жизнедеятельности бобра на мелиоративных каналах они перестают выполнять функции по отведению воды. В первую очередь это связано с постройкой плотин и локальным повышением уровня воды, что в свою очередь приводит к сукцессионным явлениям в растительных сообществах. Другая причина – постройка убежищ (рытье нор) в ограждающих дамбах, что снижает защитные свойства данных сооружений и приводит к проникновению воды на защищаемые территории. Со временем, в период паводка, происходит разрушение дамбы и затопление больших участков территории [7], [8].

Данная работа была проведена в рамках проекта ПРООН/ЕС «Клима-ист: сохранение и устойчивое управление торфяниками в Республике Беларусь для сокращения выбросов углерода и адаптации болотных экосистем к изменению климата».

Цель исследований. Выяснить пространственную структуру популяции бобра как необходимой биологической основы для разработки оптимальной стратегии и нормы использования ресурсов данного вида на территории заказника «Званец».

Материалы и методы. Для оценки динамики численности популяции речного бобра были использованы статистические материалы. Оценка численности бобра речного на территории заказника проводилась по стандартным методам учета. Оценка возрастной структуры популяции проводилась по ширине нижних резцов особей, оставленных при питании на древесной растительности [9]. Для установления соотношения ширины резцов и возраста использована коллекция черепов данного вида. Сбор исходных данных проведен при обследовании 8 поселений, образовавшихся в разное время. Исследовались семейные группы, расположенные во всех частях заказника. Метод позволяет достоверно отнести животных к четырем возрастным группам.

Результаты исследования и их обсуждение

Оценка экологически сбалансированной численности. Для популяции бобра, как и для других животных, характерно развитие по следующему циклу: рост, относительная стабилизация и спад. Основными лимитирующими факторами, вызывающими убыль особей, являются кормность угодий, аномальные климатические условия, эпизоотии, популяционные особенности (структура популяции и поведенческие реакции). В данной части будут рассмотрены основные факторы, влияющие на численность популяций этого вида на территории заказника.

Все поселения речного бобра на территории заказника расположены на водоотводящих сооружениях, в связи с чем при интенсивных осадках создается потенциальная опасность затопления болотного массива и прилегающих польдерных систем. Жизнедеятельность вида препятствует работе дренажных систем, замедляет сток воды, а также приводит к образованию прудов у подпорных плотин. В связи с особенностями рельефа болотного массива даже невысокий перепад воды в 20–30 см ведет к избыточному увлажнению или подтоплению значительных по площади территорий, нередко составляющих 3–4 га. Даже кратковременные подтопления могут привести к смене растительных сообществ в зоне подтопления.

Еще одна потенциальная угроза от присутствия речного бобра заключается в особенностях его жизнедеятельности. В благоприятных условиях речной бобр роет большое количество нор различного назначения. Если семейная группа поселяется на участке болотного массива, для обеспечения своей жизнедеятельности она использует различные повышения рельефа: дорожные насыпи, плотины и дамбы. В свою очередь рытье нор приводит к ослаблению тела дамбы и в последующем к ее разрушению. Как правило, разрушение происходит в период высокой нагрузки на гидротехнические объекты (во время паводка).

Численность и распределение популяции бобра. В настоящее время практически на всех водотоках и водоемах заказника присутствуют следы жизнедеятельности бобра.

По состоянию на октябрь 2014 года на территории заказника и в буферной зоне выявлено 18 жилых поселений данного вида общим количеством 62–75 особей. Около 22% поселений

расположены непосредственно на территории заказника. Оставшаяся часть популяции находится на его границе, в том числе на обводящих каналах вокруг заказника.

Столь невысокая численность бобра обусловлена нестабильным уровнем воды на исследуемой территории. Так, в период с сентября по октябрь уровень воды на территории болотного массива составил 40 см. В осушительных каналах, в том числе на магистральных каналах мелиоративных систем, глубина воды составляла 50–70 см.

При высокой плотности заселения территории, которая наблюдается в настоящее время в Беларуси, значительное снижение численности популяции происходит в результате резких отклонений погодных характеристик от средних многолетних: засуха и, как результат, пересыхание водоемов в летний период. Например, засуха в Березинском заповеднике в 1975 г. привела к гибели почти третьей части особей от общей численности популяции [10].

Необходимо отметить, что исследовался период 2014 года, когда уровень воды в целом для заказника был низким. В осенний период на некоторых каналах снижение уровня воды составило около 0,5 м, в связи с чем отмечены специфические изменения в структуре популяции речного бобра, нехарактерные в целом для пространственного распределения вида в других регионах. К особенностям данной популяции в первую очередь нужно отнести наличие «аккумуляторных» участков (Днепровско-Бугский канал, Белоозерский канал, Ореховский канал), уровень воды в которых достаточно стабилен, и животные способны переживать неблагоприятный период именно на таких водотоках. Одним из косвенных признаков благоприятных условий обитания может служить показатель плотности поселений для различных водотоков. На обследованном участке Днепровско-Бугского канала плотность составляет около 6,3 поселений или более 18 особей на 10 км длины водотока. Для каналов заказника «Званец» данные показатели имеют значительно меньшие уровни.

Крупные семейные группы на 3–4 году существования являются более стабильными и способны противостоять колебаниям уровня воды, возводя плотины на участках водотоков, где до этого их не отмечалось. Эта особенность отмечена на участках польдерных систем, прилегающих к обводным каналам заказника.

К другим особенностям популяции бобра, существующей на территории заказника, можно отнести несколько большие размеры поселений, занимаемых одной семьей. В среднем они составляют около 118 метров длины канала. Это свидетельствует о невысокой кормовой емкости рассматриваемых участков водотоков. Данная особенность характерна также и для магистральных мелиоративных каналов, однако не отмечена для Днепровско-Бугского и Белоозерского, где эти показатели в среднем составляют около 65 метров.

Для оценки экологически сбалансированной численности популяции бобра на водотоках и водоемах заказника «Званец» необходимо оценить их воспроизводство. Ввиду недостатка исходных данных для рассматриваемой территории при оценке воспроизводства привлечены собственные данные, полученные при исследовании популяций бобра в Припятском Полесье. Для речного бобра, обитающего на территории мелиоративных систем, в период стабилизации численности и малого пресса охотников, усредненный ежегодный приплод в одном поселении составляет около 2,7 особей. Отметим также невысокий процент случаев незаконной добычи животных в заказнике. По данным егерской службы, а также местных охотников, эта величина составляет около 9% от численности. В стабильно развивающихся популяциях не все семьи имеют приплод. По данным осенних учетов, только 62% всех исследованных поселений имели приплод возрастом до одного года.

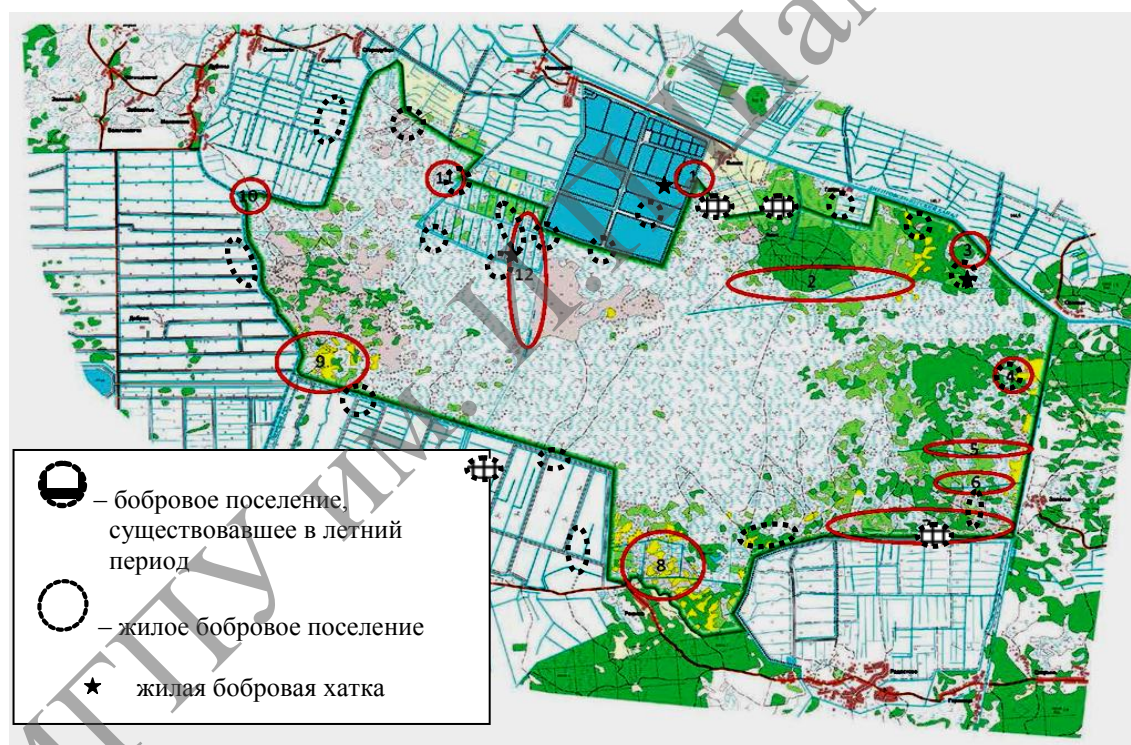
В популяциях бобра в фазе стабилизации для снижения численности на первом этапе изъятие должно составлять не менее 25%. Последующие нормы изъятия зависят от степени воспроизводства. Как правило, интенсивное изъятие особей из популяции ведет к увеличению воспроизводства.

С учетом рассмотренных выше особенностей популяции бобра в заказнике «Званец» (воспроизводство, браконьерство, % поселений с приплодом первого года жизни) ежегодное воспроизводство составляет около 28–42 особей. Для достижения оптимальной экологически сбалансированной численности ежегодное изъятие должно составлять около 35 особей на протяжении первых 3 лет. Впоследствии, при снижении численности вида до экологически сбалансированных показателей, ежегодное изъятие может быть снижено до 16–20 особей (при современном уровне воспроизводства).

Для эфектыўнага зніжэння численнасці даннага віда на тэрыторыі заказніка «Званец» неабходна праводзіць пастаянны моніторынг паселенняў бобра на Дняпроўска-Бугскім і Белоўзерскім каналах, а таксама іх облов да сярэдніх значэнняў шчыльнасці ў 1,8 паселенняў на 10 км водатока.

К другім асаблівасцям папуляцыі бобра, існуючай на тэрыторыі заказніка, можна аднесці некалькі большых памераў паселенняў, займаемых адной сям'ёй. У сярэднім яны складаюць каля 118 метраў даўжыні канала. Гэта можа сведчыць аб невысокай кормовай ёмкасці данных участкаў водаток. Данная асаблівасць характэрна, у тым ліку і для магістральных меліярацыйных каналаў, аднак не адзначана для Дняпроўска-Бугскага і Белоўзерскага каналаў, дзе гэтыя паказаткі ў сярэднім складаюць каля 65 метраў.

В прылагаемай карце (рысунак) прыведзена распаўсюджванне бобровых паселенняў на тэрыторыі заказніка за перыяд з ліпеня па кастрычнік 2014 года. Паселення, абзначаныя , існавалі ў летні перыяд і з'яўляліся часовамі стаянкамі жывёл. Часцей за ўсё гэтая сям'я складаецца з двух маладых рассяляючыхся асоб. Устаноўлена ўзрост у 27 бобров. Найбольшую долю жывёл у папуляцыі складаюць трохлетнія (0,43). Каля трэці (0,29) аднесены да дарослых асоб (старшыя трох гадоў). Годовалыя і двухлетнія жывёлныя складаюць 0,11 і 0,18 адпаведна. Высокая доля (43%) трохлетніх асоб косвенна сведчыць аб працэсах міграцыі ў папуляцыі бобров, якія жывуць на тэрыторыі заказніка.

Выводы

На тэрыторыі заказніка «Званец» адзначана 19 стабільна існуючых бобровых паселенняў. Сярэдняе час існавання паселенняў бобров на адным месце не перавышае 6 гадоў, лічба жывёл у паселенні звычайна складае 3,4 асобы. Істощэнне кормовай базы аказвае заметнае ўплыванне на дынаміку паселенняў бобров. Уся кормодобываючая дзейнасць бобров, населяючых каналы, зосагандавана ў асноўным ў вузкай прыбярэжнай палосе, не перавышаючай 20 м.

Для прадухілення засялення бобрамі водатоків прыродоахоўнай тэрыторыі неабходна ажыццяўляць зніжэнне запасаў кормоў бобра шляхам выдалення прарастанючай па берагам дрэвадно-кустарніковай расліннасці.

Улічваючы тэмпы росту папуляцыі, узроставыя характэрыстыкі асоб у сям'і, распаўсюджвання паселенняў аптымальная лічба рэчнага бобра на тэрыторыі заказніка складае каля 28–42 асоб. Для дасягнення даннага паказатка кожны год трэба выкарыстоўваць каля 28–42 асоб.

составлять около 28–30 особей на протяжении первых 3 лет. Впоследствии при снижении численности вида до экологически сбалансированных показателей ежегодное изъятие может быть уменьшено до 16–20 особей (при современном уровне воспроизводства). Для эффективного снижения численности данного вида в условиях заказника необходимо проводить постоянный мониторинг поселений на Днепровско-Бугском и Белоозерском каналах, а также их облов до средних значений плотности на рассматриваемых участках в 1,8 поселений на 10 км водотока.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Козло, П. Г. Речной бобр в Березинском заповеднике / П. Г. Козло, Д. Д. Ставровский // Березинский заповедник : исследования. – Минск : Ураджай, 1975. – Вып. 4. – С. 137–146.
2. Лесько, А. Г. Влияние бобра *Castor fiber* L. на формирование и продуктивность прибрежных лесных насаждений : автореф. дис. ... канд. с/х. наук: 06.03.03 / А. Г. Лесько ; ГНУ «Ин-т леса НАН Беларуси». – Гомель, 2009. – 21 с.
3. Лесько, А. Г. Классификация охотничьих угодий / А. Г. Лесько, В. С. Романов // Труды БГТУ. Сер. 1. – Лесн. хоз-во. – 2002. – Вып. X. – С. 116–125.
4. Федюшин, А. В. Речной бобр / А. В. Федюшин. – М. : Смоленский рабочий, 1935. – 184 с.
5. Янута, Г. Г. Многообразие и интенсивность строительной деятельности бобра (*Castor fiber* L.) на малых водотоках в условиях Беларуси / Г. Г. Янута, В. Е. Сидорович // Весці НАН Беларусі. Сер. біял. навук. – 2006. – № 1. – С. 76–83.
6. Янута, Г. Г. Распределение бобровых поселений на малых водотоках северной и центральной Беларуси / Г. Г. Янута // Охраняемые природные территории и объекты Белорусского Поозерья: современное состояние, перспективы развития: материалы III Междунар. науч. конф., Витебск, 18–19 дек. 2009 / Витебск. гос. ун-т; редкол. : А. М. Дорофеев [и др.]. – Витебск, 2009. – С. 83–84.
7. Литвинов, В. Ф. Популяционная экология бобра : монография / В. Ф. Литвинов [и др.]. – Витебск : ВГАВМ, 2012. – 256 с.
8. Популяционная структура и продуктивность бассейновых популяций бобра (*Castor fiber*) / П. Г. Козло [и др.] // Природные ресурсы Национального парка «Припятский» и других ООПТ Беларуси: изучение, сохранение, устойчивое использование : сб. науч. тр. НП «Припятский» / под ред. В. И. Парфенова, П. Г. Козло. – Минск, 2009. – С. 280–283.
9. Голодушко, Б. З. О промысле бобра живоловушками в Белорусской ССР / Б. З. Голодушко, А. Н. Фоменко, В. А. Громов // Сб. науч.-техн. информации / ВНИИОЗ. – 1976. – Вып. 54/55. – С. 54–62.
10. Козло, П. Г. Состояние численности белорусских популяций бобра (*Castor fiber*) и рациональное использование их ресурсов / П. Г. Козло, Г. Г. Янута, В. Ф. Литвинов // Териофауна России и сопредельных территорий (9 съезд Териологического общества РАН) : материалы Международного совещания. – М., 2011. – 235 с.

Поступила в редакцию 03.03.16

E-mail: ivkotovich@mail.ru

G. G. Yanuta, I. V. Kotovich, V. V. Shakun, M. V. Maksimenkov, M. Baltserak

NUMBER AND DISTRIBUTION OF THE RIVER BEAVER (*CASTOR FIBER*) IN THE TERRITORY OF GPU REPUBLICAN LANDSCAPE WILDLIFE AREA OF ZVANETS

The results of the studying the abundance dynamics and the modern state of river beaver population on the territory of the sanctuary «Zvanec» are presented in the paper. The average abundance of individuals in the settlement is 3,4 ind. and the maximal index is 7. 19 settlements that existed for a long time were revealed. The size of the settlement is 118 m. The density on the studied part of Dnieper-Bug channel is 6,3 settlements or 18 individuals per 10 km of watercourse. According to the autumn accounting data only 62% of settlements have had offspring of age up to a year. The rate of 3-year individuals in population is high (0,43). About a third (0,29) of individuals were considered as adults (over three years). One-year and biennial animals account for about 12 per cent. The dominance of three-year individuals is an indirect evidence of the migration processes in beaver populations, which inhabit the sanctuary territory.

Keywords: river beaver, population dynamics, extraction rate.

ПЕДАГОГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 316.643.2

Е. В. БернгардАспирант факультета философии и социальных наук, кафедра социологии,
БГУ, г. Минск, Беларусь

Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Л. Г. Титаренко

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ
НА БРАК И СЕМЬЮ**

В статье рассмотрены отечественные подходы к исследованию брака и семьи, внимание акцентируется на теории структуризации Э. Гидденса, модернизационном подходе Р. Инглхарта и Р. Вельцеля как основных концепциях, объясняющих изменения в сфере брачно-семейных отношений. Проанализированы данные авторского социологического исследования о ценностных ориентациях на брак и семью, ориентация студенческой молодежи на типы брачно-семейных отношений и модели семьи. Дается авторская трактовка трехаспектной модели взаимодействия в семье.

Ключевые понятия: ценностные ориентации, семья, брак, брачно-семейные отношения, типы брачно-семейных отношений, детоцентристская, партнёрская, разобщённая модель семьи, мотивы вступления в брак.

Введение

В условиях актуализации проблем, связанных с ростом неблагополучных семей, уменьшением количества браков, увеличением числа разводов, невысоким уровнем педагогической культуры значительной части населения и неблагоприятной демографической ситуацией, ослаблением родственных связей между поколениями, изучение брачно-семейных отношений многим отечественным и зарубежным исследователям представляется интересным. Институт брака и семьи – наиболее старые, традиционные институты, которые регулируют партнерские отношения и подлежат постоянным изменениям. Изменяется структура семьи и брака, образ и представления о данном социальном институте, женских и мужских ролях в семье, родительстве, желаемом количестве детей, семейных ценностях.

Несмотря на произошедшие коренные социетальные перемены в нашей стране, в исследовании Мировых ценностей 2011 г. большинство белорусов (88,3%) по-прежнему считают семью своим жизненным приоритетом [1]. В связи с этим семейно-брачные ценности в первую очередь дают представление о ценностях общества. Однако в современных условиях все больше возрастает значение семьи и брака не столько как традиционных институтов, сколько как союзов, главное назначение которых – межличностное общение близких и заинтересованных друг в друге людей, совместное разрешение ими жизненных проблем, проведение свободного времени [2].

На современном этапе наша страна переживает демографический кризис: в республике резко снизился уровень рождаемости и естественного прироста населения. Количество родившихся сократилось с 142,2 тыс. в 1990 г. до 118,5 тыс. в 2014 г. Наблюдается естественная убыль населения уже на протяжении 22 лет [3, 65]. В период с 2000 по 2015 г. численность населения сократилась более чем на 520 тыс. человек [3, 56]. Число родившихся детей у женщин в незарегистрированном браке сократилось (21 766 в 2009 г. и 17 679 в 2014 г.) [3]. Несмотря на снижение абсолютного числа аборт, искусственное прерывание беременности по-прежнему остается основным методом регулирования рождаемости, в 2005 г. на 100 родов приходилось 72 аборта, в 2012 г. на 100 совершаемых родов приходится 26,6 аборта. Таким образом, в Беларуси сознательно уничтожается каждый 5-й зачатый ребенок. Наметилась тенденция смещения среднего возраста матери при рождении первого ребенка от 20–24 (в начале 2000 г.) года к 24–29 годам (в 2014 г.). За период 2014 г. было зарегистрировано 83 942 брака и 34 864 развода, причем средний возраст вступления в первый брак за 10 лет увеличился: в 2005 г. – 23,5 для женщин и 25,7 для мужчин; в 2014 г. – 25,3 и 27,4 соответственно [3].

Для увеличения коэффициента брачности и рождаемости, снижения количества разводов одним из приоритетных направлений государственной политики Республики Беларусь является

программа демографической безопасности и поддержка семей с детьми. Сегодня государство ставит перед собой задачу популяризации семьи как наиважнейшего социального института через повышение роли и престижа семьи в жизни общества как ключевого фактора государственной демографической политики; сохранение духовно-нравственных ценностей семьи; продвижение в обществе идеи ответственного родительства; образование и воспитание детей и молодежи в системе традиционных семейных ценностей, ориентированных на стабильность отношений, рождение и воспитание детей, здоровый образ жизни, преемственность поколений, взаимопонимание и взаимоподдержка; привлечение внимания широкой общественности к семье как к важнейшему социальному институту [4].

На современном этапе белорусское общество включено в глобальные процессы, в результате которых любая информация является доступной, а в СМИ широко пропагандируется западная модель брачно-семейных отношений: сожительство и гостевые браки, свободные отношения, семьи без детей (child-free). В этой связи актуально исследовать ценностные ориентации молодежи для выявления новых тенденций изменения представлений о семье, семейных ценностях, мотивах вступления в брак, желаемого количества детей и др. Интерес исследователей к проблемам семьи не угасает, однако нужны новые теоретико-методологические подходы для объяснения трансформаций, которые происходят в семье сегодня. В отечественной социологии принято рассматривать три основных подхода к исследованию семьи и брака: институциональный, групповой и системный.

В рамках институционального подхода семья рассматривается как социальный институт, где анализу исследователя подлежат такие стороны семьи, как цели данного института, его функции по отношению к обществу и другим институтам, нормы, поддерживаемые социальным институтом, санкции за их невыполнение, роли, которые выполняют индивиды, включенные в институт, в соответствии с их статусом. Взаимосвязи института и общества нередко рассматриваются через систему общественных потребностей и функций по их удовлетворению, которые выполняются институтом [5].

В групповом подходе к изучению семьи и брака рассматриваются такие понятия, как сплоченность, отношения между супругами, между родителями и детьми, мотивы вступления в брак и причины разводов, динамика супружеских отношений. При анализе групповых характеристик семьи, прежде всего, исследователь рассматривает понятие «малая социальная группа» [5].

В системном подходе рассматриваются такие свойства семьи, как целостность, наличие двух или более типов связей (пространственных, функциональных, генетических и т. д.), структура (организация), наличие уровней и их иерархия, цель, управление, самоорганизация, функционирование и развитие [5].

В рамках системного подхода семья рассматривается и как малая группа, и как социальный институт, но системный подход рассматривает семью и ее структуру в статике, что препятствует объяснению тех противоречий, которые существуют сегодня в обществе: высокой ценности семьи и, вместе с тем, высокой разводимостью, высокой ценности детей и все большее распространение семей «child-free». В теории структуризации Э. Гидденс предлагает существенно новый подход для рассмотрения социальных институтов и социальной структуры, в том числе и семьи: вся человеческая деятельность рассматривается как социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени. По мнению Э. Гидденса, структура действительна, а деятельность структурирована [6]. Подобная трактовка дуальности структуры позволяет перейти к качественно новому объяснению семьи и брачно-семейных отношений как практики, которая структурирована, в которой происходят изменения из-за модернизации ценностных ориентаций, зависящих от социально-экономических, социально-политических и культурных трансформаций.

Еще одним аспектом изучения изменения представлений молодежи о семье и семейных ценностях в рамках теоретико-методологического обоснования данной проблемы является изучение ценностных ориентаций как мотивационного регулятора поведения людей. Понятие «ценность» в современном обществе рассматривается с точки зрения достижения цели, ценность как самоцель. *Ценностные ориентации* устанавливают критерии желательности или нежелательности тех или иных целей. Ценностные ориентации выступают мотивационным регулятором поведения людей. Со временем, в условиях технологического прогресса и социально-экономического роста, происходит эволюция ценностей: в социальной системе приживаются те ценности, которые наиболее пригодны для жизни в конкретных социально-экономических и культурных условиях [7].

Ценностные ориентации – разделяемые личностью социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения, важнейший фактор, детерминирующий и регулирующий мотивацию личности и ее поведение [8].

Результаты исследования и их обсуждение

В 2016 г. проводилось авторское исследование на тему «Ценностные ориентации студенческой молодежи Беларуси на брак и семью». Выборочная совокупность составила 600 студенток и студентов 3–4 курсов столичных вузов (БГУ, БГПУ им. М. Танка, БГЭУ, БГТУ), сбор информации проводился методом анкетного опроса. Основными критериями отбора студенток и студентов были: пол, курс обучения, специальность (техническая, гуманитарная) (таблица 1).

Таблица 1. – Распределение респондентов по полу и специальности (%)

Специальность	Всего респондентов	Девушки	Юноши
Гуманитарная	52,8	28,2	24,6
Техническая	47,2	23,0	24,2
Всего респондентов	100	51,2	48,8

Для студенческой молодежи семья является наиболее приоритетной ценностью: 76,7% от общего числа респондентов отметили ценность семьи (семья очень важна – 48,5%, семья важна – 13,5%, семья достаточно важна – 8,5%). Несмотря на современную моду вступления в незарегистрированный брак, подавляющее большинство студентов и студенток считают, что проживающим вместе мужчине и женщине необходимо узаконить свои отношения: 80,7% (из них полностью согласны 19,5% девушек и 9,7% юношей и скорее согласны 19,2% и 20,2% соответственно).

В рассмотрении функционально-ролевой структуры семьи были обозначены следующие аспекты: разделение домашних обязанностей, воспитание и забота с детьми, финансовое обеспечение, семейный досуг, принятие решений (рисунок). Традиционно в семье наблюдается четкая сегрегация ролей на мужскую и женскую: женщины занимаются домашним хозяйством и детьми, мужчины принимают решения и обеспечивают семью материально.

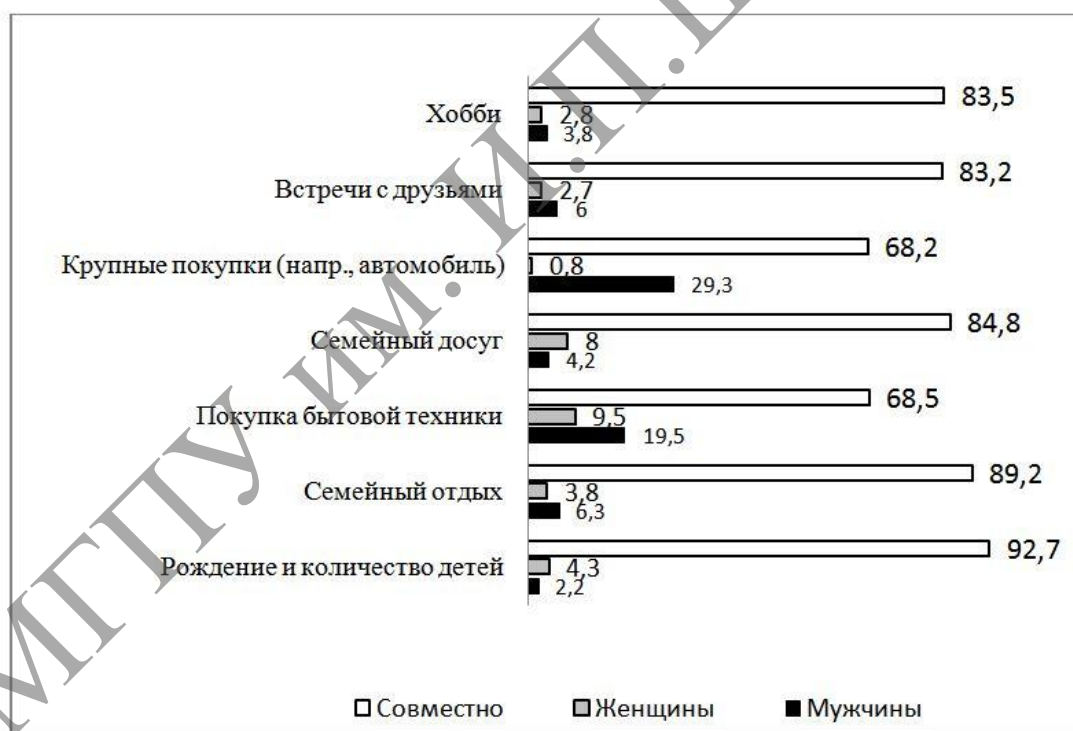

Рисунок – Распределение ответов респондентов в вопросе о принятии решений в семье (%)

По мнению студенток и студентов, домашнюю работу (мытьё посуды, стирку белья, приготовление еды, уборку квартиры и др.) супруги должны выполнять преимущественно совместно – 75,0% (из них так считают 41,7% девушки и 33,3% юноши).

В вопросе о принятии решений в семье студенты и студентки преимущественно отмечали вариант «совместно». Однако среди респондентов, которые считают иначе (т. е. «принимать решение должен муж или жена») в таких вопросах, как «хобби», «встречи с друзьями», «крупные покупки», «покупка бытовой техники», «семейный отдых», отметили, что это прерогатива

мужчины, так считают преимущественно юноши. Примечательно, что юноши в большей степени, чем девушки, придерживаются традиционного типа брачно-семейных отношений.

Еще одним традиционным суждением является мнение о «финансовом превосходстве мужчины», так считает большинство опрошенных. На вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что финансовым лидером в семье должен быть мужчина» респонденты ответили: «да» – 39,8% (18% – девушки, 21,8% – юноши), «скорее да» – 39,8% (21,5% – девушки, 18,3% – юноши).

По мнению студентов и студенток, воспитанием детей должны заниматься оба родителя, так ответили 98% опрошенных, из них 51% девушек и 47% юношей. Таким образом, большинство респондентов признают важность материнского и отцовского воспитания, в особенности радует тот факт, что опрошенные юноши осознают значимость и ответственность роли отца в воспитании детей. Опыт родительства делает молодых людей более зрелыми, взрослыми и сильными в эмоциональном плане. Для мужчин особенно значимым является факт чувства отцовства, чувства собственной значимости и чувства ответственности.

В процессе коммуникации в семье, построения брачно-семейных отношений, центр внимания супругов может фокусироваться на одной из трех моделей семейного взаимодействия:

1. Внимание преимущественно сосредоточено на детях – коммуникация и семейные отношения строятся таким образом, что в центре семейных забот и любви становится ребенок. Семьям, где родители готовы пожертвовать всем ради любимого чада, готовы выполнять каждый его каприз, характерно проявление гиперопеки. Такая модель семьи является *детоцентристской*.

2. Внимание преимущественно направлено на супругу (супруга) – брачно-семейные отношения выстраиваются вокруг взаимодействия брачных партнеров, здесь выходит на первое место коммуникация между супругами, взаимная поддержка, совместное времяпрепровождение и общие интересы и увлечения. Ребенок уже не находится в центре внимания. В такой семье может быть два сценария взаимодействия родителей и ребенка: нормального и гиперопеки. Такая модель семьи является *партнёрской*.

3. Внимание преимущественно направлено на внесемейную деятельность – в данном случае брачные партнеры предпочитают семейной коммуникации и совместной деятельности увлечения на стороне. Такие семьи разобщены, у каждого из партнеров свои интересы, супруги самостоятельно решают свои проблемы. Такая модель семьи является *разобщённой*.

С предложенным суждением «Родители обязаны делать все лучшее для своих детей, даже если это будет для них финансово затруднительно», согласились 66,2% опрошенных, из них 32% девушки и 34,2% юноши. В данном случае можно предположить, что в студенческой среде наблюдается положительное отношение к *детоцентристской модели семьи*. Более того, 56,5% молодых людей отметили, что в семье должно быть, по крайней мере, двое детей, причем мнение девушек и юношей распределены примерно одинаково. В вопросе «Сколько детей хотелось бы иметь Вам лично?» большинство респондентов также нацелены на создание семьи с двумя детьми – 55,8% опрошенных (из них девушек – 29,7%, юношей – 26,2%), семью с тремя детьми хотелось бы создать 19,3% респондентов (из них девушек – 10,2%, юношей – 9,2%).

Еще одной из существенных характеристик брачно-семейных отношений являются мотивы вступления в брак и создания семьи (таблица 2). Для молодых людей, нацеленных на *детоцентристскую модель семьи*, основным мотивом вступления в брак является «рождение и воспитание детей». В случае с приоритетом *партнёрской модели семьи*, юноши и девушки чаще отмечают «потребность в любви и признании» как первостепенный мотив вступления в брачно-семейные отношения. Для молодых людей, стремящихся получить от замужества либо женитьбы лишь «статус жены или мужа» и «возможность жить отдельно от родителей», характерна *разобщённая модель семьи*.

Таблица 2. – Мотивы вступления в брак и создания семьи (%)

Мотивы	Всего	Девушки	Юноши
Рождение и воспитание детей	81,3	43,8	37,5
Улучшение финансового положения и решение жилищного вопроса	59,3	32,0	27,3
Потребность в любви и признании	75,3	41,0	35,3
Возможность чувствовать относительную стабильность	67,0	36,3	30,7
Удовлетворение физиологических потребностей	45,2	19,2	26,0
Возможность жить отдельно от родителей	46,3	22,5	11,9
Приобретение статуса жены, мужа	35,2	19,2	16,0

Исходя из данных таблицы 2, студенческая молодежь выделяет «рождение и воспитание детей», «потребность в любви и признании», «возможность чувствовать относительную стабильность» как первостепенные мотивы вступления в брак и создания семьи. Приоритетным мотивом вступления в брак большинство респондентов отметили «рождение и воспитание детей», что подтверждает гипотезу о приверженности молодых людей к *детоцентристской* модели семьи.

Выводы

В исследовании ценностных ориентаций на брак и семью студенческой молодежи необходимо учитывать структурные элементы семьи, типы брачно-семейных отношений, модели семьи, на которые сориентированы девушки и юноши. Вывод о приверженности студенческой молодежи к традиционным (материальным) или современным (постматериальным) ценностям должен конструироваться на основе глубокого изучения семейной структуры, с учетом ее динамического аспекта и дуальности, которая отображается в следующих элементах семейной жизни: семейной коммуникации, ролях, функциях семьи, ресурсах (материальных и властных), правилах (семейных традициях). На современном этапе студенческая молодежь отмечает ценность семьи как наиважнейшую. Большинство респондентов ориентировано на юридически оформленный брак. Можно отметить, что современные юноши и девушки демонстрируют приверженность к смешанному типу брачно-семейных отношений, с одной стороны, позиционируя равенство в отношении принятия решений и разделения домашних обязанностей, с другой – демонстрируя традиционность взглядов в отношении финансового лидерства и сведению мужской роли к роли кормильца семьи. Примечательным остается тот факт, что для молодых людей предпочтительна *детоцентристская* модель семьи и сегодня молодежь ориентирована на семью с двумя детьми, а основными мотивами вступления в брак и создания семьи студенты и студентки считают рождение и воспитание детей, потребность в любви и признании, возможность чувствовать относительную стабильность. Несмотря на то, что западные ориентиры смещены в сторону свободных отношений и семей *child-free*, белорусская студенческая молодежь в большей степени ориентирована на семью в традиционном ее понимании.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. World Values Survey sixth wave integrated data file, 2010–2014, v.20150418.
2. Титаренко, Л. Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект / Л. Г. Титаренко. – Минск : БГУ, 2003. – 205 с.
3. Статистический ежегодник – 2015 / под ред. И. В. Медведева. – Минск, 2015. – 524 с.
4. Постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь № 14 от 20 марта 2014 г.
5. Мацковский, М. С. Социология семьи / М. С. Мацковский. – М. : Наука, 1989. – 116 с.
6. Гидденс, Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М., 2003. – 528 с.
7. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое Издательство, 2011. – 464 с.
8. Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя, 2003. – С. 347.

Поступила в редакцию 31.05.16

E-mail: lena.bern82@mail.ru

A. Bernhard

VALUED ORIENTATIONS OF STUDENTS OF BELARUS ON MARRIAGE AND FAMILY

The article deals with domestic approaches to the study of marriage and family, focuses on the theory of structuration E.Giddensa, modernization approach R.Inglharta and R.Veltselya how basic concepts explaining changes in marriage and family relations. The data of the author of a sociological study of value orientations on marriage and family in Belarus students. Analyzed the orientation of students on the types of marriage and family relations and family models. We give the author's interpretation of the three-pronged model of interaction in the family.

Key concepts: values, family, marriage, marriage and family relations, types of marriage and family relations, child-centered, affiliate, dissociation model of the family, the motives for marriage.

УДК 37.01 (476)(091)

Г. В. БолбасКандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии,
МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь**ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА ПРИРОДОСООБРАЗНОСТИ ВОСПИТАНИЯ
В БЕЛАРУСИ XVI–XVII вв.**

В статье определена система концептуально-методологических оснований периодизации процесса развития принципа природосообразности как объекта историко-педагогического исследования. В единстве и комплексности базовых, парадигмальных и инструментальных методологических подходов обоснован алгоритм развития анализируемого научного феномена в педагогической мысли и просвещении Беларуси эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.). На основе системы критериев выявлены этапы развития принципа природосообразности воспитания, проанализирована динамика формирования его сущностных характеристик, смысловых и содержательных приращений и модификаций. Автором разработана модель этапности развития принципа в историко-педагогическом контексте отечественного Ренессанса.

Ключевые слова: принцип природосообразности, педагогическая мысль Беларуси XVI–XVII вв., базовые подходы, парадигмальные подходы, инструментальные подходы, периодизация, критерии периодизации, этапы развития, метод моделирования.

Введение

Важнейшим условием объективности и целостности исследования развития принципа природосообразности воспитания в педагогической мысли и просвещении Беларуси XVI–XVII вв. является осмысление закономерностей этого процесса, установление ценностно-смысловых параметров изучения и упорядочение содержания рассматриваемого понятия на различных этапах его проявления в историко-педагогической действительности. В решении данной исследовательской задачи особую роль играет периодизация, выступающая методологическим средством реконструкции и хронологического оформления процесса развития анализируемого педагогического феномена.

Результаты исследования и их обсуждение

Концептуально-методологические основания периодизации развития принципа природосообразности воспитания на территории Беларуси в XVI–XVII вв. составляют целостную совокупность методологических подходов. Системный характер историко-педагогического процесса отражается в системности и комплексности методологических оснований и приемов аргументации при обосновании алгоритма развития рассматриваемого принципа. Данная система методологических подходов в нашей работе представлена тремя группами: базовыми, парадигмальными и инструментальными методологическими подходами.

В качестве **базовых** (общенаучных) в работе выступают исторический и системный подходы, которые обеспечивают поэтапное представление педагогического знания в контексте исторического развития Беларуси рассматриваемого периода.

Исторический подход способствует реконструированию событийной канвы процесса развития принципа, выявлению его сущности в динамике социокультурных отношений на каждом историческом этапе. Ренессансно-гуманистическое движение, Реформация, контрреформационная борьба и другие социально-политические события, представляющие собой историческую рамку процесса развития принципа природосообразности воспитания в образовании и педагогической мысли Беларуси XVI–XVII вв., обусловили специфические особенности протекания этого процесса, определили импульс его движения и самодвижения. Реконструкция и интерпретация педагогического прошлого в рамках исторического подхода демонстрирует преемственность педагогического знания, что, по мнению исследователей, позволяет «обеспечить его соотнесение

с современными проблемами теории и практики образования, с традициями, тенденциями и перспективами их развития» [1, 11].

С позиций *системного подхода* этапность развития принципа природосообразности обеспечивает раскрытие его содержательно-сущностных характеристик, которые наиболее полно отражают суть предмета исследования и помогают, по утверждению И. Г. Боропиловой, «конкретнее описать признаки основных компонентов в составе изучаемого явления, а также их основные свойства» в исторической ретроспективе [2, 16].

Исторический и системный подходы, определяющие концептуально-методологические основания периодизации, обуславливают трансформацию фрагментарного видения данного принципа в целостное представление о нем через включение в систему воззрений о человеке и природе, его осмысление в национальном историко-педагогическом контексте. Более того, синтез данных методологических подходов позволяет выявить особенности его развития на каждом историческом этапе в онтологической полноте и целостности, в единстве внешних и внутренних предпосылок этого процесса.

В рамках исторического и системного подходов устанавливаются тенденции формирования анализируемого педагогического принципа, рассматриваемые как устойчивые направления, проявляющиеся на каждом этапе развития педагогического знания в условиях конкретного ряда факторов. Соотнесение тенденций развития принципа в истории образования и педагогической мысли Беларуси с тенденциями его развития в западноевропейской педагогике способствует системному и целостному осмыслению общего и особенного, европейского и национально-регионального в развитии данного педагогического феномена.

В основе *парадигмальных подходов* лежат концепции и теории, детерминирующие общественное развитие человечества и представляющие историко-педагогический процесс в его спиралеобразности. В качестве таковых при обосновании процесса развития принципа природосообразности воспитания в педагогической мысли и образовании Беларуси в XVI–XVII вв. выступают аксиологический, культурологический и синергетический подходы.

Целесообразность *аксиологического подхода* заключается в том, что природосообразность является одним из ценностных оснований современных образовательных концепций. Представляя собой важнейшее концептуально-методологическое основание периодизации развития принципа, он позволяет отразить тенденции развития принципа природосообразности в динамике культурно-ценностных оснований Беларуси рассматриваемого исторического периода, выявив прогностический потенциал данного историко-педагогического знания [3, 77]. Более того, данный подход устанавливает ценностно-смысловые параметры содержания принципа, которое складывается посредством терминологических координат трёх исходных измерений: витального, ментального и культурного.

В *витальном* измерении природосообразность определяет естественный характер воспитания в неразрывной связи с природным и социальным окружением. Специальная организация воспитательного процесса, опосредованная личностью учителя, сменяется естественным наполнением растущего человека жизнесообразными качествами в результате его непосредственного взаимодействия с явлениями реальной действительности [4, 9]. В *ментальном* природосообразность выступает как осознанное согласование процесса формирования личности с закономерностями природы, обусловленное научным пониманием взаимосвязи естественных и социальных процессов, общими законами развития природы и человека [5, 28]. *Социокультурное измерение*, объединяя витальные и ментальные характеристики природосообразности, представляет данное понятие через отношение человека к необходимости согласования воспитания с законами природы.

Единство аксиологического подхода с *культурологическим* определяет преемственность педагогических традиций и возможность актуализации историко-педагогического знания в современных социокультурных условиях. Сущность принципа природосообразности воспитания, раскрываемая в ретроспективе культурно-исторического осмысления понятий «природа», «воспитание», «человек», включает в себе ценностные основания белорусской культуры XVI–XVII вв. Аксиологический и культурологический подходы обуславливают раскрытие внешних детерминант функционирования педагогического знания, в нашем случае, идейно-теоретических источников и социально-исторических, культурно-образовательных факторов.

Наряду с этим особую важность для решения поставленных исследовательских задач представляет выявление принципов саморазвития рассматриваемого принципа, что обеспечивают

в данном случае *синергетический подход* и теория самоорганизации, выстраивающие логику его внутреннего развития. Лишь в единстве и системности всех предпосылок развития природосообразности воспитания в образовании и педагогической мысли Беларуси возможно целостное и концептуальное представление его поэтапного формирования в историко-педагогическом контексте отечественного Ренессанса.

Теория самоорганизации в качестве источников развития сложных систем рассматривает внутренние свойства самих систем и представляет собой «системообразующую детерминанту пространственно-временной локализации изучаемого предмета» [6, 14]. Развитие принципа природосообразности как сложного системного историко-педагогического явления в рамках данной теории определяется характерными для нее принципами самосохранения, самовоспроизводства и саморазвития. Такой подход позволяет раскрыть и обосновать направленность развития рассматриваемого принципа на каждом из трех этапов его исторического развития.

С одной стороны, культурно-аксиологические основания развития принципа природосообразности в образовании и педагогической мысли Беларуси в XVI–XVII вв., с другой – принципы самосохранения, самовоспроизводства и саморазвития, характерные для теории самоорганизации, обусловили ценностно-смысловую направленность данного педагогического феномена.

Системность и единство парадигмальных методологических принципов в контексте нашего исследования позволяют раскрыть и оформить посредством *инструментальных методологических подходов* алгоритм развития принципа природосообразности воспитания в целостности и взаимосвязи его системообразующих внешних и внутренних детерминант. Инструментальным выражением синергетического, аксиологического и культурологического подходов является *метод моделирования*, а методологическим средством хронологического оформления процесса развития принципа – периодизация [7, 26].

Результаты исследования позволили разработать модель этапности развития принципа природосообразности в единстве внешних, культурно-исторических, и внутренних, самоорганизующихся, детерминант его формирования (рисунок).

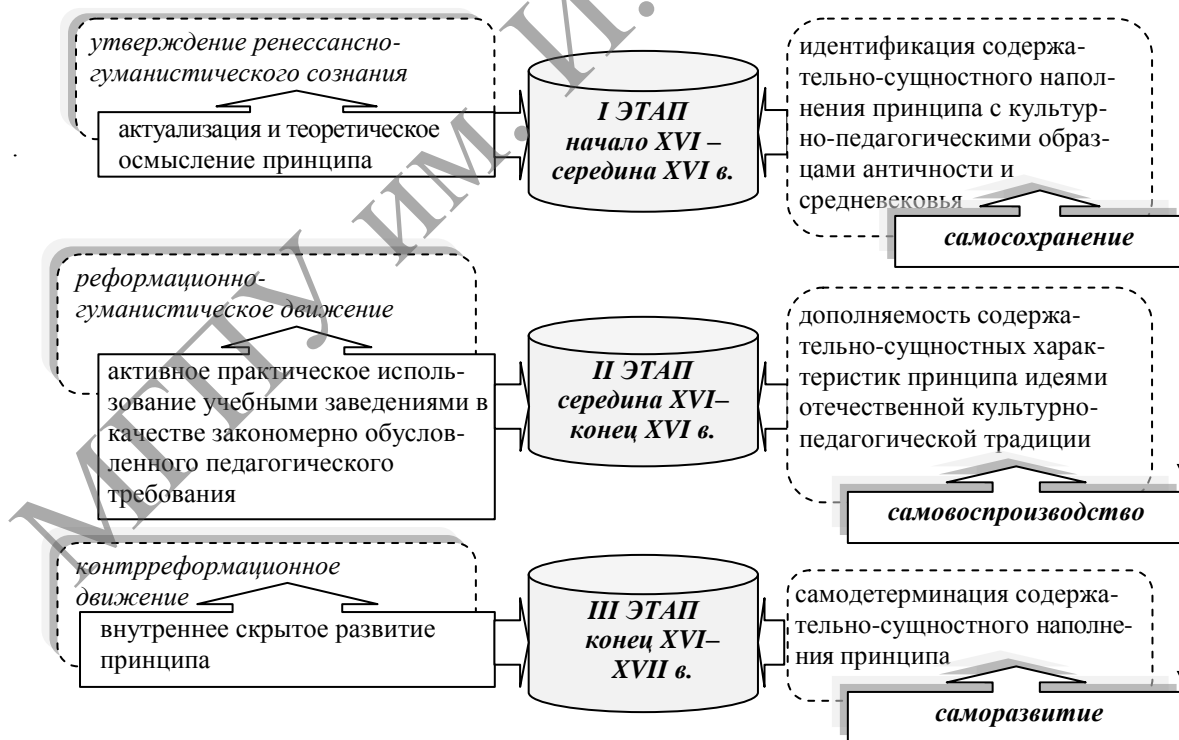

Рисунок – Этапы развития принципа природосообразности воспитания в образовании и педагогической мысли Беларуси (XVI–XVII вв.)

В качестве ведущих критериев периодизации выступают детерминация внешними и внутренними факторами, а также ценностно-смысловая направленность принципа природосообразности, понимаемая как уровень его содержательно-сущностной характеристики. На основе данных критериев нами определены следующие этапы его развития на территории Беларуси в XVI–XVII вв.:

I этап – начало XVI – середина XVI в.;

II этап – середина XVI – конец XVI в.;

III этап – конец XVI – XVII в.

Для первого этапа развития принципа природосообразности воспитания (начало XVI – середина XVI в.) характерны его актуализация и теоретическое осмысление преимущественно в рамках непосредственно педагогической мысли. Ренессансно-гуманистическая интенция общественной жизни, изменения в экономической, социально-политической, религиозно-церковной, духовно-культурной сферах обусловили распространение идей всеобщего реформирования, в условиях которых происходило переосмысление вопросов организации воспитания. Детерминанты саморазвития принципа определили критерием направленности самосохранение его ценностно-смысловых основ. Идентификация содержательно-сущностного наполнения принципа природосообразности с готовыми культурно-педагогическими образцами античности и средневековья отражала способ самосохранения воспитательных традиций в условиях отсутствия адекватных идейно-теоретических средств осмысления новой педагогической культуры.

Природосообразность воспитания в данный период проявлялась преимущественно через отождествление деятельности человека с природой как универсальным целостным знанием (пансофичность). Возрождающиеся античные представления о космосе как о сложной самоорганизованной системе, теоцентрическая система, характеризующиеся прежде всего иерархичностью, целостностью, гармоничностью, взаимосвязанностью компонентов и т.д., обусловили представления о воспитании как о системе, подчиняющейся всеобщим универсальным законам мироздания. В качестве важнейших задач воспитания выступали развитие системного мышления, формирование умения проецировать законы общего на частные явления и процессы (фронезис).

Второй этап (середина XVI – конец XVI в.) охватывает время активного развития принципа природосообразности воспитания в условиях реформационно-гуманистического движения и характеризуется переходом от теоретического осмысления идей природосообразности воспитания к активному использованию в практике учебных заведений в качестве закономерно обусловленного требования. Развитие принципа в данный период осуществлялось в рамках процессов самовоспроизводства знания, сознания, деятельности и системы отношений. Интерпретация действительности посредством заимствования готовых образцов предшествующих культур на данном этапе начинает активно дополняться идеями отечественной теории и практики. Идентификация с приращением, определяющая направленность рассматриваемого педагогического понятия и основывающаяся на принципах преемственности и дополняемости, находит отражение в изменениях его содержательно-сущностной характеристики. Принцип природосообразности, обуславливающий необходимость согласовывать процесс формирования личности с общими законами мироздания, в данный период начинает интерпретироваться как сообразность с воспроизводимой человеком природой (культурой).

Третий этап (конец XVI – XVII в.) характеризуется развитием принципа природосообразности воспитания в рамках сдерживающих этот процесс внешних факторов, обусловленных приходом Контрреформации, что, в свою очередь, предопределило противоборствующий или скрытый, внутренний, характер развития принципа. Согласно положениям синергетического подхода, направленность принципа природосообразности в этот период на саморазвитие обусловлена стадией его развития в точке бифуркации, что нашло отражение в стремлении системы к саморазрушению с целью самовозрождения в новом качестве. Данные процессы находили выражение в дифференциации универсального знания, вытеснении синтеза анализом, а в сфере воспитания проявились через его индивидуализацию и психологизацию. Природосообразность из принципа сообразности с внешней, единой и универсальной природой, трансформируется в принцип сообразности с внутренней, индивидуальной, природой воспитанника.

В роли инструментальных подходов, которые также служат обоснованию этапности развития принципа природосообразности воспитания, проведению интерпретационной работы с педагогическими явлениями выступают онтологический, феноменологический и герменевтический.

Онтологический подход позволяет философско-антропологическое знание подавать в педагогической интерпретации. Онтологическое основоположение касается, по мнению современных ученых, «понимания природы и закономерностей существования, преобразования и взаимодействия отдельных форм знания в процессе его эволюции» [8, 11]. На территории Беларуси периода XVI–XVII вв. педагогическое знание развивается главным образом в рамках философских наук, поэтому особую важность при обосновании процесса развития принципа природосообразности представляет определение педагогического потенциала исследования. Кроме того, «природосообразность» как смысловая доминанта ключевого понятия демонстрирует многообразие исторически обусловленных культурно-философских смыслов, которые в историко-педагогическом контексте с позиций онтологического подхода выступают методологическим основанием педагогического феномена «принцип природосообразности воспитания». Таким образом, природосообразность представляет собой общий закон становления человека в образовании. При таком подходе онтологическим базисом образования выступает закон идеалосообразности, который, по мнению Г. Б. Корнетова, проявляется «в частных законах идеала цели, содержания, процесса» [1, 68].

Феноменологический подход определяет изучение историко-педагогического знания в качестве продукта индивидуального и общественного сознания и опыта, что позволяет выявить его различные стороны как индексы субъектного понимания, обнаружить индивидуально-исторические траектории его становления и развития [6, 27].

Особенностью интерпретации как гносеологической процедуры является рассмотрение изучаемых текстов через призму современного уровня научного знания, что позволяет отследить истоки сегодняшнего понимания принципа природосообразности, раскрыть его содержательно-смысловые изменения и приращения. В немалой степени этому способствует использование современных научных терминов, дефиниций и суждений. Задачи такого способа интерпретации, как отмечают ученые, концентрируются в плоскости выявления места и роли авторского знания в структуре процесса генезиса научного знания по линии от прошлого к сегодняшнему [28].

С позиций *герменевтического подхода*, особое значение при обосновании алгоритма развития принципа природосообразности придается содержательным характеристикам историко-педагогического знания и языковой форме их представления. Усиливая операциональные возможности предмета исследования, мы конкретизируем и достраиваем интерпретацию его ключевых компонентов.

Выводы

Таким образом, концептуально-методологические основания периодизации развития принципа природосообразности в образовании и педагогической мысли Беларуси в XVI–XVII вв., представляя собой систему методологических подходов, обуславливают поэтапное представление педагогического знания в контексте исторического развития, динамику формирования его сущностных характеристик, смысловых и содержательных приращений и модификаций, а также особенности педагогической интерпретации процесса развития рассматриваемого принципа.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Постигание педагогической культуры человечества : в 2 т. / под ред. Г. Б. Корнетова. – М. : АСОУ, 2010. – Т. 1 : Общие вопросы. Зарубежный педагогический опыт. – 200 с.
2. Боронилова, И. Г. Ретроспективный подход к изучению методологических основ теории передового педагогического опыта / И. Г. Боронилова // Вестн. ВЭГУ. – 2010. – № 1. – С. 10–17.
3. Булыгина, М. В. К вопросу о методологии региональных историко-педагогических исследований / М. В. Булыгина // Язык и культура. – 2008. – № 2. – С. 74–84.
4. Сайткасимханова, Д. М. Педагогические условия природосообразного воспитания обучающихся средствами народной педагогики : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Д. М. Сайткасимханова ; Южно-Казахстан. пед. ун-т. – М., 2008. – 27 с.
5. Слостенин, В. А. Педагогика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 ч. / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под ред. В. А. Слостенина. – М. : ВЛАДОС, 2003. – Ч. 2. – 256 с.

6. Бобрышов, С. В. Методология историко-педагогического исследования развития педагогического знания : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / С. В. Бобрышов ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2007. – 45 с.

7. Богуславский, М. В. Проблемы моделирования в историко-педагогических исследованиях / М. В. Богуславский, Г. Б. Корнетов // Научные достижения и передовой опыт в области педагогики и народного образования / Науч.-исслед. ин-т теории и истории педагогики. – М., 1991. – Вып. 7 (19). – С. 1–26.

8. Шиянов, Е. Н. Взаимосвязь онтологического и феноменологического подходов в теоретико-педагогическом исследовании / Е. Н. Шиянов, С. В. Бобрышов // Педагогика. – 2006. – № 6. – С. 10–19.

Поступила в редакцию 16.09.06

E-mail: bgv78@mail.ru

G. V. Bolbas

DEVELOPMENT PERIODIZATION OF THE CONFORMITY WITH NATURE PRINCIPLE OF EDUCATION IN BELARUS IN 16TH–17TH CENT.

The system of conceptual and methodological bases for development process periodization of the conformity with nature principle as a subject of historical and pedagogical research has been defined in the article. The development algorithm of the analyzed scientific phenomenon in the science of pedagogy and enlightenment in Belarus in the age of the Renaissance (16th–17th cent.) has been proved as the unity and complexity of basic, paradigmatic, and instrumental methodological approaches. On the basis of criteria system, stages of development of the conformity with nature principle of education have been discovered, the dynamics of forming its essential attributes, notional and substantial augments and modifications has been analyzed. The author worked out a staging pattern of the principle development in historical and pedagogical context of home Renaissance.

Keywords: the conformity with nature principle, the science of pedagogy in Belarus in 16th–17th cent., basic approaches, paradigmatic approaches, instrumental approaches, periodization, periodization criteria, stages of development, simulation approach.

УДК 373.3.018.26

Е. Н. Герасимович

Аспирант кафедры педагогики и методик дошкольного и начального образования,
МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь

Научный руководитель: кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики
и психологии начального образования УО БГПУ им. М. Танка В. Г. Игнатович

**ГОТОВНОСТЬ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С СЕМЬЕЙ
КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ**

В статье рассматривается проблема взаимодействия семьи и школы в вопросах семейного воспитания с позиции компетентностного подхода. На основании проведенного теоретического анализа, а также собственных изысканий конкретизированы основные условия эффективности совместной деятельности педагога и родителей, определены ценностно-целевые приоритеты данного взаимодействия, выявлены педагогические условия формирования готовности учителя начальных классов к взаимодействию с семьей учащегося.

Ключевые слова: семейное воспитание, педагогическое взаимодействие, профессиональная компетентность.

Введение

В современной социокультурной ситуации выдвигается задача модернизации деятельности институтов социализации ребенка, одним из которых является семья. Это связано с проявлением факторов, дестабилизирующих детско-родительские отношения: изменением материального и социального положения семьи; потерей семейных традиций; несовпадением диалога культур старшего и младшего поколений; неадекватностью личностных притязаний детей и родителей друг к другу; невысоким уровнем воспитательного потенциала семьи [1, 3].

Сложившаяся ситуация обострила проблему организации и полноценного функционирования воспитательного пространства учреждений образования и семьи. Об этом свидетельствует увеличивающееся количество публикаций на тему взаимодействия семьи и школы в вопросах семейного воспитания, расширение научно-исследовательской тематики, появление новых образовательных программ. Семья должна быть объектом постоянного педагогического внимания, так как именно в ней начинается социализация личности, осуществляется передача опыта, накопленного человечеством, закладываются основы трудовых навыков, нравственных принципов, норм поведения. Неустойчивость семьи, падение престижа семейных традиций и ценностей неблагоприятно сказываются на воспитании детей, поэтому семье необходима помощь со стороны учреждений образования.

Результаты исследования и их обсуждение

Современные ученые рассматривают проблемы семейного воспитания с точки зрения различных подходов: например, культурологического (В.С. Библер, К.В. Гавриловец, У.П. Зинченко, М.С. Каган, В.М. Межуев, В.П. Старжинский, И.И. Цыркун.), этнопедагогического (Г.П. Орлова, В.С. Болбас, Г.Н. Волков, И.И. Калачева, Л.В. Ракова, С.В. Снапковская, В.В. Чет и др.). При этом отдельные аспекты семейного воспитания остаются недостаточно исследованными. Как свидетельствует практика, нуждается в углубленном изучении процесс взаимодействия семьи и школы в вопросах семейного воспитания с позиции компетентностного подхода в контексте обновления общественного запроса.

Под семейным воспитанием отечественные педагоги понимают целенаправленное взаимодействие старших членов семьи с младшими, основанное на любви и уважении личного достоинства и чести ребенка, включающее защиту и формирование его личности с учетом возможностей и в соответствии с ценностями семьи и общества [2, 45].

Содержание семейного воспитания охватывает все направления: духовно-нравственное, умственное, физическое, патриотическое, трудовое, эстетическое и др.

Данные направления являются элементами всей системы воспитания и отражены в государственных документах и программах по вопросам социальной политики и воспитательной работы среди молодежи. Их концептуальные основы определены в Кодексе Республики Беларусь об образовании, Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь, Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь, в ежегодных Методических рекомендациях Министерства образования Республики Беларусь по организации идеологической и воспитательной работы. В них рельефно обозначены культурологический и системный подходы к определению содержания воспитательного процесса в учреждениях образования, где ведущим компонентом определено идеологическое воспитание, большое значение придается воспитанию гражданской культуры личности, ее нравственной и художественно-эстетической культуре, а также воспитанию экологической ответственности, культуры безопасной жизнедеятельности и формированию навыков здорового образа жизни, культуре трудовой и профессиональной деятельности [3, 32]. Все это, вместе взятое, и составляет систему основных направлений разностороннего развития детей и учащейся молодежи и является компонентами семейного воспитания.

Построение новых моделей образования, адекватных современному типу культуры, выдвигает новые требования к совершенствованию подготовки педагогов, способных проектировать и реализовывать эти модели [4, 5]. Только компетентные педагогические кадры способны оказать помощь родителям в реализации государственной семейной политики по отношению к детям.

Анализ исследований в данной области показал, что подготовка учителей к взаимодействию с семьей учащегося изучалась в таких контекстах, как формирование их психологической готовности (Е.В. Баранова), профессиональной готовности (О.А. Шостакович), педагогические условия развития ориентации будущего учителя на взаимодействие с родителями (Л.Н. Константинова), на его ценностное взаимодействие с семьей (И.В. Власюк); профессионально-педагогическая подготовка к работе с семьей как целостный процесс (Н.А. Бугаец, Т.А. Савченко); социально-ориентированная подготовка будущих учителей начальных классов к работе с семьей (Т.И. Шанскова).

С нашей точки зрения, детально данную проблему в своих трудах освещает Е.Д. Осипов. Автор выделяет основополагающие идеи семейного воспитания, взаимодействие школы и семьи в контексте истории педагогической мысли, показывает развитие научных представлений о компетентностно ориентированном обучении будущих учителей педагогическому взаимодействию с семьей.

Как свидетельствует анализ теоретических исследований, в истории научных поисков интерес к проблеме взаимодействия семьи и школы, профессиональной компетентности педагога в данной области был всегда велик. И сегодня эта проблема не может не рассматриваться как одна из ключевых, поскольку потребность поиска путей совершенствования профессиональной деятельности имеет непреходящее значение [5, 54].

Рассматривая педагогическое взаимодействие учителя начальных классов с семьей с позиций компетентностного подхода, нами выделено возникшее противоречие между возрастающими потребностями семьи в педагогической помощи со стороны учителя и степенью овладения им профессиональными компетенциями в данной сфере деятельности.

В обобщенной интерпретации педагогическое взаимодействие с семьей характеризуется как вид совместной деятельности «педагог – родители», направленной на развитие их партнерских отношений и способствующей эффективности воспитания ребенка в семье и школе [1, 11]. При обосновании сущности понятия «педагогическое взаимодействие» нами за основу взята позиция Г.М. Андреева, согласно которой педагогическое взаимодействие проявляется в совместной деятельности субъектов. Формой проявления данного взаимодействия, по выражению Б.Ф. Ломова, является общение как специфический вид деятельности, которое как бы пронизывает совместную деятельность субъектов, выполняя организационную роль, то есть выступает одним из средств эффективности данной деятельности, неотделимо от нее [1, 12].

Анализ научных работ, результаты собственных изысканий позволили нам конкретизировать основные условия эффективности педагогического взаимодействия учителя начальных классов с семьей. Это:

- готовность работать сообща, четко представляя цель, задачи и результат совместной деятельности ее участников;
- планирование, распределение обязанностей с учетом пожеланий, интересов участников, организация и подведение итогов деятельности;
- выбор оптимальной стратегии и тактики организации деятельности на основе принципов дифференциации, индивидуализации, коллективности;
- самореализация в деятельности каждого из субъектов, с учетом его потенциальных возможностей;
- систематическое оценивание результативности характеризуемой деятельности;
- мониторинг удовлетворенности совместной деятельностью его участников.

Реализация данных условий в контексте педагогического взаимодействия учителя начальных классов с семьей осуществляется через его профессиональную деятельность, что способствует, на наш взгляд, расширению педагогического опыта как основы профессиональных компетенций.

В последнее десятилетие, несмотря на то, что изучением профессиональной компетентности активно занимались отечественные и зарубежные ученые, в современной литературе нет единого мнения в вопросе определения сущности рассматриваемого понятия. Так, исследуя вопросы профессиональной деятельности педагога, педагогическое мастерство, профессионализм как более широкое и устойчивое свойство личности, Н.В. Кухарев определяет профессиональную компетентность педагога как уровень его продуктивности в процессе решения педагогических задач в конкретных педагогических ситуациях и условиях. При этом профессиональная компетентность педагога ни в коей мере не исключает его способности создавать в сознании возможный более качественный образ результата и соотносить его с реально получаемым в действительности. Это соответствующие знания и опыт педагога, способного антиципировать педагогические ситуации и моделировать более эффективную систему действий на пути достижения желаемых качественных показателей, конкретизировать собственную деятельность и обосновывать ее [5, 55].

Структуру профессиональной компетентности педагога в сфере взаимодействия с семьей представил Е.Д. Осипов. Автор выделил три кластера компетенций, разделяя каждый из них на группы компетенций: знаниевый (методологические, теоретические, конкретно-прикладные), процессуально-деятельностный (проективные, организационно-управленческие, рефлексивно-оценочные), коммуникативный (информационно-коммуникативные, интерактивные, перцептивные).

Таким образом, профессиональная компетентность педагога в сфере взаимодействия с семьей – это характеристика теоретической и практической подготовленности специалиста к осуществлению педагогической деятельности, представленная совокупностью общепедагогической, специальной, технологической, коммуникативной и рефлексивной компетенций и выражается в способности самостоятельно, ответственно, эффективно выполнять функцию взаимодействия с семьей [6].

Формируется профессиональная компетентность педагога в процессе получения профессионального образования, которое рассматривается как непрерывный процесс, поэтому оно совершенствуется и в ходе профессиональной деятельности [5, 56].

Однако, как показывает практика, не все учителя начальных классов обладают совокупностью данных компетенций, чтобы помочь ребенку адаптироваться в совершенно новой для него социальной среде, где без продуктивного взаимодействия с семьей эта задача является трудновыполнимой.

В связи с этим составляющей профессионализма учителя начальных классов, на наш взгляд, является готовность к взаимодействию с семьей учащегося, которую мы рассматриваем как одну из ключевых компетенций, выражающуюся в способности будущего педагога реализовать свои социально-педагогические знания и возможности в вопросах семейного воспитания. Исходя из нашего понимания данной компетенции учителя начальных классов, выделим следующие ее структурные компоненты:

- мотивационный, подразумевающий наличие потребности во взаимодействии и общении с участниками педагогического процесса; интерес к освоению эффективных способов общения; настойчивость в преодолении затруднений при решении задач, связанных с организацией взаимодействия;

- когнитивный, представляющий собой совокупность знаний о средствах, способах, закономерностях, правилах и нормах общения; об особенностях и стилях взаимодействия; о системе правил регуляции совместных действий, ролях, позициях, которые занимают участники взаимодействия; об особенностях коммуникативного поведения в процессе взаимодействия;

- технологический, включающий совокупность коммуникативных, рефлексивных и интерактивных умений.

Как отмечается многими исследователями (И.В. Власюк, Е.В. Баранова, Л.Н. Константинова и др.), будущие педагоги получают в вузе недостаточную подготовку, которая бы позволяла им доступными способами передавать родителям знания по вопросам семейного воспитания, обучать их продуктивному взаимодействию с детьми, формировать у них ценностное отношение к ребенку. Вместе с тем многие педагоги после фазы своего профессионального становления перестают прилагать усилия к дальнейшему профессиональному самоопределению и саморазвитию. Даже понимая необходимость повышения своей профессиональной компетентности, данная категория учителей не готова к активному конструированию собственного профессионального пути в течение всей трудовой деятельности.

На наш взгляд, одной из составляющих профессионального саморазвития является самообразование, под которым мы понимаем добровольную деятельность, направленную на освоение общей культуры, современных педагогических идей и технологий, содействующую повышению качества и результативности трудовой деятельности и самосовершенствования педагога.

Как отмечалось выше, взаимодействие с семьей характеризуется как вид совместной деятельности «педагог – родители», поэтому мы полагаем, что для достижения результата в решении значимых проблем, налаживании позитивных взаимоотношений между субъектами данного взаимодействия, в процессе которого учатся как семья учащегося, так и педагоги, в самообразовании нуждаются не только учителя. В силу объективных и субъективных причин родители также нуждаются в обучении, что отмечено в трудах Ю.Б. Гиппенрейтера, Т. Гордона, В.В. Чечета и др.

С учетом результатов проведенного исследования нами определены следующие ценностно-целевые приоритеты педагогического взаимодействия учителя начальных классов с семьей:

- интеграция родителей в деятельность учреждения образования через участие в совместной деятельности с педагогами, ее проектировании, организации, оценивании;
- реализация информационной, интерактивной, перцептивной функций, отражающих назначение педагогического взаимодействия с семьей, исходя из его компонентной основы;
- конструирование и осуществление деятельности на основе принципов системности, дифференциации, индивидуализации, управляемости и развития; ориентация на результат;
- оказание семье дифференцированной помощи в профилактической и коррекционной работе с детьми посредством тренинга, обеспечения методическими материалами;
- совершенствование воспитательного потенциала семьи на основе просвещения и обучения, приобщения родителей к самообразованию с целью повышения их педагогической культуры.

Выводы

Представленные результаты анализа исследований и сложившейся на практике ситуации свидетельствуют об актуальности проблемы готовности педагогов к продуктивному взаимодействию с семьей учащегося в различных областях профессиональной деятельности на основе компетентного подхода.

Современная социокультурная ситуация нацеливает учителя по-новому подходить к конструированию педагогического взаимодействия с семьей с позиции его значимости. Данное взаимодействие, на наш взгляд, будет значимым, если: постоянно развивается к нему мотивированность его субъектов; отношения выстраиваются на основе методов, способствующих обеспечению партнерских отношений сторон; используются целесообразные, привлекательные формы, направленные на организацию продуктивной совместной деятельности педагога и родителей учащихся в вопросах семейного воспитания.

Для того, чтобы осуществлять педагогическое взаимодействие с семьей, педагог должен обладать рядом компетенций. Формирование готовности учителя начальных классов к

взаимодействию с семьей как одной из ключевых компетенций, на наш взгляд, может быть успешным при соблюдении следующих педагогических условий:

- адекватное отражение проблемы формирования готовности педагога к взаимодействию с семьей учащихся как одной из ключевых компетенций в целях, содержании, методах и формах профессиональной подготовки как в ходе теоретического изучения дисциплин учебного плана, так и в рамках освоения практических аспектов педагогической деятельности;
- целенаправленное насыщение учебных планов дисциплинами по выбору, предполагающими формирование социально-педагогической компетентности студентов;
- внедрение технологии формирования готовности к профессиональному саморазвитию учителя начальных классов, включающей технологии саморазвития, самосовершенствования, самообучения, а также методы и формы, средства и приемы, которые нацелены на педагогическую поддержку учителя начальных классов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Осипов, Е. Д. Основы компетентно-ориентированного обучения будущих педагогов взаимодействию с семьей учащегося [Текст] : монография / Е. Д. Осипов ; под общ. ред. А. Н. Сендер ; Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2014. – 166 с.
2. Антипова, Е. А. Семейная педагогика : учеб.-метод. материалы / Е. В. Антипова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2014. – 216 с.
3. Кадол, Ф. В. Концептуальные особенности научной разработки проблем воспитания / Ф. В. Кадол // Адукацыя і выхаванне. – 2015. – № 5. – С. 29–36.
4. Бабкина, Т. А. Молодой преподаватель вуза: становление педагогической позиции : монография / Т. А. Бабкина, Ю. И. Куницкая. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 265 с.
5. Кухарев, Н. В. Профессиональная компетентность педагога как объект исследования, прогнозирования и обоснования: акмеологическая доминанта / Н. В. Кухарев // Адукацыя і выхаванне. – 2015. – № 6. – С. 54–61.
6. Профессиональная компетентность преподавателя высшей школы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://knowledge.allbest.ru/pedagogics/2e0a65635b2bc68a4c43b88521206d26.html>. – Дата доступа : 25.08.2014.

Поступила в редакцию 16.09.16

E-mail: gerasimovich_elena@bk.ru

E. N. Gerasimovich

READINESS FOR INTERACTION WITH THE FAMILY AS ONE OF KEY COMPETENCES OF THE ELEMENTARY SCHOOL TEACHER

The problem of interaction between the family and the school in matters of family education from the perspective of the competency approach. Based on the theoretical analysis, as well as the author of your own research specified basic conditions for the effectiveness of the joint work of the teacher and parents, defined values and priorities of the target interaction, detected pedagogical conditions of formation of readiness of the teacher of initial classes to interact with the student's family.

Keywords: family education, pedagogical interaction, professional competence.

УДК 37.013.32

М. В. ЕмельяноваКандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики,
МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ УНИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЙ «ПЕДАГОГИКА
МНОГООБРАЗИЯ» И «ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

В статье обосновывается целесообразность выделения такой предметной области педагогических знаний, как педагогика многообразия, определяется ее сущность, предмет исследования, унифицируются понятия «педагогика многообразия» и «инклюзивное образование», раскрываются критерии многообразия учащихся в условиях развития современного общества.

Ключевые слова: педагогика многообразия, инклюзивное образование, инклюзивное пространство, инклюзивная культура, инклюзивная политика, инклюзивная практика, поликультурная образовательная среда.

Введение

Изменения в современном мире, связанные с глобализацией экономических и социально – политических процессов, предопределили смену образовательной парадигмы в XXI веке. Неразрывная связь качества образования и качества жизни в обществе позволяет рассматривать образование как одно из средств расширения возможностей детей и взрослых, являющихся активными преобразователями своих социумов. Обучение при этом охватывает все ценности, дающие людям возможность научиться «жить вместе» в таком мире, который характеризуется плюрализмом и многообразием [1]. Изменение ценностных ориентаций общества, переход от модели «иметь» к модели «быть», привели к появлению идеи непрерывного образования через всю жизнь и поставили в центр новой образовательной парадигмы личность с ее возможностями и интересами. Человек рассматривается как самоцель общественного развития, что приводит к ориентации образования прежде всего на саморазвитие личности.

XXI век – это новая эпоха в истории человечества, которая определяется как постклассическая, постиндустриальная, информационная, глобализационная по своей сути [2]. В зависимости от цивилизационной ступени развития, принятой обществом системы ценностей, меняется цель образования. Основная цель, поставленная школой в условиях перехода к информационному обществу, состоит в достижении нового качества образования – качества, которое заключается в получении выпускником учебного заведения системы универсальных знаний и умений или ключевых компетентностей, позволяющих реализовать себя. Формирование знаний в современных условиях не является главной целью образования. Знания как единицы образовательного процесса необходимы, но недостаточны для того, чтобы быть успешным в информационном обществе. Для человека важна не столько энциклопедическая грамотность, сколько способность применять обобщенные знания и умения в конкретных ситуациях, возникающих в реальной действительности. Таким образом, целью образования в изменяющемся обществе становится создание условий для самореализации личности. Определение самореализации личности подразумевает качественную характеристику взаимосвязанных индивидуальных личностных свойств со способами деятельности, которые обусловили бы успех в современном мире. Качественная характеристика отражает то исходное состояние возможностей и потребностей личности в самореализации, которая определяет цель деятельности педагога по наполнению обучения социально-ценностным содержанием и новыми способами взаимодействия. Осознание самого человека как уникальной и неповторимой индивидуальности, готовой взять на себя ответственность за направляемое им самим развитие общества, приобретает особое значение и делает его сопричастным к социальному развитию общества [3]. Отсюда следует, что ценностно-целевая ориентация образования заключается в содействии становлению интегральных личностных характеристик, которые и выступают как непосредственные показатели общего развития человека.

Реализация данной цели сопряжена, во-первых, с диагностикой и учетом индивидуальных особенностей учащихся, во-вторых, с созданием условий для развития этих особенностей и, в-третьих, с адаптацией всех школьников, независимо от их возможностей, в социуме на равных условиях.

Цель статьи – раскрыть сущность педагогики многообразия и унифицировать понятия «педагогика многообразия» и «инклюзивное образование».

Результаты исследования и их обсуждение

Проблема изучения и учета индивидуальных особенностей учащихся не является новой, о чем свидетельствуют труды мыслителей и педагогов прошлого и настоящего. Так, у Платона есть мысль о том, что преподавание наук детям должно вестись посредством игры, чтобы иметь возможность понять, кто к чему склонен: «... питай своих детей науками не насильно, а играючи, чтобы ты лучше мог наблюдать природные наклонности каждого» [4, 349]. Аристотель утверждал, что «все способности и искусства требуют для применения их к соответствующей работе предварительного воспитания и предварительного приучивания» [5, 628]. Он отмечал, что не вполне ясно, на что именно при воспитании нужно обращать преимущественное внимание: на «развитие ли умственных способностей или нравственных качеств» [5, 629]. При этом он полагал, что «детей следует обучать общепользным предметам не только ради пользы – таково, например, обучение грамоте, но и потому, что благодаря этому обучению возможно бывает сообщить им ряд других сведений» [5, 631–632]. М. Ф. Квинтилиан высказывал мысль о необходимости осуществления образовательного процесса с учетом индивидуальных особенностей учащихся. В своем сочинении «О воспитании оратора» Квинтилиан развивал мысль о разных способностях, одаренности, талантливости учеников и подчеркивал, что справедливо вменяется в достоинства учителю, когда он старается замечать в своих слушателях различие умов и характеров, узнавать то, к чему они способнее от природы [6].

В последующие периоды развития проблемы на необходимость учета индивидуальных особенностей учащихся в процессе обучения указывали Я. А. Коменский, И. Г. Песталоцци, А. Ф. Дистервег, Ж.-Ж. Руссо, Д. Локк, Д. Дьюи и многие другие. Так, Я. А. Коменский писал, что тот наставник добьется успеха, кто будет преподавать сообразно степени восприимчивости. Более трех столетий назад гениальный педагог выделял различия в развитии учащихся и предлагал работать с ними в зависимости от их способностей. «У одних, – пишет Я. А. Коменский, – способности острые, у других – тупые, у одних – гибкие и податливые, у других – твердые и упрямые, одни стремятся к знаниям ради знания, другие увлекаются механической работой» [7, 309]. И. Г. Песталоцци говорил о важности умения учителя различать подготовленность каждого ученика и в соответствии с этим применять к нему приемы обучения [8]. А. Ф. Дистервег обращал внимание на различия умственного развития учащихся. «Одному ребенку легче дается отвлеченное мышление, другому доступнее чувственное познание, третий схватывает истину благодаря картине или рассказу, бывают умы теоретические и практические», – писал А. Ф. Дистервег [9, 174].

В XX веке проблема учета индивидуальных особенностей учащихся связана с разработкой основ дифференциации обучения и осуществлялась в нескольких направлениях: 1) определение критериев дифференциации школьников; 2) нахождение путей обучения учеников, имеющих различный уровень подготовки; 3) создание организационно-педагогических предпосылок разноуровневого обучения.

Анализ научно-педагогической литературы данного периода показывает, что основаниями для разноуровневого обучения исследователи считают индивидуальные особенности учащихся, но единого мнения, какие именно свойства обучающихся должны быть положены в основу дифференцированного обучения, нет. Так, Т. А. Калашникова полагает, что учащихся можно дифференцировать по степени выраженности силы нервной системы и скорости протекания мыслительных процессов [10]. И. М. Чередов предлагает учитывать обучаемость и учебную работоспособность школьников [11]. А. А. Кирсанов полагает, что реализация дифференцированного обучения должна осуществляться на основе черт характера, уровня подготовки школьников и своеобразия их интересов [12]. И. Э. Унт к особенностям учащихся, которые следует учитывать при дифференциации учебной работы, относит: 1) обучаемость (умственные способности); 2) учебные умения; 3) обученность; 4) познавательные интересы [13, 31].

Различие мнений относительно свойств, которые должны быть положены в основу дифференциации обучения, свидетельствует о сложности этой проблемы. Каждое из выделенных свойств оказывает большое влияние на качество обучения. Однако учесть их все в реальном учебном процессе, протекающем в разнородных по своему составу классах, затруднительно. Поэтому в школы стали внедрять организационно-педагогические формы обучения, обеспечивающие объединение детей в группы (классы) однородного состава. В течение многих лет это были факультативы, классы с углубленным теоретическим и практическим изучением предметов. В настоящее время данный вопрос решается через профилизацию третьей ступени школы. При этом следует заметить, что проблемы дифференциации обучения, активно разрабатываемые в разные периоды XX столетия, не затрагивали обучение детей с различными видами девиации в условиях общеобразовательной школы.

В XXI веке, в связи с процессами глобализации, осознанием неоднородности мира и его системного развития появилась новая, поликультурная, образовательная среда и встала проблема разработки принципов, методов ее организации и функционирования.

Поликультурная образовательная среда предполагает совокупность элементов, охватывающих жизненно значимые влияния на школьников разных возможностей, потребностей, этнических, религиозных, культурных интересов в процессе обучения.

Поликультурная образовательная среда характеризуется многообразием, ее личностно-смысловой значимостью для обучающихся. Поэтому в рамках традиционной педагогики, исследующей общие закономерности, принципы, методы, формы работы с учащимися, их влияние на формирование личности, рассмотрение механизмов организации, функционирования и управления поликультурной средой затруднено. Целесообразно выделить такую область педагогического знания, как педагогика многообразия.

Педагогика многообразия – это область педагогического знания, направленного на формирование личности в условиях поликультурной образовательной среды с учетом многообразия современного мира. Предметом исследования педагогики многообразия будет поликультурная образовательная среда и подходы к развитию и реализации личности в условиях современного неоднородного общества.

В качестве методологических основ педагогики многообразия можно выделить следующие идеи:

- идеология образования предполагает формирование гражданина планеты Земля, способного обеспечивать устойчивое общественное развитие человечества и своей страны;
- построение образовательного процесса в соответствии с возрастными, половыми, этническими и другими специфическими индивидуальными особенностями учащихся;
- учащийся становится субъектом своего собственного развития, рассматривается как самоценная личность;
- обучение осуществляется через потребности, возможности, интересы и опыт школьников;
- усвоение знаний, умений, навыков из цели образования превращается в средство развития способностей и важных личностно и социально значимых качеств;
- создание определенной, личностно-значимой культурной среды в учреждении образования и на занятии;
- критерий ценности учителя не в том, что он больше знает, а в том, что умеет организовать процесс саморазвития учащегося и самого себя.

Центральной проблемой педагогики многообразия является проблема определения критериев выделения групп учащихся, разработка содержания принципов, методов, форм работы с ними и подходов, средств их адаптации в современном социуме.

К критериям многообразия школьников в условиях развития современного общества можно отнести:

- виды и уровни одаренности детей;
- виды девиации детей из неблагополучных семей;
- виды физических отклонений детей;
- виды поликультурных различий детей.

В качестве основного средства организации обучения учащихся разных групп можно рассматривать инклюзивное образование.

Инклюзивное образование (франц. «inklusif» – включающий в себя; лат. «include» – заключаю, включаю, вовлекаю) – один из процессов трансформации общего образования,

основанный на понимании, что индивиды в современном обществе могут и должны быть вовлечены в социум. Инклюзивное образование обеспечивает равный доступ к образованию всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей [14]. Данный вид образования открывает доступ к обучению детей с ограниченными возможностями здоровья не только в специализированных учреждениях, но и в обычном учебном заведении. Это позволяет избежать изолированности учащихся, имеющих какие-либо девиации, от реального общества, показать многообразие окружающей действительности, сформировать эмпатическое понимание ближнего во взаимодействии друг с другом и с миром.

Анализ материалов Международных научно-практических конференций (Россия, Беларусь) [15], [16], участие в Международных семинарах-мастерских (Германия, Австрия) позволяют сделать вывод, что инклюзивное образование воспринимается следующим образом:

- инклюзия является процессом увеличения степени участия каждого отдельного учащегося в академической и социальной жизни школы, а также процесс снижения степени изоляции учащихся во всех процессах, протекающих внутри школы;

- инклюзия призывает к реструктуризации культуры школы, ее правил и внутренних норм и практик, чтобы полностью принять все многообразие учеников, с их личными особенностями и потребностями;

- инклюзия непосредственно касается всех учеников школы, а не только особенно уязвимых категорий, таких, как дети с ограниченными возможностями;

- инклюзия ориентирована на совершенствование школы не только для учеников, но и для учителей и ее работников.

Исходя из этого, многообразие и непохожесть детей друг на друга представляется не проблемой, требующей решения, а важнейшим ресурсом, который можно использовать в образовательном процессе.

Расширяя состав учащихся, инклюзия подразумевает наличие тесных, близких, основанных на дружбе отношений между школьниками, школами и обществом, в котором эти школы существуют и действуют.

Таким образом, понятие «инклюзия» можно представить более многогранно как процесс развития предельно доступного образования для каждого в доступных школах и образовательных учреждениях, формирование процесса обучения с постановкой адекватных целей для всех учеников, а также как процесс ликвидации различных барьеров для наибольшей поддержки каждого учащегося и максимального раскрытия его потенциала.

Использование инклюзивного образования как средства реализации целей педагогики многообразия предполагает изменение структуры и содержания работы современной школы.

Тони Бут и Мэл Эйнскоу в практическом пособии «Показатели инклюзии» при создании инклюзивной среды в школе предлагают:

- создать инклюзивную культуру;
- построить школьные сообщества;
- принять инклюзивные ценности.

Создание инклюзивной культуры в школе, по их мнению, способствует формированию безопасного, терпимого сообщества, разделяющего идеи сотрудничества, стимулирующего развитие всех учащихся. Такая школьная культура создает общие инклюзивные ценности, которые разделяются и принимаются всеми новыми сотрудниками, учениками, администраторами и родителями/опекунами. В инклюзивной культуре эти ценности влияют как на решения в процессе реализации школьной политики, так и на ежесекундную практику обучения в каждом классе.

Развитие школы становится при этом постоянным и непрерывным процессом.

Разработка инклюзивной политики предполагает:

- развитие школы для всех;
- поддержку разнообразия.

Для ее реализации необходимо присутствие инклюзивных подходов во всех школьных планах. Инклюзивная политика предполагает учет индивидуальных способностей, возможностей каждого школьника, уважительное отношение к потребностям и интересам своих учеников, поддержку и сопровождение всех учащихся в процессе освоения знаний и деятельности по их реализации.

Развитие инклюзивной практики включает:

- управление процессом обучения;
- мобилизацию ресурсов.

Інклюзивна практика обучения реализует идеи общей инклюзивной культуры и политики школы. При внедрении такой практики на уроках обязательно учитывается разнообразие потребностей учащихся, они поощряются к активному участию в собственном образовании, основанном на опыте и знаниях, полученных вне школы. Сотрудники школы проявляют активную заинтересованность в поиске ресурсов образования. Поиск ресурсов, которые могут быть задействованы для поддержки обучения и полноценного участия каждого ребенка в школьной жизни, ведется среди всех сотрудников школы, родителей/опекунов и местных сообществ.

Все эти три аспекта очень важны для развития инклюзии в школе. В любом плане реформ и изменений, проводимых в школе, необходимо уделять внимание всем трем направлениям.

Тем не менее, аспект «создание инклюзивной культуры» является наиболее важным.

Развитие общих инклюзивных ценностей и отношений сотрудничества может привести к изменениям и в других ее составляющих. Именно инклюзивная культура, которая формируется в школе, изменяет политику и практику образования и обучения.

В каждом аспекте формулируются два направления, чтобы можно было сильнее сфокусировать внимание на том, что необходимо сделать для повышения уровня образования и полноценного участия в школьной жизни. Все вместе они определяют методiku оценки, направленной на структурирование работы по созданию плана инклюзивного развития школы.

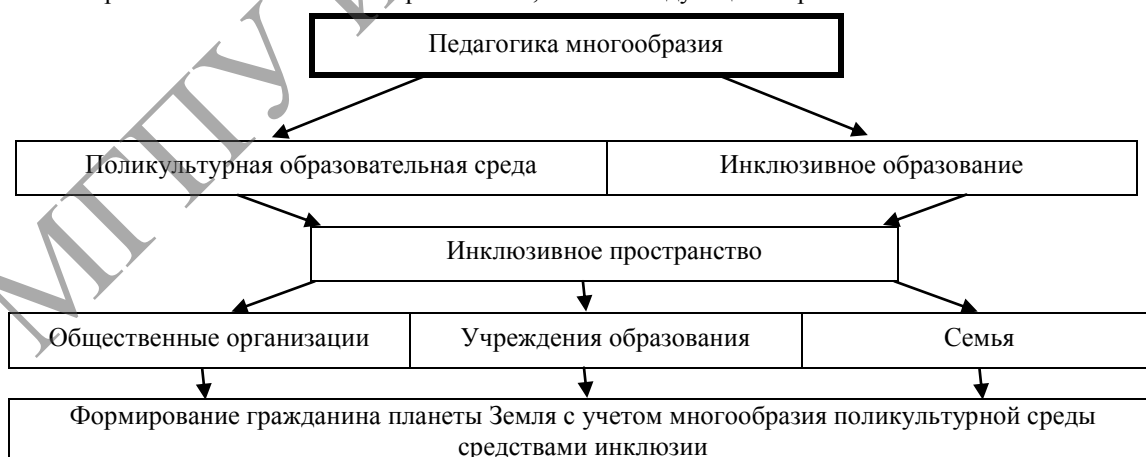
Необходимо иметь четкое представление о том, что развитие школы в направлении инклюзии обязательно должно происходить во всех этих областях [17].

Для эффективного функционирования школ, осуществляющих инклюзивное образование, необходимо создание и развитие соответствующего инклюзивного пространства с учетом специфики поликультурной среды обучающихся.

К характеристикам этого пространства мы относим:

- 1) целостность (наличие соответствующей структуры и условий для обучения и развития поликультурной среды учащихся);
- 2) системность (создание макросистемы, связанной с взаимодействием учреждений образования, общественных организаций, занимающихся проблемами инклюзивного образования, и микросистемы, позволяющей осуществлять обучение школьников в условиях их многообразия);
- 3) аутентичность (соответствие жизненным проявлениям учащихся);
- 4) индивидуализацию (построение работы с учащимися с учетом их индивидуальных особенностей);
- 5) управляемость (возможность функциональных изменений в зависимости от конкретных ситуаций образовательного процесса);
- 6) социальную направленность (нацеленность на применение полученных знаний, умений в конкретной общественной деятельности).

Структурировать инклюзивное пространство, унифицируя понятия «педагогика многообразия» и «инклюзивное образование», можно следующим образом:

Выводы

В условиях современной социокультурной ситуации организация образовательного пространства невозможна без учета многообразия обучающихся. В рамках педагогики многообразия разрабатываются критерии определения типологических групп учащихся, содержания, методов, форм работы с ними и подходов, средств их адаптации в современном социуме.

Основным средством организации обучения учащихся разных групп можно рассматривать инклюзивное образование, которое позволит обеспечить учебные интересы школьников в условиях поликультурной образовательной среды.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Образование для всех: выполнение наших коллективных обязательств / Декларация Всемирного Форума ЮНЕСКО по образованию в Дакаре. 26 – 28 апреля 2000 года. – Дакар, 2000.
2. Баева, Л. В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории / Л. В. Баева. – Астрахань : Изд-во АГУ, 2004. – 266 с.
3. Акулова, О. В. Компетентность как результат личностного развития школьников в процессе обучения в информационном обществе / О. В. Акулова // Личностное развитие учащихся в современном образовании и обществе / под ред. Д. Г. Димитрова, С. Писаревой. – Благоевград – С-Пб, 2008. – 286 с. – С. 166–171.
4. Платон. Государство / Платон // Соч. : в 3-х т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3. Ч. 1. – С. 89–454.
5. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / под общ. ред. А. И. Доватура, А. Ф. Лосева. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
6. Квинтилиан, М. Ф. О воспитании оратора / М. Ф. Квинтилиан // Хрестоматия по истории зарубежной литературы / сост. А. И. Пискунов. – М. : Арена, 1981. – С. 39–45.
7. Коменский, Я. А. Великая дидактика / Я. А. Коменский // Избр. пед. соч. : в 2 т. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 1. – С. 242–476.
8. Песталоцци, И. Г. Лебединая песня / И. Г. Песталоцци // Избр. пед. соч. : в 2 т. / под ред. В. А. Ротенберг, В. М. Кларина. – М. : Мысль, 1981. – Т. 2. – С. 208–399.
9. Дистервег, А. Ф. Руководство к образованию немецких учителей / А. Ф. Дистервег // Избранные педагогические сочинения. – М. : Учпедгиз, 1956. – 374 с.
10. Калашникова, Т. А. Дидактические основания дифференцированного обучения школьников младшего подросткового возраста / Т. А. Калашникова. – М. : Педагогика, 1994. – 112 с.
11. Чередов, И. М. Формы учебной работы в средней школе / И. М. Чередов. – М. : Просвещение, 1988. – 160 с.
12. Кирсанов, А. А. Индивидуальный подход к учащимся в обучении / А. А. Кирсанов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1966. – 96 с.
13. Унт, И.Э. Индивидуализация и дифференциация обучения / И. Э. Унт. – М. : Педагогика, 1990. – 192 с.
14. Закон «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (BASE.GARANT/70291362).
15. Тенденции и перспективы развития образовательного пространства России: Сборник научных статей по результатам научно-практической конференции / под общ. ред. Н. А. Воробьевой [и др.]. – М. : АПК и ППРО, 2013. – 290 с.
16. Социально-педагогическая и медико-психологическая поддержка развития личности в онтогенезе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Брест, 19–20 апреля 2012 г. / БрГУ им. А. С. Пушкина ; редкол.: Н. А. Леонюк [и др.]. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2012.
17. Бут, Т. Показатели инклюзии. (Практическое пособие) / Т. Бут. М. Эйнскоу; под ред. М. Вогана; пер. с англ.: И. Анисеев; науч. ред.: Н. Борисова; общ. ред.: М. Перфильева. – М. : РООИ Перспектива, 2007.

Поступила в редакцию 22.01.16

E-mail: e-mail: 8391988@mail.ru

M. V. Yemelyanova

**TERMINOLOGICAL UNIFICATION OF THE CONCEPTS "VARIETY PEDAGOGICS"
AND "INCLUSIVE EDUCATION"**

Expediency of allocation of subject domain of pedagogical knowledge as variety pedagogics is proved in article, her essence, an object of research is defined, the concepts "variety pedagogics" and "inclusive education" are unified, criteria of variety of pupils in the conditions of development of modern society reveal.

Keywords: variety pedagogics, inclusive education, inclusive space, inclusive culture, inclusive policy, inclusive practice, polycultural educational environment.

УДК 37.013.43

Н. В. Ершова

Аспирант кафедры педагогики,

УО «Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова», г. Могилев, Беларусь
Научный руководитель: Ирина Анатольевна Комарова, кандидат педагогических наук, доцент**ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ГЕТЕРОГЕННОГО ОБЩЕСТВА**

В статье рассматриваются сущностные вопросы гетерогенного и поликультурного общества, раскрывается понятие поликультурности. Особое внимание уделяется анализу исторических и социально-политических предпосылок возникновения и развития парадигмы поликультурного образования, системе факторов и процессов, влияющих на развития поликультурной личности.

Ключевые слова: гетерогенное и поликультурное общество, мультикультурализм, поликультурное образование, поликультура, социализация (инкультурация), поликультурная среда, социальные ценности, поликультурная личность.

Введение

Взаимоотношения людей определяют развитие цивилизаций и культур. В истории человечества всегда были и остаются периоды социального напряжения. Причинами конфликтов могут являться межэтнические и межрелигиозные разногласия, столкновение мировоззренческих позиций, социально-политических векторов, противоречие общественной пользы и свободы личности, социальная стигматизация и т. д.

Миграционные процессы, социальные и национальные конфликты актуализируют поликультурное развитие личности в условиях гетерогенного общества. Включение принципа поликультурности в образовательное пространство стран мира отражает духовно-нравственный запрос глобального общества.

Поликультурное образование подрастающего поколения направлено на решение проблем формирования человеческого достоинства как ценности, высоких нравственных качеств личности, умения сосуществовать и взаимодействовать с различными социальными группами, представителями иных рас, религий, этносов, толерантного отношения к окружающим людям как носителям культурных особенностей, готовности к взаимному межличностному и межкультурному диалогу и сотрудничеству.

Результаты исследования и их обсуждение

В современном мире до сих пор существуют закрытые сообщества людей, не желающие принимать инаковость: этническую (Япония), религиозную и культурную (население многих арабских стран), политическую (монопартийная система в Северной Корее) и др. Западные сообщества в большинстве своем гетерогенны и открыты по своей сути. Понятие «гетерогенный» в толковых словарях Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой означает разнородность по существу или происхождению.

Следует отметить, что Беларусь имеет специфический опыт мирного совместного проживания на одной территории многих народов с разными культурными маркерами на протяжении нескольких столетий. Белорусское общество представляет собой конгломерат этнокультурных и социальных групп. Согласно официальным данным, на территории Республики Беларусь проживают около 140 национальностей, в числе которых 83,4% белорусов, 8,2% русских, 3,1% поляков, 1,7% украинцев, 0,13% евреев, 3,5% других национальностей, включающих армян, татар, цыган, азербайджанцев, литовцев, молдаван, туркмен, немцев, грузин, китайцев, узбеков, латышей, казахов, арабов, чувашей [1]. Инвалиды, мигранты, беженцы, возрастные, профессиональные, религиозные и неформальные субкультуры также добавляют красок в культурную палитру Беларуси. Следовательно, белорусское общество является в национальном и культурно-социальном плане гетерогенным, то есть состоящим из множества сообществ, несущих в себе определенный набор культурных паттернов.

Однако гетерогенное общество содержит в себе потенциальную опасность возникновения неприятия, конфликтов и конфронтации между его членами. Решение проблемы примирения и

развития толерантности в обществе, а также интеграции всех этнокультурных и социальных групп в единое гражданское общество возможно с помощью поликультурного образования подрастающего поколения, а также повышения поликультурной грамотности среди взрослых. Таким образом, изучение иных культур и инкорпорирование их представителей в жизнь социума становится важной образовательной задачей гетерогенного общества.

Когда в социуме в равной степени соблюдаются права каждой личности и сообществ, можно говорить о существовании мультикультурного, или поликультурного, общества. Примечательно, что западными учеными преимущественно используется приставка «мульти», а учеными стран СНГ – «поли» или «много». Мы проанализировали семантику приставок «поли», «мульти» и «много», указывающих на разнообразный и многочисленный состав явления, и пришли к выводу об их синонимичности.

Следует отметить, что Е.В. Хлышева дает определение поликультурному обществу как «сложному веками, прошедшему проверку временем и с исторической этнической мозаикой социальной среды» [2, 60]. Британский теоретик индийского происхождения Бхикху Парех утверждает, что мультикультурное общество должно включать в себя две или более хорошо организованные культурные общины, которые обладают самобытным пониманием блага, имеют свою особенную историю, социальные образцы, потребности и традиции. Философ подчеркивает, что взаимодействие культур – главное условие гуманистического прогресса. Локальная культура обычно внутренне ограничена, поэтому ее развитие возможно только в диалоге с другими культурами ради обретения большей полноты человеческого опыта. Культурная же самоизоляция и замкнутость приводят к вырождению или вражде. Кроме этого, локальные культуры не монолитны: внутри них сосуществуют культурные традиции, подчас имеющие сильные социокультурные различия между собой. Дробление локальных культур приводит в конечном итоге к индивиду, который одновременно идентифицирует себя с несколькими социальными и культурными группами: этнической, религиозной, гражданской, политической, профессиональной субкультурой [3].

Из вышесказанного следует вывод о том, что в открытых демократических обществах человек имеет много идентичностей, то есть является мультиидентичным [4, 13–16]. Под действием культурной и информационной интеграции и унификации в поликультурном обществе идут два разнонаправленных процесса: с одной стороны, стирание этнических различий, с другой – дробление и дифференциация культур в связи с развитием идеи о ценности каждого культурного феномена. Зачастую приматом этнокультурной идентичности становится язык. Однако данный культурный маркер не всегда определяет национальное самосознание. Например, большинство граждан Республики Беларусь идентифицируют себя с белорусской нацией, но в основном используют в речи русский язык.

Из вышесказанного следует, что каждый человек как активный деятель является субъектом, носителем и агентом окружающей культурной среды, пропущенной через призму личностных особенностей и социального опыта, приобретенных в процессе социализации и инкультурации. Не случайно люди, принадлежащие к единой этнокультурной или любой другой общности, имеют различные позиции и взгляды на социальную действительность.

Важным аспектом нашего исследования явилось изучение исторических и социально-политических предпосылок возникновения парадигмы поликультурного образования и установление системы факторов и процессов, влияющих на развитие поликультурной личности. Основанием появления поликультурного образования служит концепция мультикультурализма, получившая развитие в Австралии, в странах Америки (Канада, США) и Западной Европы (Германия, Франция, Швеция, Англия и др.) в 60–70-х годах прошлого века. Примечательно, что мультикультурализм послужил альтернативой политики ассимиляции в «государствах одной нации» Запада в решении проблемы включения иммигрантов в систему гражданских отношений [5, 126]. Большой вклад в теоретическую разработку данной доктрины внесли философы, историки, этнографы и социологи Ч. Тэйлор, А. Этциони, Дж. Ролз, У. Кимлика, Б. Парех, М. Уолцер, С. Жижек, Ю. Хабермас, Т.П. Волкова, М.А. Гусаковский, Н.С. Кирабаев, В.Н. Осташкин, С.И. Некрасов, Е.В. Хлышева, И.В. Следзевский и др.

На протяжении столетий Запад был центром мировой экспансии, представляя экстенсивный путь развития общества. Однако именно европейская цивилизация постепенно пришла к пониманию ценности личности, независимости прав и индивидуальных свобод человека, толерантного отношения к различным социальным группам и борьбе с дискриминацией. Идеологией, совместившей в себе все эти положения, стал либерализм (Дж. Ролз, У. Кимлика), который противоречил другому течению – коммунитаризму (Ч. Тэйлор, А. Этциони). Различие между двумя философскими течениями состоит в том, какая категория ими ставится во главу

угла – личность или социум, а также в предмете дискуссии – соотношение прав и обязанностей личности в социуме [6]. Попытка объединить, примирить или выработать на основе этих двух систем нечто новое и привела к созданию теории мультикультурализма, послужившей базисом для разработки доктрины поликультурного образования, которая включает следующие положения:

- признание и принятие культурного разнообразия и равноценности каждого культурного феномена (концепция культурного релятивизма У.Г. Самнера (Sumner G. William), Ф. Боаса (Franz Boas), М.Дж. Херсковица (Melville J. Herskovits));

- призыв людей к мирной жизни и отказу от насилия, уважению личностных и мировоззренческих особенностей, принятию выбора культурной идентичности другими индивидуумами (концепция культуры мира и ненасилия принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН с 2001 года);

- устранение дискриминационных факторов в отношении людей по какому-либо признаку: расы, национальности, вероисповедания, пола, политических взглядов и социального положения (концепция естественных прав человека заложена во Всеобщей декларации прав человека, принята в 1948 г. Организацией Объединенных Наций);

- признание уникальности и автономии различных культур, а также их свободное существование и развитие в составе единой нации (концепция культурного плюрализма Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, Х. Каллена (Hogace M. Kallen), В. Хейворд (Victoria Hayward));

- потребность людей в понимании инаковости и межкультурном диалоге (концепция экзистенциальной коммуникации К. Ясперса (Karl T. Jaspers), теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса (Jürgen Habermas));

- конструктивное и терпимое сосуществование представителей разных культур в едином социальном пространстве посредством обеспечения ряда условий на государственном, социальном и личностном уровнях (концепция толерантности изложена в Декларации принципов терпимости, утвержденной резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1995 году).

В результате философского анализа мы определили *мультикультурализм* как идеологию, отражающую модель поликультурного общества, основанного на признании прав, интересов и ценностей различных социокультурных сообществ и отдельных индивидов, а также стимулировании потребности в компромиссном межкультурном диалоге. На практике понятие мультикультурализма связано с развитием гражданского общества и правового государства в условиях многонациональной и поликультурной среды. Объединяющим фактором дискретных сообществ в поликультурном обществе служит осознание принадлежности к общей гражданской культуре. Это достигается через преодоление социальной стратификации во избежание антагонизма, признание индивидуальных прав и свобод каждого человека, а также равноправие членов общества в экономической, политической социальной и духовной жизни страны [5, 124].

Развитие поликультурного общества, отвечающего нормам международного и гражданского права, мы представили схематично в системе корреляции факторов и процессов, влияющих на формирование поликультурной личности:

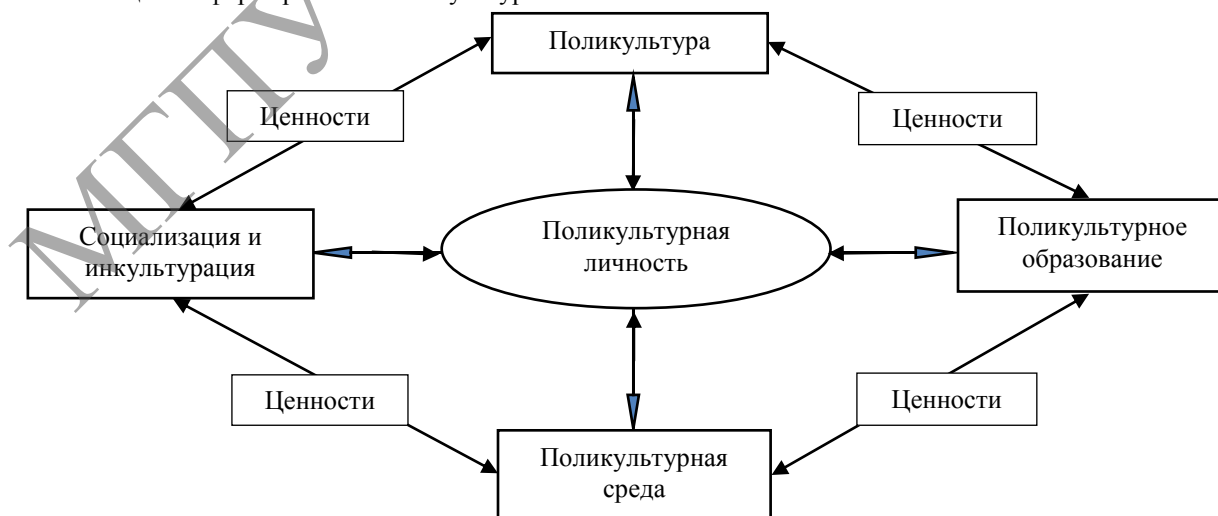

Рисунок – Схема корреляции компонентов, влияющих на развитие поликультурной личности

Понятия «поликультура», «поликультурное образование», «социализация» («инкультурация»), «поликультурная среда» взаимосвязаны между собой и взаимообусловлены социально-нравственными ценностями, влияющими на развитие поликультурной личности. Стрелки в представленной схеме обозначают обратные связи, взаимовлияние и зависимость каждого компонента от существования и уровня развития другого.

В центре системы находится цель и результат процесса поликультурного образования в гетерогенном обществе – *поликультурная личность*. В основе данной категории лежит понятие «поликультурность», которое употребляется исследователями для обозначения явления общественного развития или социокультурного процесса (Ежи Никиторович, М.Г. Синякова), как педагогический принцип (А.Н. Джуринский, Г.Д. Дмитриев), а также в значении качества личности (С.І. Bennet, Е.В. Чёрный). Вопросы поликультурности включают не только фактор признания равноценности и равноправия разных этнокультур, но и всякой инаковости, которая может проявляться в расовых, религиозных, возрастных, гендерных, языковых, психофизических, статусных, профессиональных и других особенностях.

Анализ научных исследований показал, что понятие поликультурность включает в себя широкий спектр решения этнических, социальных и личностных проблем. Формирование предпосылок (основ) поликультурной личности следует начинать с дошкольного возраста, так как этот период является сензитивным в плане познавательной активности, развития любознательности и умения подчинять свои действия конкретной задаче, овладения формами общения и поведения, принятыми в обществе [7, 222–224].

В связи с глобальными процессами культурной интеграции и унификации, а также информатизации во многих странах (Канада, Австралия, США, Англия, Германия, Швейцария и т.д.) уже произошло включение принципа поликультурности в образовательное пространство. Вместе с тем, в Республике Беларусь данный принцип не упоминается ни в нормативно-правовых документах, ни в программах, регламентирующих образовательную деятельность. Ввиду этого мы считаем целесообразным переосмысление педагогических принципов и подходов белорусского образования. Фактор вступления Республики Беларусь в Болонский процесс предполагает создание не только единого образовательного пространства между странами, но и профессиональный взаимообмен, предусматривающий межнациональное и культурное взаимодействие.

Примечателен тот факт, что концепция поликультурного образования начала развиваться с 1930-х годов в США в рамках полиэтнического и кросскультурного образования, согласуясь с идеологией ассимиляции. И только в 1974 г. на собрании Американской ассоциации преподавателей педагогических колледжей впервые был озвучен термин «поликультурное образование», которое трактовалось как образование, основанное на культурном плюрализме, способствующее не только осознанию, пониманию, принятию и поддержке межкультурных различий, но и признанию прав различных культур на существование [8, 9–13].

С 90-х гг. XX века концепция поликультурного образования стала исследоваться педагогами и психологами Российской Федерации (А.Н. Джуринский, Т.А. Гелло, Ю.А. Карягина, Л.В. Колобова, С.В. Рыкова, И.Л. Краснов, С.В. Гридин, Н.Н. Выгодчикова, М.Н. Сираева, Л.А. Жданова, Н.Н. Ушнурцева, Ф.Н. Зиятдинова, Н.В. Кагуй, Г.В. Миронова, О.В. Гукаленко, Л.Л. Супрунова, Ю.С. Свиридченко), Армении (М.А. Абрамян), Киргизии (К.Г. Адылбек), Украины (А.К. Солodka, В.В. Бойченко, Е.В. Черный). В основном их научные работы посвящены вопросам организации поликультурного образования в школе и в сфере среднего и высшего профессионального образования. Исследования Н.В. Кагуй и Е.В. Черного отразили актуальность поликультурного образования детей, начиная с дошкольного возраста. Следует отметить, что в Республике Беларусь проблема поликультурности в учреждениях дошкольного образования мало исследована. В основном представлена разработками, посвященными поликультурному воспитанию дошкольников средствами игровой деятельности (И.А. Комарова), средствами народной игрушки (Д.Н. Дубинина), в процессе организации двуязычного образования в Беларуси (Т.В. Палиева).

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем *поликультурное образование* рассматривать как триединый процесс и результат обучения, воспитания и развития личности, направленный на формирование основ поликультурной личности, подготовленной к жизни в культурно и социально гетерогенном обществе. Критерии поликультурной образованности личности определяются нами как умения и навыки межличностной и межкультурной коммуникации; предпосылки

этнокультурной идентичности; представления о культурном и национальном многообразии в родной стране и мире; толерантное отношение к культурным, расовым, национальным, социальным, половым и мировоззренческим различиям людей.

Поликультурное развитие личности возможно лишь в открытом обществе, лишенном стереотипного отношения и поведения к представителям различных культур. Данное общество создает поликультуру, основанную на поликультурных знаниях, нормах и ценностях. То есть в едином обществе господствует не доминирующая культура титульной нации, а идея культурного плюрализма. Такие межкультурные отношения исключают статусы «избранности» и «вторичности» культурных ценностей и предполагают равенство их существования и взаимоуважение. В данном случае объединяющим фактором будет служить принадлежность к гражданскому обществу и правовому государству. Анализ научных работ П. Гилроя (Paul Gilroy), Н. Меера (Nasar Meer), Т. Модута (Tariq Modood), Я. Питерса (Jan N. Pieterse), в которых встречается термин «мультикультура», а также подходов к определению сущности культуры привел нас к пониманию *поликультуры* как феномена и совокупности созданных и создаваемых духовных и материальных ценностей людьми, обладающими разнообразными культурными паттернами, относящимися к различным сообществам, но живущим в едином гражданском обществе.

Осознание человеком себя частью общества и творцом поликультуры происходит посредством социализации (инкультурации). Процесс социализации Л.С. Выготский рассматривал как «врастание в человеческую культуру» [9, 389]. Социологи и педагоги (Ю.Н. Давыдов, Д.И. Фельдштейн, Л.И. Смагина) указывают, что в процессе социализации внешние нравственные приоритеты переходят во внутреннюю структуру личности, когда становятся ценностью. И.С. Кон рассматривал процесс формирования личности как интериоризацию общественных ценностей и превращение их в систему личных ценностей, на которые индивид ориентируется в своей жизнедеятельности [10, 102]. Поскольку социальные ценности тесно переплетены с культурой общества, понятия социализации и инкультурации можно использовать как синонимы. Основа социализации – информационное взаимодействие, коммуникация, субъект-объектные и субъект-субъектные отношения. Социализируясь, человек овладевает навыками сотрудничества и эффективного взаимодействия с окружающими людьми.

Идентификация человеком себя с определенным сообществом является неотъемлемой частью процесса социализации. Но эта идентификация будет конструктивна для общества лишь в том случае, если индивиды не будут делить мир на «свой» и «чуждый». Такое отношение способно породить конфронтацию и вражду. «Нет ничего абсолютно чужого, чего нельзя было бы сделать «своим» и по отношению к чему нельзя было бы преодолеть догматику тотальной враждебности» [11, 63]. Следовательно, *социализация (инкультурация)* – это взаимосвязанный процесс интеграции, то есть вхождения человека в поликультуру общества посредством познания и усвоения информации о нормах поведения, социальных правилах, установках, приобщения к культурным паттернам и ценностям, и индивидуализации (становления человеческой личности), в основе которой лежит интериоризация, а именно перевод внешних социальных регуляторов во внутренний план личности [12, 6].

Ценности и потребности являются важнейшими компонентами структуры личности. К *ценностям поликультурного общества* относятся: личность, толерантность, гражданские права, культурный плюрализм, свобода и равенство членов общества, межкультурный диалог и коммуникация. Эти ценности призваны развивать поликультурное сознание у членов общества, минимизировать межличностные конфликты и установить культуру мира среди людей. Поликультурные ценности служат вектором развития общества в целом и обуславливают характер *поликультурной среды*, влияющей на формирование личности как субъекта поликультуры. П.Ф. Лесгафт утверждал, что качества ребёнка являются продуктом наследия среды, которая его окружает [13]. В свою очередь, Л.С. Выготский определил, что для каждого возрастного периода складывается определенная социальная ситуация развития, которая представляет собой своеобразные отношения между личностью и окружающей ее действительностью (средой) [9]. Следовательно, поликультурная среда определяет социализацию (инкультурацию) личности, закладывает предпосылки возникновения и развития поликультурного образовательного пространства.

Выводы

Таким образом, поликультурное образование способствует качественно новому и прогрессивному развитию поликультурного общества, созиданию поликультурной среды, а, следовательно, благоприятной социализации и инкультурации личности, готовой к жизни в динамичных, постоянно трансформирующихся условиях глобализации и информатизации. Поликультурное образование направлено на процессы межличностного взаимодействия, где каждый субъект несет в себе определенный набор символов своей культуры. Умение видеть в собеседнике, прежде всего, личность, а не представителя иной этнокультурной среды – важная задача поликультурного образования. Индивидуальные различия между людьми уже служат предлогом для выработки общего правила сожительства и добрососедских отношений в социальном пространстве: каждый человек свободен, каких взглядов, убеждений и обычаев ему придерживаться, предоставляя такую же свободу другим людям и не осуждая их выбор.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Республиканский центр национальных культур [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://allby.tv/article/4569/respublikanskiy-tsentr-natsionalnyih-kultur>. – Дата доступа : 11.09.2015.
2. Хлыщева, Е. В. Культурные модели развития современного мира / Е. В. Хлыщева // Вест. Самар. гос. ун-та. – 2009. – №5. – С. 57–61.
3. Parekh, B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory / B. Parekh. – Cambridge, Mass.: HarvardUniversityPress, 2000. – 379 p.
4. Дмитриев, Г. Д. Многокультурное образование / Г. Д. Дмитриев. – М.: Народное образование, 1999. – 208 с.
5. Следзевский, И. В. Мультикультурализм: хрупкий баланс между интеграцией и дезинтеграцией / И. В. Следзевский // Общественные науки и современность. – 2013. – №2. – С. 123–137.
6. Некрасов, С. И. Американский мультикультурализм / С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова, В. В. Платошина; под ред. С. И. Некрасова. – М.: Академия Естествознания, 2011. – 323 с.
7. Запорожец, А. В. Психология / А. В. Запорожец. – М.: Просвещение, 1965. – 240 с.
8. Хухлаева, О. В. Поликультурное образование: учебник для бакалавров / О. В. Хухлаева, Э. Р. Хакимов, О. Е. Хухлаев. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 283 с.
9. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982–1984. – Т. 4: Детская психология / Л. С. Выготский; под ред. Д. Б. Эльконина. – 1984. – 432 с.
10. Кон, И. С. Социология личности / И. С. Кон. – М.: Наука, 1967. – 383 с.
11. Вишневский, М. И. Философия образования и проблема человека / М. И. Вишневский, В. А. Костенич, Я. И. Трещенок. – Могилев: УО МГУ им. А. А. Кулешова, 1997. – 69 с.
12. Комарова, И. А. Дом наших улыбок: методические рекомендации по социально-нравственному воспитанию детей дошкольного возраста / И. А. Комарова, Н. В. Ершова. – Мозырь: Белый Ветер, 2008. – 78 с.
13. Таймазов, В. А. Петр Францевич Лесгафт: Главные труды / В. А. Таймазов, Ю. Ф. Курамшин, А. Т. Марьянович. – СПб.: Печатный двор им. Горького, 2006. – 720 с.

Поступила в редакцию 16.03.16

E-mail: talina.ershova@gmail.com

Natalia Ershova

**MULTICULTURAL DEVELOPMENT OF A PERSONAL UNDER HETEROGENEOUS
CONDITIONS OF THE SOCIETY**

This article deals with the problems of heterogeneous and multicultural society, it reveals the concept of multiculturalism. Particular attention is paid to the analysis of historical and socio-political preconditions for the emergence and development of the paradigm of multicultural education. System of factors and processes that affect the development of a multicultural personality are regarded as well.

Keywords: heterogeneous and multicultural society, multiculturalism, multicultural education, multiculturalism, socialization (inculturation), multicultural environment, social values, multicultural personality.

УДК 37.013.32

И. В. Журлова

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики,
МГПУ им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Беларусь

СОВРЕМЕННАЯ ИНКЛЮЗИВНАЯ ШКОЛА: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП УЧАЩИХСЯ

В статье представлены основные критерии многообразия в образовательной среде, названы типологические группы учащихся, выделенные на основе критериев многообразия, даны социально-педагогические характеристики представленных групп, а также обозначены характерные для каждой группы учащихся социальные проблемы.

Ключевые слова: инклюзивное образование, типологические группы учащихся, этническая культура, религия, неблагополучная семья, инвалидность, одаренность, субкультура.

Введение

Вопросы педагогики многообразия приобрели в последнее время широкую актуальность в мировом масштабе, так как мы живем в многополярном мире, что находит своё проявление не только в геополитическом, но и в образовательном пространстве.

Сегодня различия учащихся есть следствие не только этнического, культурного и социального многообразия, но и источник всё возрастающего числа детей со специфическими характеристиками и потребностями, в том числе отклонениями в развитии. Задача педагогов заключается в том, чтобы рассматривать культурное и социальное многообразие учащихся не как проблему, а как возможность для каждого ребенка быть услышанным и понятым, проявить свою индивидуальность и самобытность, развить свои задатки и способности.

Исходя из этого, современное понимание многообразия в педагогической среде предполагает характеристику субъектов образовательного процесса на основе следующих критериев: этническая принадлежность и обусловленные ею язык, национальные традиции, культура, менталитет; религиозные верования; состояние здоровья, психофизические особенности; социальный статус учащегося и его семьи; интеллектуальный и творческий потенциал; социально-эмоциональные характеристики; субкультурные установки [1].

Результаты исследования и их обсуждение

Учитывая этническое, социальное и культурное многообразие учащихся, в инклюзивное пространство современных учреждений образования в соответствии с названными критериями должны быть органично включены следующие типологические группы:

- дети мигрантов и беженцев;
- дети из семей представителей различных религиозных конфессий;
- дети с инвалидностью и/или с особенностями психофизического развития;
- дети из семей с различными показателями социального неблагополучия;
- дети, одаренные в различных сферах деятельности;
- дети с социально-эмоциональной исключительностью, имеющие трудности в обучении;
- подростки и молодежь, принадлежащие различным молодежным субкультурам.

Рассмотрим характеристики, которые следует учитывать педагогам, выстраивая стратегию взаимодействия с различными типологическими группами учащихся в современной школе.

Дети мигрантов и беженцев как типологическая группа

И добровольные, и вынужденные мигранты отличаются от коренного населения страны, в которую приезжают, в расовом, ментальном, социально-культурном отношении. К тому же они имеют различный уровень образования, профессиональную квалификацию и экономический опыт участия в общественном производстве и ведении домашнего хозяйства. В связи с этим социальная интеграция мигрантов в любой стране является сложным процессом. Нередко миграция становится причиной возникновения конфликтов, проявления криминальных сил в обществе.

В отношении получения образования детьми мигрантов также имеется немало проблем. Например, исследователи отмечают, что учащиеся, принадлежащие к национальным меньшинствам, чаще бросают школу в старших классах, реже продолжают обучение, чаще оставляют профессиональный колледж в процессе дальнейшего обучения.

Известно, что школа играет значимую роль в процессе социализации. Но в условиях положения беженцев процесс социализации ребенка существенно изменяется, так как он связан с приобщением к чужой культуре, отказом от привычного уклада жизни. Попадая в другую страну, дети должны адаптироваться к новой культуре, овладеть новыми ценностями, которые нередко противоречат их традиционным ценностям и нормам, что приводит к напряженным отношениям и неизбежным конфликтам с окружением. Поэтому значимой задачей социально-педагогической и воспитательной работы в образовательных учреждениях является *формирование толерантного поведения подрастающего поколения коренного населения*. На этой основе в образовательно-воспитательных учреждениях должна реализовываться психолого-педагогическая система работы, включающая внеурочную деятельность с учащимися, родителями, педагогическим коллективом по проблеме толерантности (терпимости к чужим мнениям, верованиям, стилю поведения, образу жизни).

Немаловажным аспектом решения данной проблемы является *работа педагогов социальных с детьми-беженцами по формированию у них межкультурной коммуникативной компетентности на основе эмпатического подхода*. Опыт, приобретенный с помощью эмпатии, – это опыт включения в другую культуру, позволяющий лучше и глубже понять ее этнические стереотипы.

Значительна в работе с детьми-мигрантами *роль педагога-психолога*, который изначально должен осуществить диагностику их эмоционального самочувствия, с целью выявления социометрического статуса таких детей в коллективе сверстников проводить социометрический анализ классного коллектива. В случае обнаружения у ребенка проблем психологического характера педагог-психолог проводит индивидуальную коррекционную работу, консультации, а также работает с классным коллективом, где обучается ребенок. Групповая работа должна быть направлена на психологическое просвещение детей по проблемам беженцев и мигрантов, сплочение классного коллектива, создание эмоционально благоприятной обстановки в классе. Индивидуальная работа с детьми-мигрантами должна быть направлена на обучение эффективным способам саморегуляции и приемам релаксации, эмоциональной устойчивости, на помощь в овладении навыкам поведения в стрессовой ситуации, снятие напряжения.

Специалистам СППС и педагогам необходимо работать с семьями учащихся-мигрантов, оказывать им психологическую помощь и поддержку. Важно разработать пути и способы помощи семье, учитывая ее большую роль в период адаптации ребенка к новым условиям.

Отсюда возникает проблема расширения и обновления *этнопсихологической подготовки самих педагогов*. Каждому специалисту нужны конкретные знания о психологии различных этносов, проживающих в стране, знания специфичности их речевого общения, привычек, интересов, взглядов, вкусов, черт характера, нравственных и художественных ценностей, особенностей отношения к природе, людям, знания об этнорелигиозных представлениях и настроениях, способах и приемах внешнего выражения эмоций, чувств, мыслей, приветствий, прощаний, традиций и обычаев и т.д.

Дети из семей представителей различных религиозных конфессий как типологическая группа

Религия и религиозные организации традиционно выступали и выступают в качестве важнейшего фактора социализации человека после семьи. Каждая из религиозных конфессий формирует у этносов, их исповедующих, определенные особенности мышления, традиции, нормы поведения, определяя религиозную идентичность. Этническая и религиозная идентификация принимают подчас резкие и негативные формы, сопровождаются нетерпимостью по отношению к представителям других этносов, носителям другой религии и культуры, порождая социальные конфликты. На этой основе эффективность межкультурных коммуникаций в образовательной среде определяется наличием конструктивных и толерантных отношений между представителями различных религиозных конфессий, к числу которых следует отнести как учащихся и их родителей, так и школьных педагогов.

В этом отношении компетентное и бесконфликтное общение в педагогическом процессе зависит от уровня общей образованности учителя, учета особенностей поведения детей и их родителей, обусловленных их религиозной принадлежностью. Значительная роль в этом плане отводится формированию у педагогов межконфессионального мышления, которое обладает следующими характеристиками: положительное отношение к религии даже при наличии собственных

атеистических установок; отсутствие принципиальных религиозных ориентиров при выборе деловых партнеров и друзей; признание ценности и равнозначности нравственных постулатов других религиозных учений; отсутствие негативных эмоций и соблюдение этических норм в процессе общения с представителями разных вероисповеданий; уверенность в том, что представители различных религиозных взглядов могут жить в мире и согласии на одной территории.

Не менее важно обратить внимание на воспитание религиозной толерантности и культуры межконфессиональных отношений у учащихся. Можно выделить следующие *базовые компоненты содержания процесса воспитания культуры межконфессиональных отношений у учащейся молодежи*: освоение материальных и духовных (художественных, музыкальных, литературных, нравственных) ценностей общечеловеческой и религиозной культур путем ознакомления с ними, их охрана и возрождение в творческих видах деятельности; развитие опыта гражданского поведения: отстаивание религиозных прав человека, проявление учащейся молодежью религиозной терпимости; диалог между различными культурами и народами, свобода, равенство, человечность; проектирование поведения в поликонфессиональной среде.

Дети с инвалидностью и/или с особенностями психофизического развития как типологическая группа

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в мире около 200 млн детей с ограниченными возможностями. Среди них, как правило, дети следующих категорий: дети с нарушениями речи; дети с трудностями в обучении, вызванными задержкой психического развития; дети с умственными ограничениями; дети с нарушениями зрения; дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата; дети с нарушениями слуха; дети с комбинированными (тяжелыми и множественными) нарушениями.

Инвалидность в детском возрасте рассматривается как значительное ограничение жизнедеятельности, приводящее к социальной дезадаптации вследствие нарушения развития ребенка, снижения способности к самообслуживанию, передвижению, ориентации, контролю над своим поведением, обучению, трудовой деятельности в будущем. Поэтому особое внимание специалистам систем здравоохранения и образования необходимо уделять детям, имеющим недостатки в умственном и физическом развитии, так как реабилитационные мероприятия в детском возрасте наиболее эффективны [5].

Многие исследователи отмечают, что особенности формирования личности человека с отклонениями в развитии определены не только дефектом, но и всем комплексом системы отношений в обществе, в частности тех представлений, которые складываются об инвалиде в социальной среде. Основным международным документом, направленным на решение этой проблемы в отношении детей, является *Конвенция ООН «О правах ребенка»*. Она декларирует права детей-инвалидов на надлежащее медицинское обслуживание и лечение, на образование, обучение, восстановление трудоспособности и право на труд в меру возможностей. Сегодня также действуют «Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов», направленные на создание условий для оптимально возможного уровня физического и психического здоровья детей-инвалидов, максимально возможного выравнивания их жизненных возможностей с возможностями здоровых детей, что облегчает их интеграцию в общество, способствует развитию их личности. В нашей стране принята *Концепция развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь* (приказ Министра образования Республики Беларусь от 22.07.2015 № 608), отражающая вышеназванные положения международных документов.

С целью обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья в разных странах создана и успешно функционирует специальная инфраструктура, которая включает специальные школы-интернаты, центры коррекционно-развивающего обучения и реабилитации, специальные (компенсирующие) детские дошкольные учреждения, детские дома специального типа, специальные классы и группы в образовательных учреждениях.

Однако наиболее перспективной формой в отношении обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья является *инклюзивная школа*. Согласно идеям инклюзивного образования, учащиеся с особенностями развития учатся вместе со здоровыми детьми и в то же время располагают возможностями удовлетворять свои особые потребности благодаря созданию специальных условий: безбарьерная среда на улице, в школьном помещении; образовательное пространство, обеспеченное необходимыми дидактическими средствами; работа в инклюзивном классе двух педагогов – обычного и специального. При этом каждый ученик

осваивает программу, соответствующую его познавательным возможностям. Такое объединение способствует гуманистическому воспитанию здоровых детей и ранней социализации детей с особенностями развития. Таким образом, интеграция в данном случае носит не только образовательный, но и социальный характер [2].

Дети из семей с различными показателями социального неблагополучия как типологическая группа

Дети из социально неблагополучных семей требуют также особого внимания. Как правило, под неблагополучием мы понимаем его разные проявления: психическое (угрозы, подавление личности, навязывание асоциального образа жизни и др.), физическое (жестокое наказание, побои, насилие, принуждение к заработку денег разными способами, отсутствие пищи), социальное (выживание из дома, пренебрежение нуждами ребенка и др.).

Одна из главных проблем такой семьи – дефекты воспитания детей. В педагогике выделяются следующие дефекты семейного воспитания: а) неполная семья; б) состояние здоровья родителей, не позволяющее осуществлять контроль над детьми в полной мере; в) низкий материальный уровень жизни семьи и неудовлетворение необходимых потребностей ребенка; г) низкий социально-культурный уровень родителей и отсутствие у них педагогических знаний; д) пример аморального поведения родителей; е) отсутствие у родителей детского семейного опыта вследствие воспитания в детских домах, школах-интернатах; ж) непродуктивный стиль воспитания в семье – несогласованность предъявляемых ребенку требований, ориентация родителей в воспитании на наказания и запреты, чрезмерные материальные поощрения и потакание капризам ребенка; з) отсутствие должного внимания со стороны родителей к учебной деятельности ребенка, его ближайшему окружению (компания), жизненным проблемам, интересам, характеру использования свободного времени.

Таким образом, неблагополучная семья – это семья с низким социальным статусом, не справляющаяся с возложенными на нее функциями в какой-либо из сфер жизнедеятельности или нескольких одновременно. Адаптивные способности неблагополучной семьи существенно снижены, процесс семейного воспитания ребенка протекает с большими трудностями, медленно и малорезультативно.

Практика показывает, что в ряду проблем, с которыми приходится работать педагогу, взаимодействуя с детьми из неблагополучных семей, имеют место суицидальные настроения ребенка, навязчивые страхи, такие эмоциональные проблемы, как неспособность выразить свои чувства или идентифицировать их, депрессии, агрессивность (проблема «трудных подростков»), депривация (осознание своей ненужности), речевые нарушения и нарушения двигательных функций, девиантное (отклоняющееся от нормы) и делинквентное (правонарушительное) формы поведения. Чаще всего ребенок демонстрирует девиантные формы поведения (уход из дому, бродяжничество, криминальные авантюры) в поиске «эмоциональной пищи», которой он лишен в семье.

Одаренные учащиеся как типологическая группа

Одаренные учащиеся – это дети, которым требуются особые образовательные программы и или услуги, формирующие знания и умения, выходящие за рамки тех, которые в норме обеспечиваются обычными школьными программами, с целью обеспечения их вклада в собственное развитие и в развитие общества.

Выделяются следующие виды одаренности: общая интеллектуальная одаренность; специфическая академическая одаренность (н-р, к математике и др.); способность к творческому мышлению; способность к лидерству; способность в изобразительных или исполнительских видах искусства; психомоторная способность. Основными стратегиями в работе с одаренными учащимися являются обогащение и акселерация.

Акселерация – ускоренный переход учащегося из класса в класс, из одной возрастной ступени – на другую. Является, как правило, частной реакцией на успехи отдельного ученика. Однако у стратегии акселерации немало противников. Один из их распространенных доводов состоит в том, что опасно перемещать учеников далеко за рамки уровня среднего социального и психологического развития, в результате чего может пострадать их социальная гармония со своими сверстниками.

Другую суть имеет стратегия *обогащения* – она дает возможность учащимся углублять и расширять свои знания на каждой возрастной ступени, оставаясь при этом в своем классе, т.е. не отдаляясь от своих сверстников и возрастных ступеней [3].

Дети с социально-эмоциональной исключительностью, имеющие трудности в обучении, как типологическая группа

Социально-эмоциональная исключительность включает в себя проявления эмоционального беспокойства, поведенческие расстройства и дефицит внимания с гиперактивностью (СДВГ). Первичную идентификацию исключительности чаще всего осуществляют учителя начальной школы, так как легкая недостаточность и неспособность к обучению в этот период проявляются ярче. Однако, как правило, имеющиеся эмоциональные нарушения формируются у ребенка в период дошкольного возраста.

В целом, в психологии к патологии эмоций относятся: *депрессия, фобии и тревожный синдром, дисфория и эйфория*. Ребенка с пониженным настроением можно охарактеризовать как несчастного, удрученного, мрачного, печального, огорченного, пессимистичного (депрессия). Ребенка, испытывающего страх и тревогу, можно определить как робкого, тихого, застенчивого, обеспокоенного, заторможенного, неуверенного, замкнутого, неврозного, напряженного, испуганного (фобии и тревожный синдром). Ребенка, находящегося в агрессивном состоянии, характеризуют угрюмость, злость, раздражительность, враждебность, досада, отвращение, резкость, неуступчивость (дисфория). Ребенок, находящийся в импульсивном состоянии, не может сосредоточиться, у него нарушается поведение. Его характеризуют как смешливого, игривого, разговорчивого, стремящегося к доминированию, хвастливого, оживленного, радостного, воодушевленного (эйфория).

Дефицит внимания с гиперактивностью (СДВГ) (ADHD) – относительно распространенное расстройство, характеризующееся избыточной активностью, проблемами с устойчивостью внимания и импульсивностью, намного превышающей ту, которую можно считать нормальной.

Дети с любой из форм социально-эмоциональной исключительности, кроме наиболее тяжелых, учатся, как правило, в обычном классе. Часто эмоциональные нарушения таких детей сопровождаются неспособностью к научению, которая проявляется в несоответствии между фактической и ожидаемой успеваемостью, причем неровная успеваемость часто сопровождается одним или несколькими специфическими недостатками в обучении (например, онтогенетическим расстройством способности к чтению или арифметике) [4].

Уместно выделить несколько общих *правил, которые необходимо соблюдать в работе с этой типологической группой детей*. Во-первых, ответственность педагога здесь особенно велика, поскольку от правильности и точности выводов во многом зависит судьба ребенка. Любой вывод, например, о необходимости обращения к другим специалистам за помощью, должен быть тщательно проверен в диагностической работе. Во-вторых, необходимы особая осторожность и продуманность в тех случаях, когда требуется рассказать другим людям о проблемах ребенка. При этом следует давать родителям и другим педагогам ясные и точные рекомендации, как помочь ребенку, испытывающему трудности. В-третьих, следует обращать особое внимание на особенности семейной ситуации. Работа с семьей ребенка оказывается зачастую более важным средством психопрофилактики, чем работа с группой детей. Соблюдение этих условий дает возможность помочь ребенку, создать условия для компенсации трудностей.

Подростки и молодежь, принадлежащие различным молодежным субкультурам, как типологическая группа

Согласно результатам психологических исследований стремление молодых людей объединяться в группы удовлетворяет их потребность в одобрении, поддержке, дружбе, информации при реализации общественно полезных или асоциальных целей. Такие группы обладают определенной субкультурой, под которой следует понимать автономное образование внутри господствующей в обществе культуры, включающее трансформированную систему ценностей, комплекс специфических социально-психологических черт и поведенческих образцов, которые определяют стиль жизни и мышление ее представителей.

Любая субкультура включает элементы жаргона, эстетические вкусы (определенный стиль в одежде, причёске, макияже, музыкальные пристрастия), нормы воздействия на своих членов, образцы поведения, а часто и нравственно-идеологические позиции. Каждая субкультура находит проявление в определенном неформальном объединении (рокеры, байкеры, металлисты, панки, хиппи, реперы, мажоры, готы и т. д.).

Нередко нахождение ребят в неформальных объединениях связано с демонстрацией ими групповых поведенческих нарушений, среди которых самыми распространенными являются: **гиперкинетическое расстройство поведения** (безрассудность, импульсивность, склонность

совершать необдуманные поступки); *несоциализированное расстройство поведения* (сочетание антисоциального и агрессивного поведения, изолированность, отчужденность от взрослых и сверстников); *социализированное расстройство поведения* (воровство, лживость, прогулы школы, уходы из дома, вымогательство, грубость, склонность к общению со сверстниками); делинквентное поведение (совершение краж, хулиганских поступков, участие в криминальных компаниях, издевательства над слабыми, вымогание денег, грабежи, разбойные нападения).

Все это характерно для представителей асоциальной субкультуры, которая охватывает не только взрослых правонарушителей, но и подростков-неформалов. Ее проявление можно заметить в криминогенных группах подростков по месту жительства, в специальных учреждениях, в обычных общеобразовательных школах. Такие молодежные субкультуры неизбежно входят в противоречие с традиционными формами социальной организации молодых людей. Процесс деформации молодежных групп приводит к их маргинализации, которая проявляется в утрате индивидом или группой социальных связей, чувства сопричастности всему происходящему и в отторжении их от общества. Отсюда возникают так называемые молодежные группы риска, работа с которыми предполагает осуществление социально-педагогической и психологической коррекции.

Выводы

Таким образом, в осуществлении инклюзивного образования в отношении детей с особыми потребностями выделяются следующие приоритеты: включение всех учащихся класса в социальное взаимодействие; педагогическое руководство преодолением адаптивного когнитивного кризиса, обусловленного различной подготовленностью к обучению и различными возможностями и потребностями детей, и адаптивного поведенческого кризиса, вызванного явной или скрытой отчужденностью учащихся с психофизическими нарушениями и различными социальными аномалиями.

Ожидается, что все общеобразовательные школы со временем станут «инклюзивно ориентированными», т.е. готовыми включить любого ученика в образовательный процесс. Это предполагает не только обучение детей с особыми потребностями вместе со своими сверстниками, но и особую культуру взаимодействия в школьном социуме, совместное проведение различных школьных мероприятий, когда различия детей признаются, приветствуются и налаживается тесное общение всех субъектов образовательного процесса, при этом в школе создаются необходимые условия для удовлетворения специальных образовательных потребностей детей различных типологических групп.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бут, Т. Показатели инклюзии (практическое пособие) / Т. Бут, М. Эйнскоу ; под ред. М. Вогана ; пер. с англ. И. Анисеев ; науч. ред. Н. Борисова ; общая ред. М. Перфильева. – М. : РООИ Перспектива, 2007.
2. Образовательная интеграция и социальная адаптация лиц с ограниченными возможностями : сб. науч. тр. / под ред. А. Н. Коноплевой. – Минск, 2005. – 204 с.
3. Torrance, E. P. Gifted and talented children in the regular classroom. Buffalo / E. P. Torrance, D.A. Sisk. – New-York : Creative Education Foundation Press, 1997.
4. Wilks, S. Critical and creative thinking: Strategies for classroom inquiry. Portsmouth / S. Wilks. – NH : Heinemann, 1995.
5. Winzer, M. Special education in early childhood: An inclusive approach. Scarborough / M. Winzer. – Ontario : Prentice-Hall, 1997.

Поступила в редакцию 04.03.16

Zhurlova Iryna

THE CONTEMPORARY SCHOOL: ESSENCEAL CHARACTERES OF TYPICAL GROUPS OF PUPILS

The main criteria of the diversity in educational sphere are presented in the article. The social-pedagogical characteres of typical groups of pupils, detailed on this criteria of the diversity are determined, and social problems of these typical groups of pupils are presented.

Keywords: inclusive education, typical groups of pupils, ethnic culture, religion, unfortunate family, invaliditi, endowments, subject culture.

УДК 372.03

Н. В. Зайцева¹, А. М. Киптик²¹Доктор педагогических наук, доцент,

МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь

²Аспирант кафедры педагогики и методик дошкольного и начального образования,

МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УМСТВЕННОГО
И ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
(80–90-е годы XX века)**

В статье рассматриваются особенности развития теории и практики умственного и физического воспитания детей в дошкольных учреждениях (80–90-е годы XX века). Отмечено, что социально-экономические условия исследуемого периода в значительной степени повлияли на последующее развитие системы дошкольного воспитания в целом, и в частности на умственное и физическое воспитание детей в дошкольных учреждениях. Исходя из принципа историзма, изучаемые явления рассматривались на фоне общих исторических условий, сложившихся в теории и практике воспитания детей до школы в указанный период.

Ключевые слова: дошкольное образование, содержание дошкольного образования, умственное и физическое воспитание, реформирование, социально-экономические условия.

Введение

Обращение к истории развития теории и практики умственного и физического воспитания детей в дошкольных учреждениях показало, что представленная проблема опирается не только на эмпирические данные и охватывает широкий круг литературных источников (философии, этнографии, истории, социологии, физиологии, психологии, педагогики), но имеет и свою специфику, основные этапы и особенности исторического развития. И для каждой эпохи характерны свое содержание, методы, пути организации умственного и физического воспитания детей до школы.

В свете сказанного необходимо обратить внимание на следующее принципиального характера суждение замечательного русского историка и писателя Н.М. Карамзина, который подчеркивал, что «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье» [1, 31].

Такой подход в историографии к систематизации накопленного педагогического опыта и его теоретического осмысления позволяет выявить особенности содержания общественного дошкольного воспитания, установить факторы, обуславливавшие интенсивность и направленность развития теории и практики умственного и физического воспитания детей в дошкольных учреждениях исследуемого периода.

Историография рассматриваемой проблемы включает анализ трудов Е.Г. Андреевой, Е.И. Волковой, С.Ф. Егорова, В.И. Ерхова, А.В. Запорожца, А.В. Кенеман, М.М. Конторович, М.Н. Колмаковой, Л.Н. Литвина, В.И. Логиновой, Н.Я. Михайленко, Т.И. Осокиной, Н.Н.Поддьякова, А.П. Усовой, Д.Б. Хухлаевой, М.Ф. Шабасовой и других ученых, опираясь на выводы которых, целью данной работы мы ставим – раскрыть особенности развития теории и практики умственного и физического воспитания в дошкольных учреждениях (80–90-е годы XX века.), уточнить взаимовлияние педагогических идей прошлого в очерченный в исследовании период в плане применения их на современном этапе функционирования учреждения дошкольного образования.

Результаты исследования и их обсуждение

Социально – культурные изменения периода 80–90-х гг. XX века занимают особое место в истории развития и становления отечественного дошкольного образования. Именно в эти годы был совершен поворот более чем на десятилетие, определивший направления развития теории и практики умственного и физического воспитания детей до школы. Это был своеобразный период переосмысления сложных и противоречивых процессов в дошкольном образовании (и, в том числе, в содержании, формах, методах умственного и физического воспитания). Содержание умственного и физического воспитания в рассматриваемый период формировалось «крайне осторожно», на опыте и достижениях практики педагогической мысли прошлого и научных исследований, проводившихся в эти годы; а также с учетом ряда критических позиций, непосредственно относящихся к сфере дошкольного образования (политизированность работы дошкольных учреждений, отсутствие вариативных программ, ориентация на унифицированный стандарт содержания деятельности учреждений дошкольного образования, недостаточное обеспечение педагогического процесса научно-методической, дидактической литературой, отсутствие возможности широкого применения результатов научных исследований в практике работы детских садов). Объективная необходимость разрешения данного противоречия требовала переосмысления, прежде всего целевых основ дошкольного образования с учетом сложившейся социально-экономической ситуации в исследуемый период [2].

Будет уместно выделить, что обозначенная проблема на протяжении истории развития дошкольного воспитания не решалась системно. В зависимости от конкретно-исторической ситуации организация умственного и физического воспитания в дошкольных учреждениях осуществлялась согласно адекватному содержанию программно-методических документов. Отметим, что программно-методические документы, изданные в этот период, во многом регламентировали содержание умственного и физического воспитания в дошкольных учреждениях. При этом основное внимание в них уделялось общим проблемам дошкольного воспитания, которые необходимо было решать в ракурсе многоаспектных задач (умственного, физического, нравственного, трудового, эстетического воспитания дошкольников). Цель, поставленная в программно-методических документах, ориентировала педагогов на унифицированный стандарт в воспитании и обучении дошкольников и, в основном, определяла сущность подготовки ребенка к школе. Поэтому без достаточно обоснованного определения целевой направленности умственного и физического воспитания фактически невозможно было создать адекватную им систему задач, что и наблюдалось в программных документах исследуемого периода.

Дошкольное воспитание в эти годы становится объектом пристального внимания со стороны государства. Анализ социокультурных предпосылок, обусловивших необходимость пересмотра парадигмы базовой модели дошкольного воспитания, показал, что в исследуемый период актуальным оставался вопрос разработки такого содержания умственного и физического воспитания, а также их форм и методов, которые бы максимально ориентировали педагога на личность ребенка, на раскрытие его интересов, через организацию разных видов детской деятельности.

Однако конкретно-исторические условия, сложившиеся в указанный период времени, высветили проблемы, связанные с разработкой содержания данных видов воспитания в детских садах. Ими явились: детский сад, который требовал создания гибкого режима, укрепления материально-технической базы, подготовки квалифицированных кадров; ограниченность связи между психологической наукой и педагогической практикой; отсутствие механизма внедрения результатов исследования в педагогический процесс; недостаточное методическое обеспечение педагогического процесса; расплывчатость цели дошкольного воспитания.

В свете приведенных положений вполне правомерно отметить, что рассматриваемый исторический период достаточно сложен с точки зрения социально-экономических, культурных позиций, поскольку сложившаяся ситуация в организации образовательной работы в детском саду была довольно противоречива. Это связано с тем, что в зависимости от конкретной исторической ситуации теория и практика умственного и физического воспитания в дошкольных учреждениях осуществлялась с различной степенью противопоставления педагогической теории практике. Это противостояние было обусловлено: жесткой регламентацией режимных моментов детского сада; авторитарным стилем руководства; превалированием фронтального обучения (по типу школьного урока), где самостоятельность и активность детей подавлялась; чрезмерной централизацией управления системой дошкольного воспитания; высокой наполняемостью групп, недостаточной разработанностью образовательных технологий, ориентированных на индивидуальный подход к ребенку.

Перечисленные аспекты сдерживали творческую инициативу воспитателей и не позволяли обеспечить полноценное физическое и психическое развитие ребенка, исходя из его

индивидуальных, возрастных особенностей; главным критерием успешности педагогической работы с детьми были ЗУНы (знания, умения, навыки).

Для развития теории и практики умственного и физического воспитания важное значение имели концептуальные положения реформы общеобразовательной и профессиональной школы (1984 г.), которая проводилась в соответствии с программными установками июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС и имела своей целью приведение сферы образования в соответствие с реальными потребностями дальнейшего развития страны [3].

Перед дошкольными работниками были поставлены важные задачи, главными из которых являлись: «... улучшить организацию воспитания и образования детей дошкольного возраста; с ранних лет воспитывать у детей любовь к Родине, уважение к старшим, товарищество и коллективизм, культуру поведения, чувство красоты; развивать у каждого ребенка познавательные интересы и способности, самостоятельность, организованность и дисциплину; разработать и ввести типовую программу воспитания и обучения детей в детском саду, учитывая при этом особенности возрастной физиологии и психологии, национальных культур и традиций» [4, 21].

Важнейшее место в школьной реформе занимали проблемы усовершенствования содержания дошкольного воспитания. Для их решения и для реализации школьной реформы было принято Постановление Совета Министров СССР от 12 апреля 1984 года № 317 «О дальнейшем улучшении общественного дошкольного воспитания и подготовки детей к обучению в школе». Постановлением было определено разработать и ввести в 1984–1985 годах типовую программу воспитания и обучения детей в детском саду, программно-методические документы, учебники и учебно-наглядные пособия, а также обратить особое внимание на разработку методов формирования всесторонне развитой личности ребенка в условиях общественного и семейного воспитания [5].

Таким образом, реализация задач данного документа предполагала совершенствование системы дошкольного воспитания как неперемного условия хорошей подготовки детей к школе. Однако первые шаги реформы были связаны лишь с обновлением «Программ», хотя структура и содержание их не удовлетворяли практических работников. Реформирование системы дошкольного воспитания свелось в основном к более «усиленной» подготовке детей к школе.

Анализ событий исследуемого периода с позиций сегодняшнего дня показывает, что важную роль в развитии теории и практики умственного и физического воспитания сыграл выход «Концепции дошкольного воспитания» (1989 г.). Концепция существенно образом меняла отношение к дошкольному детству, провозглашая период дошкольного детства как самоценный в развитии личности ребёнка, учебно-дисциплинарную модель дошкольного образования заменяла на личностно-ориентированную; конкретизировала основные направления перестройки системы дошкольного воспитания и ориентировала педагогов на гуманизацию педагогической работы детского сада, создание условий для развития личности каждого ребенка, проявления его индивидуальности. Но в то же время этот документ не содержал конкретных программ по реализации намеченных целей. Этому мешало существование единой государственной программы [6].

Необходимо отметить, что с реформированием системы дошкольного образования традиционная система организации умственного и физического воспитания в детском саду стала принципиально ограниченной. В связи с этим актуальной стала задача поиска инновационных форм, методов организации умственного и физического воспитания дошкольников. В конце 80-х, начале 90-х гг. была провозглашена свобода теоретической разработки проблем дошкольного воспитания, во главу угла дошкольного воспитания была поставлена «личностно-ориентированная модель», которая составляла альтернативу учебно-дисциплинарной модели. Основным принципом личностно-ориентированной модели являлся принцип – «Не рядом и не над, а вместе!». Это предполагало, что личность ребенка – цель педагогической системы, а не средство достижения цели, каждый ребенок способен к развитию и овладению основ элементов культуры; в каждом ребёнке изначально заложены стремления к развитию, свободе, взрослению; задача воспитателя – способствовать реализации этой программы; стимулированию положительной самооценки ребенка. При этом важным являлось то, что личностно-ориентированная модель общения воспитателя с ребенком ни в какой мере не предполагала отмены систематического обучения и воспитания детей, проведения с ними планомерной педагогической работы [6].

Таким образом, вторая половина XX в. выявила новые требования к содержанию умственного и физического воспитания дошкольников. Это, в первую очередь, создание в дошкольном учреждении каждому ребенку условий для наиболее полного раскрытия его возрастных возможностей и способностей. С данным требованием связана другая задача – опосредование процесса умственного и физического воспитания творческой личностью педагога,

ориентация деятельности воспитателя на личность ребенка. Реализация этих задач зависела, прежде всего, от направленности содержания дошкольного образования на социализацию ребенка; создание предметно-пространственной и социальной развивающей среды.

Выводы

Опираясь на проанализированные нами социокультурные события исследуемого периода и их влияние на развитие теории и практики умственного и физического воспитания в дошкольных учреждениях, мы пришли к следующим выводам:

данный исторический период характеризуется сменой парадигм: дошкольное воспитание в период начавшихся изменений в системе образования (конец 80-х–90-е гг.) было отмечено учебно-дисциплинарной формой организации образовательного процесса. В образовательной работе акцент был сделан на фронтальные занятия, которые ставили воспитателя в позицию оценивающего эксперта, педагогика сотрудничества на практике не получала должной реализации, что в свою очередь детерминировало изменения в содержании умственного и физического воспитания.

В результате этих изменений произошла замена типовой программы вариативными, широко использовались инновационные варианты программного и научно-методического обеспечения деятельности дошкольного учреждения; был осуществлен переход от авторитарных форм воздействия к общению, ориентированному на личностное своеобразие каждого ребенка; изменились формы обучающих занятий, переход от фронтальных занятий к вариативным технологиям обучения; особое значение приобретало создание гибкой многофункциональной системы дошкольного воспитания, которая смогла бы обеспечить потенциальные возможности для творческого движения ребенка по собственному пути в системе общего образования и воспитания, направленного на развитие познавательной сферы дошкольника и удовлетворение его личностных и познавательных потребностей.

Названные особенности, характеризующие положение системы дошкольного образования рассматриваемого периода, могут служить ориентиром в разработке стратегии развития процесса умственного и физического воспитания в современных учреждениях дошкольного образования.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алиев, Г. А. Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы. Доклад на Первой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва 12 апреля 1984 г. / Г. А. Алиев // Учительская газета. 1984. – 13 апреля. – № 45 (8358).
2. онцепция дошкольного воспитания // Дошкольное воспитание. – 1989. – № 9. – С. 48–69.
3. Народное образование в СССР. Сборник нормативных актов / сост.: Н. Е. Голубева; спец. науч. ред.: Павлищев К.С. – М.: Юрид. лит., 1987. – 336 с.
4. Карамзин, Н. М. Предания веков: сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» / Н. М. Карамзин; сост. Г. П. Макогоненко. – Москва: Правда, 1989. – 765 с.
5. Реформа общеобразовательной и профессиональной школы. – 1984. – С. 21.
6. Постановление Совета Министров СССР 12 апреля 1984 года №317 «О дальнейшем улучшении общественного дошкольного воспитания и подготовки детей к обучению в школе».

Поступила в редакцию 21.10.16

N. V. Zaytseva, A. M. Kiptik

FEATURES of DEVELOPMENT OF THE THEORY AND PRACTICE OF INTELLECTUAL AND PHYSICAL TRAINING OF CHILDREN IN PRESCHOOL INSTITUTIONS (80–90-e years of the 20th century)

In article features of development of the theory and practice of intellectual and physical training of children in preschool institutions are considered (80–90-e years of the 20th century). It is noted that social and economic conditions of the researched period, substantially influenced the subsequent development of system of preschool education in general, and in particular on intellectual and physical children of education in preschool institutions. Proceeding from the principle of historicism, the studied phenomena were considered against the background of the general historical terms which developed in the theory and practice of education of children to school during the specified period.

Keywords: preschool education, content of preschool education, intellectual and physical training, reforming, social and economic conditions.

УДК [811.111+811.161.3]’38(043.3)

И. М. Басовец

Кандидат филологических наук, кафедра английского языка № 1, преподаватель,
Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДЕАВТОРИЗАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ»
СО СМЕЖНЫМИ ТЕОРЕТИЧЕСКИМИ ПОНЯТИЯМИ
(на материале англо- и белорусскоязычных публицистических текстов)**

В статье раскрывается понятие «деавторизация высказывания» и устанавливаются маркеры ее реализации на материале современной англо- и белорусскоязычной прессы. Отмечается, что высказывание деавторизируется вследствие употребления конструкций деавторизации, которые содержат указание на нереферентный субъект – источник информации. В статье также разграничивается понятие «деавторизация высказывания» от смежных теоретических понятий: обобщенности и неопределенности. В ходе анализа устанавливаются общие и отличительные черты исследуемых понятий. Подчеркивается, что обобщенность и неопределенность демонстрируют сходные с конструкциями деавторизации способы выражения субъекта. Устанавливается, что основные различия между упомянутыми понятиями заключаются в типе референции и семантике субъекта, а также в более сложном строении деавторизованного высказывания, имеющего дополнительный структурно-семантический план.

Ключевые слова и словосочетания: деавторизация высказывания, конструкции деавторизации, нереферентный субъект, обобщенность, неопределенность, тип референции, семантический субъект, дополнительный структурно-семантический план.

Введение

Процессы и тенденции, которые наблюдаются в разных языках на определенном этапе развития, всегда были объектом внимания лингвистов. На текущем этапе исследователи все чаще отмечают новые оттенки или акценты в знакомых явлениях. К примеру, М.А. Кормилицына в своей статье, посвященной изучению инновационных процессов в современной прессе, сделала интересное наблюдение: «авторизирующие конструкции (основное назначение которых в языке – называть источник и способ получения информации, обеспечивая тем самым ее объективность, документализм, фактуальность) используются в современной прессе как один из способов деавторизации, как реализация стремления журналистов завуалировать или скрыть сведения об авторе полученного сообщения» [1]. Иными словами, зачастую в предложениях публицистического текста ссылка на источник информации есть, но идентифицировать такой источник читателю не представляется возможным, т.к. он выражен весьма обобщенно или неопределенно, например: *To some, the destruction of a foreign charity feels like the beginning of an urban war* 'Некоторые считают, что уничтожение иностранной благотворительной организации нацелено на развязывание войны в городе' (Washington Post. 2016, Sept. 7). В данном случае автор ссылается на мнение «некоторых», и читателям не ясно, чья это точка зрения (некоторых жителей города или страны, аналитиков, журналистов или автора текста, который тем самым может вуалировать собственное видение ситуации). Иногда источник информации выражен весьма обобщенно: *Аналітыкі небеспадстаўна лічаць, што цэнтрабежныя сілы згодныя прывесці да развалу як мінімум Шэнгенскай зоны, а ў канчатковым выніку і ЕС* (Звезда. 2016, 6 верасня). В данном примере из белорусскоязычной прессы приводится мнение обобщенного субъекта (*аналітыкі лічаць*), которого читателю не представляется возможным идентифицировать (какие конкретно аналитики), при этом с этим обобщенным мнением солидаризируется автор статьи, на что указывает авторское слово-вкрапление *небеспадстаўна*, вследствие чего подается обобщенно-собираетельная точка зрения. В результате ссылок подобного рода в публицистических текстах создается ложная авторизация или деавторизация.

Результаты исследования и их обсуждение

Под **деавторизацией высказывания** понимается дополнительный структурно-семантический план, направленный на вуалирование или устранение субъекта – источника информации из синтаксической структуры предложения. Деавторизация высказывания предполагает использование специальных **конструкций деавторизации**, под которыми понимаются синтаксические конструкции, содержащие указание на нереперентный (неопределенный либо обобщенный) субъект – источник информации о предметах, явлениях объективной действительности. Выяснению сущности деавторизации высказывания способствует ее отграничение от смежных теоретических понятий – обобщенности и неопределенности.

Обобщенность vs. деавторизация высказывания

Обобщение закономерно считается одной из основных гносеологических категорий. В силу этого обобщению уделяется в языкознании достаточно большое внимание. Как отмечается лингвистами, категория обобщенности проявляется на различных уровнях языка. Так, на морфологическом уровне ее созданию в артиклевых языках способствуют артикли в своем родовом значении. В безартиклевых языках эквивалентами представленных предложений могут быть высказывания, содержащие существительные в единственном или множественном числе в обобщенно-собирательном значении. Среди средств обобщенности на лексическом уровне могут выделяться обобщенно-пространственные слова, обобщенно-временные слова, обобщенно-предметные слова, обобщенные слова со значением образа действия, обобщенные детерминативы, собирательные существительные, существительные-гиперонимы во множественном числе [2]. При этом ядерными средствами выражения обобщенности в лингвистике признаются определительные местоимения типа *все, всякий, каждый* и др. В предложениях обобщенность может иметь различные формы проявления, вследствие чего для обобщенных высказываний предложен ряд терминов: «генерическое/родовое высказывание», «общереферентное высказывание» и «универсальное высказывание».

Основными чертами **генерических высказываний** являются: а) указание только на характерные свойства объекта; б) описание только таких свойств, которые повторяются регулярно на достаточно большом промежутке времени; в) описание свойств объекта, которые следует называть интенциональными; г) указание на свойства объекта, которые свойственны хотя бы для нескольких возможных миров [3]. Чтобы можно было считать высказывания генерическими, они должны описывать не актуальное, а стабильное, постоянное положение дел в мире. Примерами генерических предложений могут служить следующие: *The seagull is a bird* 'Чайка – птица'; *У годзе 365 дзён*. Эффект обобщенности в генерическом предложении достигается за счет родового употребления имени или именной группы, вследствие чего референция происходит к стереотипизированному, типичному представителю класса, который выступает в качестве прототипа.

Сравнение деавторизованных высказываний с генерическими выявляет ряд существенных различий между ними. Во-первых, различия касаются референциальных характеристик субъекта. Так, в отличие от генерических предложений, в которых референция происходит к типичному представителю класса (обычно выраженному именем существительным в своем родовом значении), в деавторизованных высказываниях референция может осуществляться и к неопределенному субъекту, ср.: *For some safety experts, Uber's self-driving taxi test isn't something to hail* 'По мнению некоторых экспертов по безопасности, испытания беспилотного такси компанией "Убер" не стоит приветствовать' (The Washington Post. 2016, Sept. 12). Во-вторых, деавторизованное высказывание имеет обязательный дополнительный структурно-семантический план: *Як сцвярджаюць эксперты, у яго цяпер ёсць сур'ёзны канкурэнт – распрацаваны ў 2000-х транзітны шлях Казахстан – Расія – Беларусь* (Звезда. 2016, 9 верасня). Так, из последнего примера понятно, что основной структурно-семантический план включает пропозицию *у яго цяпер ёсць сур'ёзны канкурэнт – распрацаваны ў 2000-х транзітны шлях Казахстан – Расія – Беларусь*, а дополнительный структурно-семантический план представлен теми, кто так утверждает, а именно *экспертамі*.

В структуре **общереферентных высказываний** представлены формы субъекта, имеющего универсальную референцию, «непосредственную отнесенность ко всему классу» [4, 115], [5, 3]. В подобных высказываниях субъект может быть выражен посредством таких обобщающих местоимений, как *all* 'все', *every* 'каждый', *any* 'всякий', *everyone* 'каждый', *anyone* 'любой' в

английском языке и *ўсе, усякі, кожны, любы* в белорусском языке. Например, *It is clear to everyone* 'Это понятно каждому'; *Увага прыемная любому чалавеку*.

Как и в случае с генерическими высказываниями, у общереферентных и деавторизованных высказываний обнаруживается ряд специфических характеристик. Помимо особенностей формальной структуры (в деавторизованном высказывании содержится дополнительный структурно-семантический план), разными оказываются характеристики субъекта. Так, в отличие от общереферентного высказывания, в котором субъект имеет универсальную референцию ввиду наличия в поверхностной структуре квантора всеобщности, в деавторизованном высказывании субъект имеет обобщенную или неопределенную референцию и только в одной разновидности конструкций деавторизации – универсальную. В этой разновидности референция происходит не к отдельным, а ко всем представителям класса, как и в общереферентном высказывании, например: *Everyone agrees it is seriously unjust to punish people in the absence of very good reasons to do so* 'Каждый разделяет мнение, что крайне несправедливо наказывать людей при отсутствии для этого веских оснований' (The New York Times. 2015, Nov. 24); *У глыбіні душы ўсе ведаюць, што ім патрэбна маладосць* (Звезда. 2016, 2 верасня).

Универсальные высказывания провозглашают как незыблемую истину то или иное устоявшееся мнение, например: *Человеку свойственно ошибаться. Содержание важнее формы* [6]. Эти высказывания обобщающей семантики типизируют жизненные явления, придают им вневременной и всеохватный характер [там же], являются самой распространенной формой генерализованных утверждений народной мудрости [7, 211]. Предикат универсального высказывания атемпорален, такое высказывание фокусирует сообщение о факте определенного свойства во всех его настоящих, прошедших и будущих проявлениях. Разновидностями универсальных высказываний являются пословицы, афоризмы, сентенции, крылатые выражения и пр. [6].

Наиболее существенным признаком, который позволяет выделить универсальные высказывания в подкласс обобщающих высказываний, является их воспроизводимость – неизменность формы при бесконечном количестве употреблений в речи, что помогает запоминать и узнавать универсальные высказывания. Благодаря этому свойству универсальные высказывания обычно предстают как готовые речевые единицы. Обязательное постоянство структуры универсальных высказываний отличает их от общереферентных и генерических предложений.

В отличие от универсальных высказываний с воспроизводимой, неизменной и запоминаемой формой, которые представляют собой генерализованные утверждения народной мудрости, структура деавторизованных высказываний имеет значительно более сложное строение. Любопытно то, что оба типа высказываний могут находиться в отношениях включения. Так, определенные разновидности конструкций деавторизации могут вводить универсальные высказывания, которые оказываются встроенными в деавторизованные высказывания, являясь их пропозицией: *They say silence is golden...* 'Говорят, молчание – золото...' (Daily Mail. 2012, Apr. 3); *Гродзенская вобласць займае вядучыя пазіцыі на вытворчасці валавога рэгіянальнага прадукту ў 2012 годзе, ды і сёлета, як кажучь, трымае планку...* (Звезда. 2013, 10 верасня).

Таким образом, обобщенные и деавторизованные высказывания обладают как некоторыми общими, так и существенными отличительными характеристиками. Общими являются стандартные средства выражения обобщенного субъекта: местоимения со значением всеобщности, собирательные существительные и выражения, существительные с артиклем в родовом значении (в английском языке). В ходе сопоставления данных понятий, однако, фиксируется ряд глубинных различий, касающихся как формальных, так и содержательных аспектов. Наиболее существенными из них являются наличие в деавторизованных высказываниях дополнительного структурно-семантического плана, а также тип референции субъекта (в отличие от высказываний, реализующих категорию обобщенности, в деавторизованном высказывании субъект может быть и неопределенным в референциальном отношении, что невозможно в случае с категорией обобщенности).

Неопределенность vs. деавторизация высказывания

Категория неопределенности является одним из интереснейших и сложнейших понятий, изучением которых занимались многие исследователи. Так же, как и обобщенность, неопределенность широко представлена в коммуникации и выявляется в широком наборе средств различных уровней языка. На морфологическом уровне категория неопределенности выражается прежде всего при помощи неопределенного артикля в артиклевых языках. В безартиклевых

языках, к примеру, русском, с этой целью может использоваться оппозиция винительного и родительного падежей.

Одним из основных, общих для разных языков, средств выражения категории неопределенности на лексическом уровне являются неопределенные местоимения. Неопределенные местоимения составляют лексическую группу, которая несет в себе изначально самое приблизительное представление о субъекте [8, 29], содержит неточное указание на предмет или его признак, обозначает их неизвестность. Категорию неопределенности в русском языке реализует также слово *один* в значении «некий» [9, 33], [10, 10], в английском языке нереперентные местоимения *one* и *it* [11]. Использование в высказывании неопределенных местоимений, которые являются основными источниками неопределенности, ведет к «загадочности референции и нечеткости различия между мнением говорящего и интерпретациями его слов» [12, 214]. «Загадочность» референции основывается на невозможности идентификации (опознаваемости) предмета, объекта собеседниками, либо одним из них. Невозможность идентификации обусловлена отсутствием у коммуникантов (или одного из них) какой-либо информации об объекте, позволяющей локализовать его в микромире коммуникантов (или коммуниканта).

Рассмотрим пример деавторизованного высказывания из англоязычной прессы с неопределенным субъектом – источником информации, который выражен неопределенным местоимением в сочетании с существительным: ...*Some analysts are concerned that Beijing, angered by South Korea's decision to host an American anti-missile battery, might lose its appetite for enforcement*; ‘...**Некоторые аналитики высказывают опасения**, что Пекин, который недоволен решением Южной Кореи о размещении американской противоракетной базы, может передумать исполнять обязательства’ (The Washington Post. Sept. 9, 2016). Очевидно, что идентифицировать этих «некоторых аналитиков» читателю не представляется возможным. Весьма вероятно, что адресаты в зависимости от страны, ситуации, взглядов и целого ряда других факторов, под «некоторыми аналитиками» могут понимать или представлять совершенно разные группы людей. Такое разнообразие интерпретаций связано со словом *некоторые*. Сам смысл неопределенного выражения *некоторые аналитики*, по-видимому, дает основание для множественности интерпретаций.

Категория неопределенности в большей степени ориентирована на адресата. Для говорящего имена зачастую соотношены с предметами с самого начала речи, еще до речевого акта, а для адресата – нет. Следовательно, чрезвычайно важным для категории неопределенности является фактор адресата, который принимается во внимание, прежде всего, при введении в речевое сообщение новых, ранее не упоминавшихся предметов. К примеру, когда говорящий вводит в коммуникацию название того или иного предмета, он учитывает, является ли упоминаемый предмет знакомым слушающему или нет. И если говорящий убежден, что данный объект для слушающего является новым, то имя выступает в значении неопределенности.

Категория неопределенности в разных языках также отражается в порядке слов и актуальном членении предложения. Так, в белорусском языке имя, имеющее значение определенности (известности), занимает начальную позицию в предложении, а имя со значением неопределенности (неизвестности) – конечную позицию. В английском языке, напротив, имя со значением неопределенности (неизвестности) обычно занимает начальную позицию.

На синтаксическом уровне категория неопределенности может быть реализована вследствие использования в высказывании номинализованных, неопределенно-личных, безличных и пассивных конструкций [13]. Если глагол номинализованных, неопределенно-личных, безличных и пассивных конструкций принадлежит к одной из четырех семантических разновидностей (речи, мысли, оценки и восприятия), то такие конструкции относятся к деавторизованным, поскольку подразумевают наличие источника информации. Так, в высказывании, отобранном из белорусскоязычной прессы, неопределенный субъект речи устранен из синтаксической структуры предложения: *Нам **паабяцалі**, што ніякага павышанага ажыятажу наконт новых грошай не будзе* (Звезда. 2016, 9 верасня). Как видно из примера, содержащего неопределенно-личную конструкцию, источник информации – субъект речи, тот, кто пообещал, – в высказывании подразумевается, но соотносить его с референтами в реальном мире невозможно. В случаях с устраненным субъектом – источником информации степень деавторизации самая высокая, т.к. под источником информации может подразумеваться кто угодно, при этом круг потенциальных референтов не ограничен даже рамками группы.

Таким образом, одним из наиболее важных различий между неопределенностью и деавторизацией высказывания является тип референции субъекта: субъект конструкции деавторизации в референциальном отношении может быть не только неопределенным, но и обобщенным, что невозможно в случае с категорией неопределенности. К общим между сравниваемыми понятиями характеристикам относятся средства номинации неопределенного субъекта. В частности, для выражения неопределенного субъекта конструкции деавторизации используется ограниченный набор языковых средств различных уровней, стандартных для языкового выражения категории неопределенности: морфологических (неопределенный артикль в английском языке), лексических (неопределенные местоимения), синтаксических (номинализованные, неопределенно-личные, безличные и пассивные конструкции). Некоторые специфические черты обнаруживаются в функционировании общих средств именования неопределенного субъекта. Так, существительное с неопределенным артиклем в конструкции деавторизации может деавторизовать высказывание, только если неопределенный артикль употреблен в значении 'некий', а не является маркером введения нового предмета в рассмотрение. Если в конструкции деавторизации субъект представлен посредством неопределенных местоимений, то он предстает неопознаваемым именно для адресата и в большинстве случаев предполагается известным адресанту, в то время как в случае с категорией неопределенности в отношении субъекта невозможность его идентификации может относиться как к обоим собеседникам, так и к одному из них.

Выводы

Таким образом, в современной англо- и белорусскоязычной прессе в отдельных высказываниях наблюдаются случаи вуалирования или сокрытия источника информации. Деавторизация высказывания возникает вследствие употребления конструкций деавторизации, которые содержат указание на нереперентный субъект – источник информации о предметах, явлениях объективной действительности.

Тесно связанными с деавторизацией высказывания понятиями являются обобщенность и неопределенность, которые демонстрируют общие свойства с исследуемым понятием в способах выражения субъекта конструкций деавторизации: для его номинации используется ограниченный набор средств, стандартных для языкового выражения категорий обобщенности и неопределенности соответственно.

В отличие от обобщенных и неопределенных высказываний, деавторизованные высказывания имеют более сложное строение с дополнительным структурно-семантическим планом. Основные различия между упомянутыми понятиями заключаются в а) типе референции субъекта: в деавторизованном высказывании субъект может быть обобщенным или неопределенным, а в случае с категорией обобщенности – только обобщенным, в случае с категорией неопределенности – неопределенным, б) семантике субъекта: в создании деавторизованного высказывания участвуют четыре семантические разновидности субъекта (речи, мысли, оценки и восприятия), в случае с категориями обобщенности и неопределенности ограничения в семантических разновидностях субъекта отсутствуют.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кормилицына, М. А. Синтаксические способы дезавторизации информации в современных СМИ / М. А. Кормилицына // Вопросы культуры речи. – Вып. 9. – М. : Наука, 2007. – С. 243–249.
2. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – Изд. 3-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 288 с.
3. Cohen, A. M. Think generic!: the meaning and use of generic sentences / A. M. Cohen. – Stanford : CSLI Publications, 1999. – 224 p.
4. Langacker, R. W. Investigations in cognitive grammar / R. W. Langacker. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 2009. – 396 p.
5. Pelletier, F. J. Generics: a philosophical introduction / F. J. Pelletier // Kinds, things, and stuff ; ed. By F.J. Pelletier. – Oxford, N.Y. : Oxford University Press, 2010. – P. 3–15.
6. Гаврилова, Е. Н. Универсальные высказывания как особая коммуникативная единица (на примере публицистики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Е. Н. Гаврилова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1983. – 23 с.
7. Fowler, R. Language in the news: discourse and ideology in the press / R. Fowler. – London, N.Y. : Routledge, 1991. – 254 p.

8. Пеньковский, А. Б. Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.
9. Акимова, О. Б. Об одном способе выражения значения неопределенности в русском языке / О. Б. Акимова // Грамматическое значение предложения и семантика высказывания : межвуз. сб. науч. тр. – М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1987. – С. 33–38.
10. Имеретинская, Н. Д. Неопределенные субъекты в семантической структуре текста (на мат-ле нем. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Д. Имеретинская ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб, 2002. – 17 с.
11. Black, E. Pragmatic stylistics / E. Black. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 166 p.
12. Glock, H.-J. Quine and Davidson on language, thought and reality / H.-J. Glock. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 311 p.
13. Кузьмина, Т. А. Стилистические и прагматические функции неопределенной референции лица в художественном тексте (на материале нем. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. А. Кузьмина ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб, 2004. – 20 с.

Поступила в редакцию 03.10.16

E-mail: basovets@list.ru

I. M. Basovets

CORRELATION OF SENTENCE DEAUTHORIZATION
WITH CONTIGUOUS THEORETICAL CONCEPTS
(on the material of English and Belarusian newspaper texts)

The article focuses on the concept “sentence deauthorization” and defines the markers of its realization on the material of modern English and Belarusian newspaper texts. It is noted that the sentence becomes deauthorized owing to the use of deauthorization structures containing non-referential subject – information source. The article differentiates the concept “sentence deauthorization” from contiguous theoretical concepts: generics and uncertainty. The analysis results in statement of the common and distinctive features of the studied concepts. It is emphasized that generics and uncertainty show similar with deauthorization structures means of expressing the subject. It is defined that the main distinctions between all the mentioned concepts lie both in the subject referential and semantic type and in the more complex structure of the deauthorized sentence having an additional structural-semantic plan.

Keywords and phrases: sentence deauthorization, deauthorization structures, non-referential subject, generics, uncertainty, reference type, semantic subject, additional structural-semantic plan.

УДК 811.161.1' 373

А. В. КавалёваКандыдат філалагічных навук, кафедра англійскай мовы і МВЗМ,
УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, г. Мазыр, Беларусь**ПЕРАЙМЕНАВАННІ ПРЫПЯЦКАГА ПАЛЕССЯ, УТВОРАНЫЯ
АД АПЕЛЯТЫВАЎ З СІМВАЛІЧНЫМ ЗНАЧЭННЕМ**

У артыкуле разглядаюцца перайменаванні Прыпяцкага Палесся XX стагоддзя, утвораныя ад апелятываў з сімвалічным значэннем. Аналізуюцца тапанімічныя асновы новых айконімаў, сярод якіх выяўлены апелятывы, нетыповыя для традыцыйнай айканімічнай сістэмы. Яны матываваны лексемамі, што характарызуюць тып культуры эпохі, сацыяльныя змены, але не ўказваюць на тапаграфічныя асаблівасці паселішча. Устаноўлена, што страчаныя на пазначанай тэрыторыі айконімы з'яўляюцца фіксацыяй гістарычнага антрапанімікона, геаграфічных тэрмінаў, уласцівых для рэгіёна, а таксама ўтрымліваюць назвы гістарычных форм землеўладання і землекарэстання, сацыяльныя рэаліі.

Ключавыя словы: айконім, гістарычная назва, дэнамінацыя, тапанімічная аснова, апелятыў, апелятыў з сімвалічным значэннем, антрапонім, геаграфічны тэрмін, арэал айконімаў.

Уводзіны

Грамадскія і палітычныя змены фіксуюцца лексічным складам мовы. Новая эпоха, новая ідэалогія прыводзяць да з'яўлення неалагізмаў, якія адлюстроўваюць з'явы і рэаліі соцыума. Кастрычніцкія падзеі 1917 года прывялі да з'яўлення “саветызмаў”, “саветагем”. Гэтыя факты савецкай культуры з ідэалагічным кампанентам сведчылі пра тагачасны пралетарскі тып культуры, пра ўзнікненне грамадзяніна новага тыпу, пра дзейнасць і якасці савецкага народа, пра станючыя з'явы часу.

Перайменаванні назваў населеных пунктаў засведчаны ў кожны гістарычны перыяд. Кастрычніцкія падзеі 1917 года адлюстраваліся і ў змене намінацыі айконімаў. Адзінкі, якія выклікалі асацыяцыю з этнонімамі (*Ляхі, Жыдавічы*), рэлігіяй (*Капліца, Манастыр*), з немілагучнымі або “абразлівымі” лексемамі (*Халуй, Мартышкі*), падлягалі замене. Новыя назвы і перайменаванні XX стагоддзя часткова разглядаліся ў даследаваннях Я.М. Адамовіча, Н.А. Багамольнікавай, А.Я. Баханькова, А.А. Валасенка, В.А. Жучкевіча, В.П. Лемцюговай, Л.М. Лыча, Г.М. Мезенка, Я.Н. Рапановіча, А.Ф. Рогалева, Г.А. Цыхуна, В.В. Шура і інш., але недастаткова поўна разгледжаны іх арэальныя адметнасці, пытанні перадачы на беларускую мову, таму што, як вядома, дэнамінацыя такіх адзінак адбывалася на рускай мове, без уліку міжнародных норм і стандартаў.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Значную групу сярод перайменаваных назваў паселішчаў XX стагоддзя ў беларускай айканіміі складаюць найменні, якія ўзыходзяць да апелятываў, што ўмоўна перадаюць абнаўленне жыцця, сімвалізуюць пачатак новай эпохі. Такія адзінкі матываваны лексемамі, якія сведчаць пра грамадскі рух наперад, ідэі сацыяльных змен. Так, назва *Прагрэс* узыходзіць да апелятыва *прагрэс* ‘рух наперад, пераход на больш высокую ступень у развіцці’^{*}, найменне *Росквіт* матывавана агульным назоўнікам *росквіт* ‘найвышэйшая ступень развіцця, уздыму чаго-небудзь’, якія ў адпаведнасці з тагачасным савецкім ідэалагічным вучэннем набылі новы пафасны сэнс, перадаючы ідэалы новага ладу. Сярод такіх назваў паселішчаў вылучаюцца айконімы, матываваныя лексемамі, што ўтрымліваюць выразную ацэначную ці эмацыянальна-экспрэсіўную канатацыю. Так, адзінка *Светлы* ўтворана ад лексемы *светлы* ‘нічым не азмрочаны, шчаслівы, азораны ўнутраным пачуццём радасці, прасякнуты аптымізмам, узнёслы’, айконім *Сонечны* суадносіцца з лексмай *сонечны* ‘асветлены сонцам, радасны, светлы, шчаслівы’. Такія онімы, на думку іх стваральнікаў, павінны былі перадаваць настрой тагачасных сацыяльных пераўтварэнняў,

© Кавалёва А. В., 2016

* У гэтым прыкладзе і далей тлумачэнне апелятыва прыводзіцца па Тлумачальным слоўніку беларускай мовы (Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / рэдкал.: К.К. Атраховіч [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.).

яны выступалі як абавязковыя ў савецкай рэчаіснасці. У тапаніміі былога СССР найменне *Рассвет* засведчана 30 разоў, назвы *Зара* і вытворныя ад яе (*Зара Камунізму*, *Зара Свабоды*) – 54, *Дружба* (*Дружбаўка*, *Дружнае*) – 50, *Камсамол* (*Камсамолец*, *Камсамольск-на-Амуры*) – 125, *Атрадная* – 47, *Шчаслівая* – 12, *Прывольная* – 36, *Вясёлы* і вытворныя ад яе – 99 разоў [1, 230–231].

Перайменаванні ад сімвалічных апелятываў лакалізуецца па ўсёй тэрыторыі Беларусі, але асноўныя арэалы пашырэння найменняў ад апелятываў з сімвалічным значэннем знаходзяцца пераважна ў паўночных раёнах Віцебшчыны, а таксама ва ўсходняй частцы Магілёўшчыны і Гомельшчыны. На тэрыторыі Прыпяцкага Палесся, што абмежавана населенымі пунктамі ў басейне ракі Прыпяць, выяўлены перайменаванні ад сімвалічных апелятываў (гл. малюнак).

Малюнак – Карта-схема “Перайменаванні Прыпяцкага Палесся, утвораныя ад апелятываў з сімвалічным значэннем”

Найбольшая іх колькасць – у Лельчыцкім раёне, пры гэтым усе яны з’явіліся на карце толькі ў 1964 годзе. Так, новае ўтварэнне *Ударная* матывавана лексмай *ударная* ‘звязаная з ударнай працай, ударніцтвам’. Страчанае найменне *Асмаленік* суадносіцца з апелятывам *асмалены* (*абсмалены*) ‘які падпаў пад дзеянне агню, полымя, сонца’. Не выключана і паходжанне ад антрапоніма **Асмола*. У межах гэтага ж раёна фіксуецца назва-кампазіт *Чырвонабярэжжа*, утворанае ад лексемы *бераг* ‘край, паласа зямлі каля вадаёма’ і ад’ектыва *чырвоны*, які набыў сімвалічнае значэнне ‘звязаны з рэвалюцыйнай дзейнасцю, з савецкай дзяржавай, сацыялістычным ладам’. Найменне *Злодзін* паходзіць ад уласнага імя **Злода*. Айконім засведчаны з XVIII стагоддзя як паселішча ў Мазырскім павеце Мінскага ваяводства [3, 39].

Назва-арыенцір *Новае Палессе* суадносіцца з апелятывам *лес* ‘масіў зямлі, зарослы дрэвамі’ або з географічным тэрмінам *палессе* ‘лясістая мясцовасць’. Атрыбутыўны кампанент *новае* паказвае на адносны час узнікнення паселішча. Страчаная назва паселішча *Каросцін*, матываваная антрапонімам *Кароста*, была вядома з XIX стагоддзя як паселішча ў Лельчыцкай воласці Мазырскага павета Мінскай губерні [4, 187]. Гэты онім не засведчаны ў аснове айконімаў,

якія функцыянуюць у сучасным нацыянальным айканіміконе. Існуе меркаванне, што найменне ўзыходзіць да гідроніма *Каростынь* [5, 407].

У Лельчыцкім раёне ў 1964 годзе з'явілася адзінка *Мірнае*, што суадносіцца з лексемай *мірны* (*мірнае*) 'які мае адносіны да міру'. Страчаны айконім *Магільнае* паходзіць ад апелятыва *магіла* (ст.-бел.) 'магільны насып; выкапаны дол, куды апускаюць труну з нябожчыкам' [6, 415]. Новая назва ў форме субстантываванага прыметніка *Пабедная* матывавана лексемай *пабеда* (беларускі адпаведнік *перамога*) 'поспех у змаганні (вайне, баі), поспех у ажыццяўленні чаго-небудзь, дасягнуты ў выніку барацьбы, пераадолення якіх-небудзь цяжкасцей'. Найменне *Стары Фальварак* утворана ад апелятыва *фальварак* 'зямельнае ўладанне феадала', 'невялікі маёнтак'. На Беларусі фальваркі атрымліваюць асаблівае пашырэнне ў XVI стагоддзі, пасля прыняцця "Устава на валокі", у той час маёнтакі буйных і дробных феадалаў маюць назву фальварак. Пасля сялянскай рэформы 1861 года фальваркавая сістэма гаспадарання пайшла на спад. Атрыбутыўны кампанент *Стары* ўказвае на адносны час узнікнення айконіма. Найменне-арыенцір *Падварак* суадносіцца з лексемай *двор* 'населены пункт, паселішча хутарскага тыпу, шляхецкае землеўладанне', 'маёнтак, гаспадарка' [7, 76]. Даследчыкі адносяць тапааснову *двор* да найбольш прадуктыўных у станаўленні ўсходнеславянскай тапаніміі пад уплывам развіцця "форм землеўладання і землекарыстання" [7, 87]. Да 1932 года на Пётрыкаўшчыне існавала старажытная назва *Двор Левандоўскага*, якая таксама ўзыходзіць да апелятыва *двор*. Постпанент *Левандоўскага* ўказвае на прыналежнасць (ад антрапоніма *Левандоўскі*). Яе замяніў айконім *Чырвоная Горка*, што суадносіцца з араграфічным апелятывам *гара* 'ўчастак зямной паверхні, які высокая ўзнімаецца над акаляючай мясцовасцю'. Традыцыйна ад'ектыў *красны* (*чырвоны*) у складзе айконімаў ужываўся са значэннем 'прыгожы', але наватворы савецкага часу маюць сімвалічнае значэнне. У межах сучаснай тэрыторыі Хойніцкага раёна да 1920 года існавала назва паселішча *Двор*, утвораная ад лексемы *двор*. Новае найменне *Чырвоны Араты* з сімвалічным кампанентам *чырвоны* матывавана апелятывам *араты* 'той, хто арэ зямлю, земляроб'.

Да 1930 года ў Хойніцкім раёне лакалізуецца назва з зацемненым паходжаннем *Кліндупаўка*. Яе замяніла новае ўтварэнне *Чырвонае Возера*, матываванае гідраграфічным тэрмінам *возера* 'запоўненае вадой прыроднае паглыбленне сушы, замкнутае ў сваіх берагах' і атрыбутыўнага кампанента *чырвоны* з сімвалічным значэннем. У гэтым жа годзе фіксуецца і перайменаванне *Чырвоная Ніва*, якое суадносіцца з лексемай *ніва* 'апрацаванае пад сяўбу поле'. Страчанае найменне *Ліхтэрня* ўзыходзіць да апелятыва *ліхтэрня* 'прадпрыемства, на якім выраблялі *ліхтэры* – невялікія грузавыя судны тыпу баржы'. У паселішчы жылі продкі немцаў-арандатараў, якія наладзілі вытворчасць *ліхтэраў* або *ліхтэрняў*, калі *ліхтэрня* ад 'ліхтар' (ад ням. *Licht* 'святло, агонь, асвятленне') [8, 68]. Адначасова з папярэдняй назвай узнікла ў Хойніцкім раёне адзінка *Будаўнік*, утворанае ад апелятыва *будаўнік* 'той, хто будзе што-небудзь; працуе на будаўніцтве'. Страчаныя найменні *Паўлаўскае* і *Юр'еўскае* паходзяць, магчыма, ад антрапонімаў *Павел*, *Паўлаў* і *Юрый*, *Юр'еў*.

У Акцябрскім раёне з 1929 года фіксуецца назва *Чырвоная Слабада*, якая ўтрымлівае сімвалічны кампанент *чырвоны* і ўзыходзіць да апелятыва *слабада* 'пасёлак або гарадскі квартал у Расіі, на Беларусі і Украіне ў XI–XVIII стст., жыхары якога не былі прыгоннымі або часова вызваліліся ад падаткаў і іншых павіннасцей, вялікае гандлёвае ці прамысловое сяло, пасёлак'. Зніклая назва паселішча *Германава Слабада* таксама ўтворана ад апелятыва *слабада*, яе атрыбутыўны кампанент *Германава* (ад антрапоніма *Герман*) указвае на пасесіўныя адносіны. Айконімы з назвай *слабада* размешчаны пераважна ў паўночна-ўсходніх і цэнтральных раёнах Беларусі; як тып паселішча слабоды засведчаны з часоў Кіеўскай дзяржавы, а найбольшай інтэнсіўнасці дасягнулі ў XIV–XV стст. [9, 348–349]. У гэтым раёне засведчана назва *Рассвет* (з 1962 года), матываванае рускамоўным апелятывам *рассвет* (беларускі адпаведнік *золак*) 'пачатак світаньня', *світанне* 'час перад усходам сонца, калі пачынае віднець; самы пачатак раніцы'. Яе папярэднік, айконім *Качай-Балота* паходзіць ад геаграфічнага тэрміна *качай-балота* 'дрыгва, багністае балота з раслінным плавам на паверхні' [6, 352].

Перайменаванні, утвораныя ад апелятываў з сімвалічнай канатацыяй, засведчаны і ў Ельскім раёне. З 1928 года існуе найменне *Чырвоны Пільшчык*, якое захоўвае папярэдняю назву *Пільшчык*. Адзінка ўзыходзіць да сімвалічнай у адзначаны перыяд лексемы *чырвоны* і апелятыва *пільшчык* 'рабочы, заняты пілаваннем'. З 1920 года вядомы айконім *Камуна*, што матываваны лексемай *камуна* 'калектыў, група людзей, якія аб'ядналіся для супольнага жыцця пры абагуленні працы і ўсіх сродкаў вытворчасці'. Найменне суадносіцца з назвай першай пралетарскай

рэвалюцыі 1871 года і стварэння першага ўрада рабочага класа, якія ў гісторыі атрымалі назву Парыжскай Камуны. Страчаная назва паселішча з фармантам *-ава Анзельмава* матывавана антрапонімам **Анзельм, *Анзельмаў*. Новае найменне *Авангард* з'явілася ў Калінкавіцкім раёне ў 1937 годзе і паходзіць ад апелятыва з абстрактна-сімвалічным значэннем *авангард* 'найбольш свядомая, вядучая частка якой-небудзь грамадскай групы'. Папярэдняе найменне *Камуна* вядома з 20-х гадоў XX стагоддзя ад назвы калгаса "*Парыжская Камуна*". Замест страчанай назвы *Галякі* ў Калінкавіцкім раёне ўзнікла назва *Навасёлкі*, суадносна з апелятывам *сяло* 'вялікая вёска, гаспадарчы і адміністрацыйны цэнтр для навакольных паселішчаў; любы населены пункт негарадскога тыпу'. Традыцыйна такія адзінкі сведчылі пра паселішча на новым месцы, у савецкі час яны успрымаліся як абноўленыя паселішчы, якія існавалі ў новых рэаліях. Страчанае найменне ў форме множнага ліку *Галякі* ўтворана ад антрапоніма *Галяк, Голяк*.

У Нараўлянскім раёне з 1969 года засведчаны новы айконім *Брацкая*, што ўзыходзіць да лексемы *брацкая (брацкі)* 'якая мае адносіны да брата (усякі чалавек, якога яднае з тым, хто гаворыць, агульнасць радзімы, класавых інтарэсаў, становішча, умоў)'. Страчанае найменне *Шпалзавод* матывавана апелятывам *завод* 'прамысловае прадпрыемства'. Першы кампанент адзінкі дыферэнцуе, падкрэслівае характар дзейнасці прадпрыемства, на базе якога ўзнікла паселішча: *Шпалзавод*. У Брагінскім раёне (з 1935 года) таксама выяўлена новае ўтварэнне *Брацкі* ад лексемы з сімвалічным значэннем *брацкі*. Папярэдні айконім у форме множнага ліку *Макранкі* суадносіцца з лексмай *макранка* 'балоцістае месца на полі, паўнаводная рэчка' [6, 418].

Вывады

У перайменаваннях XX стагоддзя, што лакалізуюцца ў межах Прыпяцкага Палесся, выяўлены новыя адзінкі, матываваныя апелятывамі з сімвалічным значэннем (*Авангард, Пабедная, Рассвет* і інш.). Яны характарызуюць культуру эпохі, сацыяльныя змены, але не з'яўляюцца тыповымі для айканімічнай сістэмы Беларусі. Страчаныя ў выніку перайменаванняў старажытныя айконімы пазначанага рэгіёна (*Двор Левандоўскага, Ліхтэрня, Стары Фальварак, Анзельмава, Кліндупаўка*) указвалі на традыцыйныя тыпы пасялення, асаблівасці грамадскага жыцця і вытворчасці, зафіксавалі антрапонімы, характэрныя для іменавання асоб у час узнікнення паселішча.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Мурзаев, Э. М. Топонимика и география / Э. М. Мурзаев ; Рос. акад. наук, Ин-т географии. – М. : Наука, 1995. – 304 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.
3. Гароды і вёскі Беларусі : энцыкл. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2005. – Т. 2; Кн. 2 : Гомел. вобл. – 517 с.
4. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 505 с.
5. Хроніка Убарцкага Палесся / аўтар-уклад. А. І. Атнагулаў ; навук. рэд. В. Л. Насевіч. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 496 с.
6. Яшкін, І. Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія / І. Я. Яшкін. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – 808 с.
7. Лемцюгова, В. П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения: названия типов поселений / В. П. Лемцюгова. – Минск : Наука и техника, 1983. – 198 с.
8. Багамольнікава, Н. А. Тапанімія Гомельшчыны: структурна-семантычная характарыстыка: манаграфія / Н. А. Багамольнікава. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. – 242 с.
9. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распяваюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Літаратура і Искусство, 2008. – 416 с.

Поступила в редакцию 03.03.16

E-mail: alena.kavaliova@gmx.de

Alena V. Kavaliova

DENOMINATION OF PRIPYAT' POLESSYE PLACE NAMES,
WHICH ARE BASED ON THE APPELLATIVES WITH SYMBOLIC MEANING

The article deals with the denomination of the place names in Pripyat' Polesse, which are based on the appellatives with symbolic meaning. The toponymic stems of the new oikonyms are analyzed, among them there are appellatives, which are not typical for the traditional toponymic system, they are motivated by the lexemes, which characterize the cultural type of the epoch, social changes, but they don't specify topographic features of the place. It is revealed, that the lost oikonyms of Pripyat' Polesse register the historical anthonymicon, geographical terms, which are typical in the region, they contain the notions of the historical kinds of landownership and land tenure, social features.

Keywords: oikonym, historical name, denomination, toponymic stems, appellative, appellatives with symbolic meaning, anthonym, geographical term, area of oikonyms.

МГІІУ ІМ. І.П.Шамякінска

УДК 821.161.3

П. Р. Кошман

Кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры беларускай і рускай філалогіі,
УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, г. Мазыр, Беларусь

**АСАБЛІВАСЦІ БУДОВЫ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ВОБРАЗА СВЕТУ
Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ ТРАДЫЦЫІ**

У артыкуле разглядаецца будова нацыянальнага вобраза свету ў беларускай літаратурнай традыцыі, вызначаецца пераемнасць у яго структуры вобразаў-архетыпаў і літаратурных этнавообразаў, паказваецца ўзаемадзеянне лакальнага і агульнанацыянальнага ўзроўняў мастацкага спасціжэння свайго свету, раскрываюцца асноўныя падыходы да ўспрымання свету чужога.

Ключавыя словы: нацыянальны вобраз свету, архетып, літаратурны этнаобраз, літаратурная імагалогія, беларуская літаратура.

Уводзіны

На мяжы XX і XXI стагоддзяў у сферы традыцыйнай літаратуразнаўчай праблематыкі, звязанай з пазнаннем нацыянальнай спецыфікі мастацтва слова, асабліваю ўвагу даследчыкаў прыцягнулі магчымасці нацыянальных літаратур у выяўленні і фарміраванні светапогляднай асновы тых людскіх супольнасцей, да якіх яны належаць. Прызнанне каштоўнасці культурнай разнастайнасці чалавецтва, зробленае ў гэты час у кантэксце супрацьстаяння працэсам глабалізацыі, садзейнічала актуалізацыі ў навуковым дыскурсе тэмы рэпрэзентацыі нацыянальнага быцця мастацтвам слова і замацаванню за ёй статусу аднаго з прыярытэтных даследчыцкіх кірункаў сучаснага параўнальнага літаратуразнаўства. У апошнія дзесяцігоддзе яго ўкраінскімі (Д. Налівайка, В. Будны) і расійскімі прадстаўнікамі (В. Хораў, В. Зямскоў, А. Палякоў) актыўна распрацоўваецца праблемнае поле літаратурнай імагалогіі – новай галіны кампаратывістыкі, прадметам даследавання якой з'яўляюцца вобразы свайго нацыянальнага свету і свету прадстаўнікоў іншых нацыянальных супольнасцей. Мэта дадзенага артыкула заключаецца ў тым, каб, выкарыстоўваючы тэарэтыка-метадалагічныя падыходы літаратурнай імагалогіі, вызначыць у кантэксце развіцця беларускай літаратурнай традыцыі асаблівасці структуры нацыянальнага вобраза свету.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

У практыцы даследавання катэгорыі мастацкага вобраза заўсёды лічыцца важным адзначыць тую адметную частку яго зместу, якая выяўляе індывідуальнасць творчага мыслення пісьменніка. У сваю чаргу праблема ўвасаблення нацыянальнага вылучае ў мастацкім вобразе той узровень непаўторнасці, які абумоўлены шэрагам пэўных жыццёвых абставін, што звязваюць аўтара з унікальным культурным і прыродным асяроддзем. Як і кожны чалавек, пісьменнік фарміруецца пад уплывам канкрэтнага часу, мясцовасці, акаляючага грамадства, а таму адлюстроўвае праз уласнае бачанне свету не толькі асабістыя, але і тыя агульныя ўяўленнямі, якія ўказваюць на яго прыналежнасць да людской супольнасці і залежнасць ад яе калектыўнага досведу. Гэтае светапогоднае адзінства найлепш раскрываецца ў кантэксце літаратурнай традыцыі, выяўляе сябе праз увагу розных пакаленняў пісьменнікаў да адных і тых жа дэталей, тэм, праблем і характарызуецца ўстойлівасцю дадзеных ім ідэйна-эстэтычных ацэнак.

Узятыя паасобку ў мастацкім творы носыбіты нацыянальнага сэнсу, могуць быць разгледжаны як каларытная мастацкая дэталі, этнаграфічны кампанент, фальклорны або міфалагічны матыў, этнічны стэрэатып, топас і г. д. Разам з тым агульная функцыянальная скіраванасць дадзеных элементаў на фарміраванне цэласнага ўяўлення пра быццё нацыі абумоўлівае неабходнасць вызначэння для іх адмысловага літаратуразнаўчага паняцця. З гэтай нагоды заслугоўвае ўвагі тэрмін "літаратурны этнаобраз", пад якім украінскі навуковец В. Будны прапануе разумець "такі літаратурны вобраз, які канструюе не толькі індывідуальныя рысы, але і этнічную (нацыянальную) ідэнтычнасць выяўленых персанажаў, краявідаў або гістарычнага

мінулага, падаючы пэўныя іх прыкметы як "тыповыя" для дадзенай краіны, "характэрныя" для цэлага народа" [1].

Літаратурныя этнавообразы з'яўляюцца базавымі элементамі выражэння нацыянальнага бачання свету, тымі шматлікімі кропкамі апоры, на якіх выбудоўваецца ідэнтыфікацыя нацыі ў гістарычнай і географічнай карцінах свету, а таксама ў адносінах з іншымі супольнасцямі. Узаемасувязь літаратурных этнавообразаў, прадстаўленых у мастацкай традыцыі пэўнай нацыі ў колькасці, дастатковай для таго, каб рэпрэзентаваць спецыфіку яе супольных уяўленняў пра чалавека і грамадства, прастору і час іх быцця, вызначае ў нашым разуменні змест паняцця "нацыянальны вобраз свету". Уласна кажучы, даследаванне нацыянальнага вобраза свету ў мастацкай літаратуры – гэта вылучэнне ў існуючым мностве індывідуальна-аўтарскіх варыянтаў асэнсавання рэчаіснасці тых канцэптаў, якія сведчаць аб светапоглядным адзінстве пісьменнікаў як прадстаўнікоў адной нацыянальнай супольнасці.

Пошук у літаратурнай традыцыі адзнак калектыўнага светапогляду прыцягвае ўвагу даследчыкаў нацыянальнай праблематыкі да паняцця архетып, уведзенага ў навуковы ўжытак псіхологам К. Юнгам для вызначэння вобразаў калектыўнага бессвядомага. У сучаснай гуманітарнай навуцы архетыпы разглядаюцца "ў якасці ўстойлівых структур апрацоўкі, захавання і рэпрэзентацыі калектыўнага вопыту" [2, 30] і падзяляюцца на ўніверсальныя, якія ўласцівы ўсяму чалавецтву, і этнічныя, якія "адлюстроўваюць і адначасова ў пэўным сэнсе вызначаюць адметныя рысы ментальнасці, характару, гістарычнага лёсу таго ці іншага народа" [2, 31].

Натуральнай сферай бытавання архетыпаў з'яўляецца міфалагічная і фальклорная спадчына, трапляючы ў літаратуру, яны становяцца мастацкім сведчаннем быцця нацыі, яе адзінства і ўстойлівасці развіцця. Я. Гарадніцкі, напрыклад, адзначае наяўнасць такіх сувязей з "адвечнымі мадэлямі светаўладкавання" [3, 59] ў творах Я. Купалы на тэматычным, вобразным і нават рытміка-інтанацыйным узроўнях. Апошнія ўяўляюцца асабліва складаным для даследавання, бо ў крытэрыях ацэнкі вартасці паэтычнага стылю такія рысы, як арыгінальнасць, індывідуальнасць, цалкам пераважаюць над перайманнем. Больш відавочным для выяўлення тыпалогіі нацыянальнага з'яўляецца той вобразны і тэматычны ўзровень, на якім і адбываецца узаемадзеянне вобразаў-архетыпаў і згаданых вышэй літаратурных этнавообразаў. Па сутнасці, гэтыя два рэпрэзентатыўныя элементы нацыянальнага ў мастацкім слове маюць блізкі змест, адлюстроўваюць аднакі духоўнага і матэрыяльнага быцця адной і той жа людскай супольнасці, выконваюць аднолькавыя задачы. Розніца паміж імі абумоўлена тым, што архетып абавязкова мае міфалагічнае паходжанне і глыбокую традыцыю бытавання, у той час як літаратурны этнаобраз азначае больш шырокае паняцце, можа быць вынайздзены аўтарам і, адпаведна, мець бачную гісторыю мастацкага асэнсавання.

Структура нацыянальнага вобраза свету выбудоўваецца ў літаратуры такім чынам, што яе падмурак складаецца менавіта з тых пракаветных, устойлівых уяўленняў, якімі з'яўляюцца архетыпы. Увасобленыя ў мастацкай традыцыі, яны перастаюць быць неўсвядомленымі вобразамі, паколькі з часам раскрываюць сваю значнасць і пачынаюць цалкам свядома ўжывацца для рэпрэзентацыі нацыянальнага свету. Так, пісьменнікі Беларусі XIX ст., закладаючы асновы нацыянальнай мастацкай свядомасці праз перайманне вобразаў і матываў мясцовага фальклору, нанеслі першыя адценні беларускасці на такія важныя вобразы-архетыпы, як лес, курган, зямля, родная хата. Адштурхоўваючыся ад гэтай архетыповай асновы, працэс далейшага асваення акаляючага свету, "беларусізацыі" яго духоўнай і матэрыяльнай частак дазволіў айчыннай літаратуры адкрываць ужо новыя арыгінальныя, раней не спазнання вобразы (беларус-селянін, родная мова, васількі, скрыжаванне дарог і інш.), якія сталі знакавымі для беларускай нацыянальнай супольнасці.

Беларуская літаратура XIX – пачатку XX ст. з'явілася той творчай пляцоўкай, на якой адбывалася фарміраванне мастацкай мадэлі беларускага свету, вызначаліся яго географічныя і гістарычныя параметры, апрабоўваліся розныя варыянты ідэйна-эстэтычнага іміджу. Натуральна, што з таго часу ў мастацкім успрымання с'ябе (аўтавобраз) адбыліся пэўныя змены. Архетып зямлі на сённяшні дзень, напрыклад, аказаўся больш звязаным з экалагічнай тэматыкай і не мае таго сацыяльнага зместу ў выражэнні нацыянальнага светабачання, якім ён валодаў у беларускай літаратуры пачатку XX ст. У сваю чаргу вобраз шляхціца пазбавіўся ад традыцыі адназначнага негатыўнага ўспрымання і заняў належнае месца ў сучаснай гістарычнай прозе сярод пазнавальных нацыянальных персанажаў. Гэтыя і іншыя перамены сведчаць, што афармленне нацыянальнага вобраза свету залежыць ад гістарычных абставін, але самі элементы яго

канструкцыі не знікаюць бяследна. Як відаць, традыцыя асэнсавання аўтавобраза мае той самы характар "напластавання", які быў вызначаны В. Зямсковым у дачыненні да вобраза *ініага* свету. "Старое, – па словах даследчыка, – ніколі не знікае і заўсёды можа ўзнікнуць з глыбінь гісторыі ў абставінах, якія актывізуюць памяць рэцыпіента аб "іншым", і ў тым, што датычыцца яго "станоўчых", і ў тым, што датычыцца яго "адмоўных" бакоў" [4].

Пачатак традыцыі напаўнення мастацкай формы нацыянальным зместам быў звязаны ў беларускай літаратуры найперш з эстэтызацыяй мясцовай прыроды. У свой час М. Багдановіч, праводзячы прамую аналогію паміж адзнакамі беларускага ландшафту і вартасцямі беларускай літаратуры, указваў на неабходнасць забеспячэння своеасаблівай пераемнасці паміж імі. "Край беларускі, – казаў паэт, – лясісты і балотысты. Вось нам і трэба стварыць паэзію лесу, паэзію дрыгвы. Украінская стыхія – стэп, у нас наша стыхія – лес і балота. Тут ёсць свая адменная краса, адменная рытміка, адменны чар. Трэба іх падгледзець, знайсці і вынесці на шырокі свет..." [5, 27]. У мастацкай літаратуры замацаваўся тыповы беларускі краявід, прадстаўлены малюнкам асвоенай чалавекам прасторы (сялянскі двор, ралля, жніво і інш.), з якой непасрэдна мяжуюць вобразы некранутай прыроды – лес, балота, рака. Дадзены пейзаж не толькі акрэсліў тую прастору, якая была асэнсавана беларускім этнасам як свая ўласная, але і ўвасобіў у суладнасці існавання тутэйшага чалавека і навакольнага свету канцэптуальную аснову нацыянальнага быцця.

Вывяўленне гармоніі чалавека і прыроды, абумоўленае ў многім захаванасцю ў фальклоры беларусаў рэшткаў пантэістычнага светаўспрымання, стала адметнай рысай айчыннай мастацкай свядомасці і адной з найважнейшых характарыстык, дадзеных ёю вобразу свайго свету. Непасрэдна ў прасторавай праекцыі мастацкай мадэлі нацыянальнага быцця яна арганічна суаднеслася з пісьменніцкім культам малой радзімы. Вобраз вядомых з дзяцінства мясцін, песна знітаваны ў памяці з гэтай шчаслівай парой, звычайна ідэалізаваўся аўтарамі, увасабляў свой натуральны, "прыродны" ўклад жыцця ў процівагу іншаму, вялікаму свету людскай цывілізацыі. Дадзенае супрацьпастаўленне прасочваецца ў многіх знакавых для рэпрэзентацыі нацыянальнага свету творах. Засценак шляхціца Завальні Я. Баршчэўскага, леснікова сядзіба Якуба Коласа, "роднае карэнне" Малой Багацькаўкі М. Гарэцкага, палескія Курані І. Мележа – гэта далёка няпоўны шэраг тых хрэстаматыйных тапанімічных вобразаў, якія засведчылі прыярытэт рэгіянальнага ў асэнсаванні беларускай літаратурай сваёй Бацькаўшчыны і адначасова замацавалі ў змесце гэтага вобраза рысы патрыярхальнасці і нават правінцыйнасці. Заўважым, што ў святле кансерватыўнага беларускага менталітэту такая афарбоўка не аказвала негатыўнага ўплыву на імідж роднага краю, а наадварот, выглядала пераважна яго станоўчай характарыстыкай.

Беларуская літаратура назапасіла вялікую колькасць унікальных гісторыка-геаграфічных вобразаў, з абсягамі якіх аўтары ідэнтыфікавалі сябе, атаясамлівалі свой свет. Аднак уявіць на іх аснове адзіны вобраз Радзімы дастаткова складана па прычыне яго шматмернасці, мазаічнасці. Апафеоз малой радзімы, нягледзячы на ўласцівы яму шчыры патрыятызм, абмяжоўваў разуменне свайго лакальнымі маштабамі і тым самым стрымліваў выпрацоўку ў літаратурнай традыцыі агульнага панарамнага бачання нацыянальнага свету. Прынамсі, тая перманентная для беларускай мастацкай свядомасці перавага, якой пры вызначэнні найважнейшай кропкі сусвету валодае ў вачах пісьменніка край яго маленства, падмяняла сабой доўгі час вырашэнне пытання аб цэнтры нацыянальнага свету. У XX ст. на гэтую ролю эпізодычна вылучаліся пісьменнікамі такія значныя ў беларускай гісторыі гарады, як Полацк, Вільня, Гародня. Пачынаючы з другой паловы мінулага стагоддзя, беларуская літаратура паступова засяроджвае ўвагу на вобразе Мінска, аддаючы тым самым належнае сталічнаму статусу горада, а таксама яго ролі ў нядаўніх падзеях Вялікай Айчыннай вайны ("Гандлярка і паэт", "Сэрца на далоні" І. Шамякіна, "Мінскі напрамак" І. Мележа). У межах эпічнага асэнсавання гэтай тэмы, што выконвала ў савецкі час функцыю аднаго з галоўных індыкатараў беларускасці, сталіца краіны стала ўспрымацца сімвалам гераізму і трагедыі ўсяго беларускага народа. Такім чынам, вобраз Мінска, на наш погляд, упершыню, замацаваўся ў тым агульнанацыянальным ідэалагічным кантэксце, захаванне і актуалізацыя ў якім працягваецца беларускай літаратурай і па сённяшні дзень.

Звяртае ўвагу на сябе той факт, што праблема вылучэння цэнтра непасрэдна актывізуе гістарычнае вымярэнне мастацкай мадэлі свайго свету. Агульнанацыянальны статус вобраза сталіцы, яго цывілізацыйная семантыка ў адрозненне ад пазачасавага правінцыйнага вобраза малой радзімы грунтуецца не на асабістай біяграфіі аўтара, хаця і не выключае яе, а на ўсведамленні агульнага гістарычнага лёсу народа. У сістэме нацыянальных уяўленняў аб часе свайго існавання, дзе ўзнікненне кожнага горада ўспрымаецца як важная падзея мінулага,

вылучэнне сталіцы ў цэлым азначае пачатак нацыянальнай гісторыі. Памяць нацыі, уяўленне ёю свайго супольнага гістарычнага вопыту звычайна абапіраецца на тыя часы, калі яе як усвядомленай людскай супольнасці яшчэ не існавала. Паэтычныя фраза Р. Барадуліна "ад Полацку пачаўся свет" – выдатна перадае тую прасторавую і часавую дамінанту, з якой у айчыннай літаратурнай традыцыі звязваюцца вытокі беларускасці. Яе храналагічнае напаўненне непасрэдна аказваецца знітаным са знакавымі падзеямі мінулага: перамогамі і паражэннямі Вялікага Княства Літоўскага, паўстаннем 1863 года, калектывізацыяй і рэпрэсіямі, Вялікай Айчыннай вайной, чарнобыльскай аварыяй і постчарнобыльскім жыццём. Усе гэтыя вобразы з'яўляюцца рэпрэзентатыўнымі гістарычнымі мадэлямі нацыянальнага вобраза свету, тымі яго базавымі элементамі, якія змяшчаюць вельмі важныя для нацыянальнай ідэнтычнасці міфалагічныя канструкцыі пра паходжанне нацыі, яе залаты век, страчаны рай і перажытую трагедыю.

Выяўленне цэнтра свайго свету і пункта адліку яго гістарычнага часу з'яўляецца асновай цэласнасці структуры аўтавобраза, у той час як цалкам завершаны вобраз надае яму катэгорыя мяжы. Уласна кажучы, вобраз свайго свету заканчваецца там, дзе пачынаецца свет *іншы, чужы*, без існавання гэтага *другога* немагчыма ўсвядоміць *сябе*. У прасторавым аспекце гэта азначае асэнсаванне вобраза іншай краіны, якое адбываецца на аснове супастаўлення з ведамі і ўяўленнямі пра свой родны край і такім чынам з'яўляецца дастаткова суб'ектыўным. Зручны мастацкі ход для выяўлення вобраза іншай краіны, правядзення мяжы паміж сваім і чужым прадстаўляюць у літаратуры прыгодніцкія і падарожныя сюжэты, у якіх ствараецца сітуацыя непасрэднага дакранання да свету іншага. Аднак нацыянальная мастацкая свядомасць вызначаецца этнацэнтрнасцю і толькі зрэдку скіроўвае свой погляд на іншыя краіны. Нягледзячы на важныя ў гэтым плане для беларускай літаратуры творы ("Жыцце Еўфрасіні Полацкай", "Авантуры майго жыцця" С. Пільштыновай, прыгодніцкія апавесці Я. Маўра), экзатычны вобраз "іншага" ў ёй не замацаваўся. Адметнасць трактоўкі беларускімі аўтарамі іншых краін добра перадае паэтычны афарызм "каб любіць Беларусь нашу мілую, трэба ў розных краях пабываць". Эмацыянальнай дамінантай успрымання вобраза чужбіны ў беларускай літаратурнай традыцыі з'яўляецца не захапленне яе інакшасцю, а тое пачуццё адарванасці ад сваёй радзімы, якое добра вядома беларускаму чытачу па паэме "Песня пра зубра" М. Гусоўскага ці "Крымскіх санетах" А. Міцкевіча.

У айчыннай літаратурнай традыцыі вобраз іншага часцей за ўсё раскрываецца ў кантэксце асэнсавання аўтарамі зместу свайго свету, паўстае ў якасці таго чужароднага элемента, з дапамогай якога лепш праяўляецца беларускасць. У гэтым плане арыгінальнай спробай пазнання зместу роднага краю з'яўляецца яго выяўленне ў выглядзе той незвычайнай, экзатычнай краіны, якой яна бачыцца прадстаўнікам іншых этнасаў ("Сівая легенда" У. Караткевіча, "Сны імператара" У. Арлова). Аднак успрыманне постаці іншага ў беларускай літаратуры пераважна абумоўлена міфалагічнай карцінай свету, у адпаведнасці з якой дадзены вобраз рэзка супрацьпастаўляецца вобразу "Я", вызначаецца негатыўнай семантыкай, дэманізуецца. Такі падыход ляжыць у аснове літаратурнай традыцыі выяўлення чужога (вобразы чарнакніжніка і Белай Сарокі ў апавесці "Шляхціц Завальня" Я. Баршчэўскага) і да сённяшняга часу застаецца эфектыўным сродкам актуалізацыі пачуцця нацыянальнага самазахавання, пра што сведчаць апавесці сучасных беларускіх аўтараў: Ю. Станкевіча "Любіць ноч – права пацукоў", Ф. Сіўко "Удог".

Вывады

Такім чынам, структура нацыянальнага вобраза свету ў беларускай літаратуры характарызуецца наяўнасцю дзвюх мадэлей яго мастацкага ўвасаблення: канцэпту малой радзімы, аформленага пераважна ў выніку пераймання светапогляднай народнай традыцыі, і вобраза Беларусі, звязанага з вылучэннем аўтарамі катэгорыі агульнанацыянальнай самабытнасці. Іх ўзаемадзеянне дазволіла выявіць у літаратурнай традыцыі тыя светапоглядныя і гісторыка-геаграфічныя арыенціры, якія вызначаюць аснову беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Будный, В. Розгадка чарів Цірцеі: нацыянальныя образы та стэратыпы восвітленні літаратурной этноімагологіі : [Электронний ресурс] / В. Будный // Слово і час. – 2007. – № 3. – Рэжым доступу : <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/11392/07-Budnyy.pdf>. – Дата доступу : 30.09.2016.

2. Дубянецкі, Э. С. Архетып культуры / Э. С. Дубянецкі // Культуралогія: Энцыклапедычны даведнік / Э. С. Дубянецкі. – Мінск : БелЭн, 2003. – С. 30–31.
3. Гарадніцкі, Я. Паэтыка беларускай літаратуры XX стагоддзя: суб'ектыўна-аб'ектыўныя адносіны / Я. Гарадніцкі. – Мінск : Беларуская навука, 2010. – 322 с.
4. Земсков, В. Б. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) / В. Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. Литературоведение. – 2006. – № 1. – Режим доступа : http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=37&binn_gubrik_pl_articles=246. – Дата доступа : 30.09.2016.
5. Ластоўскі, В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічу / В. Ластоўскі // На суд гісторыі: успаміны, дыялогі / уклад. Б. І. Сачанка. – Мінск : Маст. літ., 1994. – С. 24–31.

Поступила в редакцию 06.10.16

E-mail: pauloko7h@gmail.com

P. R. Koshman

PECULIARITIES OF NATIONAL IMAGE OF THE WORLD BUILDING IN THE BELARUSIAN LITERARY TRADITION

The article is devoted to building of national image of the world in the Belarusian literary tradition; continuity in the structure of images- archetypes and literary ethno-images is observed; cooperation of local and general national levels of artistic discovery is shown; basic approaches to view of strange world are determined.

Keywords: National image of the world, archetype, literary ethno-image, literary imagology, Belarusian literature.

УДК 811.161.1.06

Т. В. Лобан

Аспирант кафедры русского, общего и славянского языкознания,
ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь
Научный руководитель: Кураш С. Б., к. ф. н., доцент,
зав. каф. белорусской и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Беларусь

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена прецедентным феноменам (ПФ) англоязычной лингвокультуры, функционирующим в коммуникативном пространстве современного русского языка. Рассматривается трактовка термина «прецедентный феномен», анализируются различные варианты его понимания в трудах современных лингвистов, определяются категориальные признаки ПФ, их структура и типология, намечаются перспективы развития теории прецедентности.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя, теория прецедентности, термин, классификация, методы исследования.

Введение

Инокультурные прецедентные феномены – это результат кросс-культурного общения, которое ускоряет процессы современной глобализации общества за счет интенсификации различных способов международной коммуникации: современных компьютерных технологий, научно-исследовательских и просветительских проектов, культурных обменов и т. п.

Выезжающие за рубеж с различными целями стремятся больше узнать о стране пребывания, приобщаются к традициям и нравам иностранцев, активно изучают их язык. Одним из эффективных способов усвоения «иноземной» культуры является освоение прецедентных феноменов (ПФ), или, как определила их Е. Д. Горячева, «готовых блоков» для переработки получаемой информации в процессе коммуникации, вызывающие прогнозируемые ассоциации, которые одинаковы для представителей одного лингвокультурного сообщества [1].

Человек, как известно, является носителем не только языка, но и культуры. Взаимопонимание между адресатом и адресантом будет достигнуто, если присутствует общность фоновых знаний обоих участников коммуникации. По мнению Д. Б. Гудкова, «именно владение знаниями и представлениями, входящими в когнитивную базу и имеющими надличностный инвариантный характер, позволяет индивиду ориентироваться в пространстве соответствующей культуры и действовать по ее законам» [2]. «Основу фоновых знаний коммуникантов, – пишет Ю.В. Веденёва, – и составляют прецедентные феномены» [3].

Результаты исследования и их обсуждение

Принято считать, что разработка теории прецедентности началась с выступления Ю.Н. Караулова на «VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы» в 1986 г. на тему «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности». Стратегии методологии прецедентности стали активно разрабатываться только в конце XX – начале XXI века. Системность изучению феномена прецедентности придали исследования Ю.Н. Караулова (1986) [4].

Как справедливо отметила Н. В. Петрова, «термин “прецедентный текст” оказался востребованным в среде ученых, в результате чего в ходе своего эволюционного развития... приобрел множество «терминов-собратьев», включающих в свой состав определение “прецедентный”; наряду с узким толкованием получил широкую трактовку; явился объектом дифференцированного подхода к изучению; расширил свое изначальное терминологическое значение за счет уточнения понятийных составляющих термина» [5].

Таким образом, накопление исследовательского материала по данной проблеме позволило учёным не только определить понятие «*прецедентный феномен*» как родовое (гипероним), но и выделить его видовые разновидности (гипонимы), что и представлено в таблице.

Таблица – Категориальный аппарат теории прецедентности

№	Название ПФ	Сокращенный вариант названия	Источник происхождения	Примеры ПФ
1.	Прецедентный текст	ПТ	Хрестоматийные произведения художественной культуры	«Повелитель мух» (<i>p-n У. Голдинга</i>)
			Анекдоты	«Британские ученые выяснили, что наибольшее число британских ученых проживает в Британии»
			Тексты песен	«Show must go on» (<i>гр. «Queen»</i>)
			Реклама	«Всегда Coca-Cola» (<i>слоган ком. «Coca-Cola»</i>)
			Мифы	«Гоблины» (<i>сверхъест. человекопод. созд.</i>)
			Произведения устного народного творчества	«Робин Гуд» (<i>гер. средневек. англ. б-д</i>)
			Библейские тексты	«Всякой твари по паре» (<i>Бытие, Глава 7</i>)
			Публицистические тексты историко-философского и политического характера	««Железная леди» становится ядерной. Новый британский премьер ужесточает политику по отношению к Брюсселю в Москве» (<i>газ. «Коммерсант.ru»</i>)
2.	Прецедентная ситуация	ПС	Реальное событие, оставившее свой след в истории какого-либо лингвокультурного сообщества	9/11 или одиннадцатое сентября (<i>день, ознам. в истории США серией самоук. террор. акт.</i>)
			Факт (случай) из жизни какого-либо известного человека	«Ньютон и яблоко»
3.	Прецедентное высказывание	ПВ	Цитата из тестов различного характера:	
			из произведений художественной литературы, песен	«We are the champions, my friends» (<i>гр. «Queen»</i>)
			из устной коммуникации	«I love you»
			из фрагментов кинофильмов	«Good bye, America» (<i>из к/ф «Брат-2, гр. Nautilus Pompilius»</i>)
4.	Прецедентное имя	ПИ	имена собственные реальных исторических лиц	«Маргарет Тэтчер»
			имена литературных персонажей	«Гарри Поттер»
			мифонимы	«Геркулес»

Общность подходов в трактовке дефиниций основных прецедентных типов прослеживается в работах Ю. Е. Прохорова [6], Д. Б. Гудкова [2], В. В. Красных [7] и др., поэтому в нашем исследовании мы оперируем определениями Ю. Е. Прохорова, которые прочно закрепились в современной лингвистике.

Так, в современной лингвистике под *прецедентным текстом* понимается «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак», знакомый «любому среднему члену лингвокультурного сообщества»; «обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [6].

Прецедентное высказывание – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть и не быть предикативной». Типичным прецедентным высказыванием является цитата» [6].

Под *прецедентной ситуацией* понимается «некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями». Примером прецедентной ситуации может служить ситуация предательства Иудой Христа, которая понимается как эталон предательства вообще» [6].

Прецедентное имя – это «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (например, Обломов, Тарас Бульба), или 2) с ситуацией, широко известной носителям и выступающей как прецедентная (например, Иван Сусанин, Колумб)» [6].

«География» научных изысканий прецедентных феноменов в конце XX века расширилась и, как утверждает Н. В. Петрова, породила терминологические производные данного понятия. Ученые дополнительно выделили такие понятия, как «прецедентная текстовая реминисценция» [Супрун, 1995, Прохоров, 1996] («Моё изречение: существует четыре вида лжи: ложь, наглая ложь, статистика и журналистика», *из интернет-форума, восх. к изреч. М. Твена «Существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика»*), «прецедентные онимы» [Фомин, 2003] (*М. Тэтчер, У. Шекспир*), «прецедентный топоним» [Березович, 2002] (*Хиросима и Нагасаки*), «прецедентный жанр» [Проскурина, 2004] (*английский детектив*), «прецедентный мир» [Красных, 1998; Слышкин, 2000; Балашова, 2008] (*«Властелин колец», «Звездные войны», «Гарри Поттер и философский камень»*), «прецедентный образ» [Чумак-Жунь, 2005] («Дядя Сэм») [5].

Таким образом, разрабатывая теорию прецедентности, которая взаимосвязана с теорией интертекстуальности, исследователи подошли к еще одной, широкой, трактовке термина с определением «прецедентный» – *прецедентный мир*.

Возникновение этого нового терминологического обозначения (*прецедентный мир*) обусловлено междисциплинарным характером ПФ, который сегодня стал объектом изучения многих научных дисциплин: лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, межкультурной коммуникации и др.

Прецедентный мир, по словам Л. В. Балашовой, это «комплексные лингвоконцептологические образования, интегрирующие отдельные прецедентные феномены» [8]. В свою очередь Г. Г. Слышкин понимает *прецедентный мир*, как «сложный элемент концептосферы, объединяющий концепты единичных прецедентных феноменов, находящиеся в системной взаимосвязи и регулярно функционирующие в коммуникации в различных комбинациях друг с другом; при этом «концептуализируемые прецедентные миры могут быть плодом авторского воображения и входить в сознание носителей культуры в результате знакомства с художественными текстами» [9] (прецедентный мир английского писателя Дж. Р. Р. Толкина (В. В. Сидорова)) [10].

В работах Л. Талми [11] и Н. А. Голубевой [12] рассматриваются *прецедентные единицы* – когнитивные знаки, которые «функционируют как образцовые языковые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов и представленные в речи определенными вербальными сигналами, которые актуализируют стандартное или нестандартное (по своей креативности) содержание» [12].

«Формируя номинативную систему, – пишет Л. Талми, – прецедентные единицы представляют собой совокупность разнородных формальных, грамматических, лексических и прагматических средств языка, которые объединяются в сложное целое, созданное по единой, понятийно-знаковой когнитивно-значимой модели – *прецедентеме*. Прецедентеме реализуют разноуровневые лингвоментально ценные единицы, слова-понятия, которые имеют прецедентное значение, а именно: фактичность знания о событии, предмете, образе, его качестве или свойстве» [11].

Следует отметить, что общность позиций ученых наблюдается в выработке категориальных характеристик прецедентов: производность, ментальность, стереотипность (повторяемость, узнаваемость), гетеронимативность (номинативно-знаковая вариативность), реляционность, отсылочность, репрезентационность, лингвокреативность (неординарность, словотворческое новаторство) [11].

Вслед за В. В. Красных и Д. Б. Гудковым систематизацию прецедентных феноменов осуществляет Ю. Е. Прохоров, соотнося данное понятие с уровнями языковой личности. Ученый выделяет четыре уровня ПФ, носителем которых является языковая личность:

- «как индивидуум» – первый уровень (автопрецедентный);
- «как член определенного социума» – второй уровень (социумно-прецедентный);
- «как член определенного национально-культурного сообщества» – третий уровень (национально-прецедентный);
- «как член рода человеческого» – четвертый уровень (универсально-прецедентный) [6].

В. В. Красных в своих работах исключает автопрецеденты и настаивает на трехуровневой классификации, включающей в себя социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные уровни [7].

Г. Б. Денисова в работе «В мире интертекста: язык, память, перевод» представляет свою классификацию прецедентности. Авторская «интертекстуальная энциклопедия» (т. е. набор прецедентных текстов языковой личности) содержит, по её мнению, три типа (универсальный, национальный, индивидуальный), которые дополняют друг друга и варьируются в зависимости от уровня развития (физического, интеллектуального, психологического и др.) языковой личности [13].

Итак, разработка типологии ПФ ведется в нескольких направлениях: от более широких подходов в определении конфигурации когнитивного национального пространства, взаимодействия и взаимовлияния его структурных элементов до более узкого, частного изучения «умирающих» или «рождающихся» ПФ как инвариантов восприятия. Вслед за С. В. Банниковой под «национальным когнитивным пространством» мы понимаем «структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладает каждый представитель лингвокультурного сообщества» [14]. На рисунке представлена классификация типов прецедентных феноменов англоязычной лингвокультуры, которые функционируют в коммуникативном пространстве современного русского языка, что позволяет представить классификацию прецедентных феноменов максимально полно:

1. По способу прихода в язык следует различать выражения, образованные путем транскрипции («*фифти-фифти*»; «*бэйби бум*»); выражения-кальки («*точки над "i"*», «*9/11*»); идиоматические выражения, содержащие компоненты, восходящие к англоязычной национальной культуре («*английский юмор*», «*Овсянка, сэр!*»).

2. По структурно-семантическим характеристикам выделяют: однокомпонентные (*ok, alright*) и многокомпонентные прецедентные феномены («*to be or not to be*», «*GOOGLE тебе в помощь!*»).

3. По характеру функционирования выделяют: универсально-прецедентные (*трагедии Шекспира, Гулливер, Шрек*), национально-прецедентные («*мама Стифлера*» – гер. ком. «*Американский пирог*»; *Стивен Хокинг – английский физик-теоретик, популяризатор науки*), социумно-прецедентные («*супер-сет*» – *цикл физ. упр-й*), автопрецедентные («*Kuz'kina mother*» – *идиома «Кузькина мать» в дословном переводе, восходит к изречению Н. С. Хрущева, сказ. на XV асс. ООН в 1960 г.*).

4. По стадиям жизненного цикла: активные («рождающиеся») («*одинокий волк*» – *террорист-одиночка; стало активно использоваться в публицистических заметках летом 2016 года после совершения ряда террористических актов в Европе*), пассивные («умирающие») («*Бостонское чаепитие*» – *акция прот. амер. кол-ов в 1773 г.*).

5. По способу восприятия: вербальные (лингвистические) (*How are you?, Oh, my God!*) и невербальные (феноменологические) (*Big Ban, White House*).

Инокультурные прецедентные феномены с точки зрения их содержания, структуры, особенностей функционирования в современном русском лингвокультурном пространстве исследуются как традиционными методами (аналитико-описательный, методы контекстологического анализа, метод статистической обработки, метод сплошной выборки, метод когнитивной интерпретации эмпирического материала, классификационный метод и др.), так и инновационными методами, которые отражают комплексный, системный подход в области

научного поиска: синхронный подход с элементами диахронного анализа, свободный ассоциативный эксперимент, интерпретивный анализ цитатного комплекса и его текстового окружения, когнитивно-дискурсивный анализ, сопоставительный лингвокогнитивный анализ, интроспекция, метод когнитивного моделирования и др.

Изучение проблемы прецедентности в теории межкультурной коммуникации и культурной антропологии на современном этапе является весьма актуальным и поэтому дискуссионным. Как справедливо замечает Л. И. Гришаева, споры ученых чаще всего вызывает «выявление оснований, по которым можно было бы судить о факторах, обуславливающих культурную целостность в синхронии и культурную континуальность в диахронии» [15]. За прецедентными феноменами закрепляют функцию «культурной скрепы» и отображают «междисциплинарное измерение» данного понятия [16].

Рисунок – Классификация типов прецедентных феноменов англоязычной лингвокультуры, функционирующих в коммуникативном пространстве современного русского языка

Как утверждает В. В. Красных, многомерность ПФ обуславливает его структурную организацию, что позволяет использовать современное словоупотребление – 3D-форматность – применительно к модели прецедентного феномена:

- 1) остается «плоскостной»;
- 2) не имеет вертикали;
- 3) обладает «горизонталью» [17, 214].

В книге ««Свой» среди «чужих»: миф или реальность?» В. В. Красных пишет: «В данном случае едва ли можно говорить о строго иерархизованной «вертикальной» системной организации, так как элементы, входящие в систему и ее составляющие (т. е. прецедентные феномены), не строятся по оси «верх/низ», но соотносятся лишь по шкале вербализованности/невербализованности. Напомню, что ПИ и ПВ входят в когнитивную базу не только в совокупности своих дифференциальных признаков и значений-смыслов, но и как таковые. Они хранятся в виде феноменологических и лингвистических

когнитивных структур и являются, таким образом, вербальными феноменами. В то же время ПТ и ПС входят в когнитивную базу как инварианты восприятия, хранятся в виде феноменологических когнитивных структур и являются, следовательно, феноменами вербализуемыми. Интересно, что актуализироваться данные феномены (как вербальные, так и невербальные) могут не только с помощью вербальных средств» [17, 214].

Обратим внимание на то, что, согласно определению В. А. Масловой, под когнитивной базой мы понимаем «определенным образом структурированную совокупность обязательных знаний того или иного лингвокультурного общества, которыми обладают все говорящие на данном языке. Когнитивная база формируется когнитивными структурами, которые в свою очередь формируют нашу компетенцию и лежат в ее основе. Информация, кодируемая и хранимая в виде когнитивной структуры, включает в себя не только сведения о мире, но и знание языка и знание о языке» [18].

В. В. Красных выделяет в структуре ПФ две зоны: ядерную (центр) и периферийную. «В центр входят те компоненты инвариантов восприятия, апелляция к которым постоянно наблюдается в коммуникации и которые первыми «всплывают» при восприятии, – отмечает ученый, – а в периферию, соответственно, те компоненты, которые, не будучи частотными с точки зрения их использования в общении, позволяют неоднозначно и адекватно интерпретировать случаи апелляции к ним, если такая имеет место» [17, 218].

Ядро и периферия ПФ весьма подвижны: «с точки зрения синхронии, между ними есть зона перехода... с точки зрения диахронии, периферийные прецедентные феномены могут постепенно «продвигаться к центру», вытесняя оттуда в область периферии, а то и за границы системы другие феномены, которые ранее принадлежали ядру системы» [17, 217].

Подвижность (диффузность) всей системы ПФ В. В. Красных объясняет двумя факторами: «Во-первых, различия могут наблюдаться по «вертикальной» – временной – оси (т.е. на диахроническом уровне). Во-вторых, значительные различия отмечаются и по «горизонтальной» – пространственной – оси: имеются в виду пространственные в прямом смысле этого слова отношения, т.е. место проживания членов данного национально-лингво-культурного сообщества» [17, с. 215].

Выводы

1. Разработка теории прецедентности является одним из актуальнейших лингвистических направлений, о чем свидетельствуют многочисленные научные изыскания, проводимые на стыке языкознания, лингвокультурологии, психолингвистики, международной коммуникации и др. Системность изучению прецедентного феномена придают взаимодействие с теориями интертекстуальности, теорией языковой личности, теорией речевой деятельности.

2. ПФ, в обобщенном смысле, – это феномен, значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер, т.е. хорошо известный и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

3. Классификация ПФ, разработанная В.В. Красных, широко используется в современном лингвистическом дискурсе. Прочно вошли в научный обиход такие термины, как «прецедентный текст», «прецедентная ситуация», «прецедентное высказывание», «прецедентное имя». В среде лингвистов, которые занимаются разработкой теории прецедентности (Ю. Е. Прохоров, Д. Б. Гудков, В. В. Красных), наблюдается общность позиций в формулировке данных понятий.

4. Однако на современном этапе, пишет И. В. Высоцкая в своей статье «Спорные вопросы теории прецедентности», «этот терминологический ряд может быть дополнен и уточнен в связи с анализом новых сфер функционирования прецедентных феноменов» (например, прецедентный знак, прецедентный стихотворный размер, прецедентная композиция, прецедентный стиль и др.), поскольку теория прецедентности «переросла» рамки частной лингвистической теории и представляет собой область филологических исследований междискурсного взаимодействия, «размывающего» границы литературоведения и лингвистики [19].

5. В исследовании прецедентного феномена как научного объекта используются не только традиционные лингвистические методы, но и инновационные, которые отражают комплексный подход в области научного поиска.

Возникают новые методы (рассуждение на основе прецедентности, свободный ассоциативный анализ), задача которых состоит в определении номинативного статуса инокультурных ПФ, в выявлении их положения и функций в когнитивной базе современного русского языка.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Горячева, Е. Д. Роль прецедентных феноменов в формировании национального когнитивного пространства [Электронный ресурс] / Е. Д. Горячева // Scientific World [Международ. науч. журнал]. – Режим доступа : <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-412/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-412/15045-412-0814>. – Дата доступа: 20.02.2016.
2. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса [Электронный ресурс] / Д. Б. Гудков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/09.htm#z_18. – Дата доступа : 22.02.2016.
3. Веденева, Ю. В. Функционирование прецедентных феноменов в англоязычном поэтическом дискурсе (на материале названий стихотворений для детей) [Электронный ресурс] / Ю. В. Веденева // Альманах современной науки и образования: Архив научных статей. – 2008. – № 8 (15): в 2 ч. – Ч. I. – Режим доступа : http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2008_8-1_12.pdf. – Дата доступа: 25.02.2016.
4. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: докл. сов. делегации на 6-м конгр. МАПРЯЛ. – М., 1986. – С. 105–126.
5. Петрова, Н. В. Эволюция понятия прецедентный текст [Электронный ресурс] / Н. В. Петрова // Вестник ИГЛУ, Филологические науки. – 2010. – № 2(10). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-pretseptentnyy-tekst#ixzz4Gj5qhB1h>. – Дата доступа : 25.02.2016.
6. Прохоров, Ю. В. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. В. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.
7. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?: Человек. Сознание. Коммуникация : моногр. / В. В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
8. Балашова, Л. В. Метафора и языковая картина мира носителя слэнга (на материале прецедентного мира «Детство») [Электронный ресурс] / Л. В. Балашова // Вестник ИГЛУ, Филологические науки. – 2008. – № 2. – Режим доступа: http://www.islu.ru/files/rar/2011/vs/vestnik_2008_2.pdf. – Дата доступа: 02.03.2016.
9. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 260 с.
10. Сидорова, В. В. Прецедентный мир Дж. Р. Р. Толкина в политическом дискурсе американских и российских СМИ [Электронный ресурс] / В. В. Сидорова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41). – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/sidorova-12.htm>. – Дата доступа: 02.03.2016.
11. Talmy, L. Force dynamics in language and cognition [Электронный ресурс] / L. Talmy // Cognitive Science. – 1988. – № 12. – Режим доступа : http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1207/s15516709cog1201_2/pdf. – Дата доступа : 02.03.2016.
12. Голубева, Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы [Электронный ресурс] / Н. А. Голубева // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2007. – № 7. – Режим доступа : <http://se2010.narod.ru/index/0-166>. – Дата доступа: 02.03.2016.
13. Денисова, Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Г. В. Денисова. – М. : Азбуковник, 2003. – 298 с.
14. Банникова, С. В. Прецедентность как лингвокультурный феномен (На материале английских и русских текстов) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. В. Банникова. – Тамбов, 2004. – 182 л.
15. Гришаева, Л. И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов / Л. И. Гришаева. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1998. – 147 с.
16. Пелипенко, А. А. Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М. : Издательство «Языки русской культуры», 1998. – 376 с.
17. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК Гнозис, 2003. – 379 с.
18. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику [Электронный ресурс] / В. А. Маслова // Сайт С. П. Курдюмова. – Режим доступа : <http://spkurdyumov.ru/networks/vvedenie-v-kognitivnyu-lingvistiku/>. – Дата доступа: 01.03.2016.
19. Высоцкая, И. В. Спорные вопросы теории прецедентности [Электронный ресурс] / И. В. Высоцкая // Критика и семиотика. – 2013. – № 1(18). – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs018vysotskaya.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2016.

Поступила в редакцию 24.02.16

E-mail: tanyaloban@mail.ru

T. V. Loban

PRECEDENT PHENOMENON AS A STUDY OBJECT

The article is devoted to a precedent phenomenon. The author studies a PP (precedent phenomenon) functioning in the communicative environment of the Russian language. Much attention is paid to the term “precedent phenomenon” and the analysis of various notion renderings presented by modern linguists. Categorical features of PP, their structure and typology are also under consideration. As a result, new perspectives for further development of precedent system has been determined.

Keywords: precedent phenomenon, precedent text, precedent saying, precedent situation, precedent name, precedent theory, term, classification, research methods.

УДК 811.161.1'373.43:070«21»

А. Л. Стрижак

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания,
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», г. Гомель, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИКИ НАЧАЛА XXI в.)

В статье анализируются функционально-стилистические и семантические особенности употребления эвфемизмов в российских периодических изданиях за период 2001–2014 годов. Рассматриваются вопросы эвфемии и смежных явлений, различные точки зрения на определение понятия «эвфемизм», на место таких слов в современном русском языке. Выделяются и описываются наиболее распространенные тематические группы эвфемизмов, их важнейшие функции в газетном тексте, анализируется специфика употребления эвфемизмов в средствах массовой информации. Определяется воздействие экстралингвистических факторов на степень семантической и оценочной редукции эвфемистических номинаций. Устанавливается корреляция между функцией, реализуемой эвфемизмом в газетном тексте, и степенью выраженности его прагматического потенциала, что определяет возможность подобных номинаций реализовать воздействующую функцию языка.

Ключевые слова: эвфемизм, функционально-стилистические особенности, семантические особенности, воздействующая функция, семантическая редукция, периодические издания, средства массовой информации, прагматический потенциал, оценочный компонент.

Введение

Современные СМИ характеризует полярное отношение к лексической системе языка в аспекте реализации оценочных установок говорящего: от резких, эмоционально насыщенных номинаций до абстрактного, семантически и эмотивно нейтрального именованья описываемых событий и явлений. Объектом рассмотрения настоящей статьи станут эвфемизмы – слова, занимающие особое место в системе стилистических средств русского языка.

Активное изучение явления эвфемии начинается в постсоветскую эпоху: появляется значительное количество работ, посвященных способам образования эвфемизмов в русском языке, целям и средствам эвфемизации, их функционированию в художественном и публицистическом стилях, явлению политической эвфемии [1]–[9] и др. Вместе с тем отсутствует четкий критерий в определении признаков эвфемизмов, что затрудняет разграничение этих лексических единиц и смежных явлений. В частности, в современной лингвистике нет строгого разделения эвфемии и криптолалии (тайноречия), эвфемии и дезинформации, эвфемии и тропики [5, 60]. Все это обусловило существование значительного количества определений эвфемизмов, в основу которых положены различные признаки. Наиболее общее определение эвфемизмов дает Е. П. Сенчикина, относящая к данной группе лексем «слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» [8, 5]. Н. С. Арапова определяет эвфемизмы как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [10, 590]. Очевидно, что такая дефиниция относит к исследуемому явлению преимущественно бытовые эвфемизмы. Наиболее близким нашему пониманию эвфемизмов считаем определение Е. К. Павловой, относящей к таким словам «лексемы, употребляемые вместо нежелательных слов или выражений с целью скрыть неприятные стороны действительности за счет смягчения и искажения смысла описываемого факта» [11, 96].

Место эвфемизмов в современном русском языке, их роль в авторской речи оценивается лингвистами по-разному. Так, Е. П. Сенчикина считает, что с уходом советской эпохи это стилистическое средство стало значительно менее востребованным [7, 10–11]. Однако многие лингвисты [3], [4], [6] и др. убеждены, что и в наши дни эвфемизмы являются очень популярными, указывая на СМИ как основную сферу их применения. Это обусловлено прежде всего тем, что для

языка современных медиа характерно преобладание функции воздействия, что сопровождается вытеснением остальных языковых функций и превращением средств массовой информации в средства массового воздействия [12]–[16]. А. А. Негрышев говорит о том, что «метафоры, заимствования, канцеляризм с оттенком научности и пр. используются в дискурсе СМИ для эвфемизации негативно окрашенных понятий (*киллер* вместо *наемный убийца*, *военное присутствие* вместо *оккупация*). Таким образом, постмодернистский примат эстетики над этикой превращается в условиях «карнавальности» масскультулы нередко в *псевдоэстетику* и *манипулятивность*» [15, 74].

Результаты исследования и их обсуждение

Материалом для настоящей статьи послужили эвфемизмы, извлеченные методом сплошной выборки из текстов российской печати периода 2001–2014 гг. (общее количество – более 1000 текстов). Анализ лексических единиц, употребляемых в роли эвфемизмов (около 60 слов и выражений), показал, что большая часть этих слов относится к разряду абстрактных существительных, что вполне объяснимо, т.к. отвлеченность значения слова создает у читателя максимально неопределенное или нейтральное представление об объекте. Собранный материал классифицирован на 4 группы: «Внешняя политика государства и военные операции» (*вооруженный конфликт*, *принуждение к миру*, *военная операция*, *кризис*, *ответные меры*, *вакуум безопасности*, *спецоперация*, *побочный ущерб*, *неприемлемые потери*, *агрессия* и др.), «Денежные отношения» (*господдержка*, *безвозмездный*, *уйти в тень*, *несанкционированный отбор*, *оптимизировать*, *отрицательное сальдо*, *пересмотр*, *корректировка*), «Деятельность органов власти» (*непопулярные меры*, *массовые беспорядки*, *задержать*, *коррупционное правонарушение*, *управляемая демократия*, *вертикаль власти* и др.) и «Отношения между социальными группами» (*лицо кавказской национальности*, *афроамериканец*, *малообеспеченные граждане*, *депопуляция*, *инфантилизация*, *авторитетный бизнесмен* и др.). В каждой из выделенных групп эвфемизмы реализуют следующие функции: «Смягчение смысла высказывания», «Искажение смысла высказывания», а также «Соккрытие истинного положения вещей (манипулятивная функция)» с учетом которых будет осуществляться анализ материала.

По степени воздействия на сознание реципиента, на его представление об окружающей действительности эвфемизмы, реализующие функцию «Смягчение смысла высказывания», обладают минимальным воздействующим потенциалом: *В Сирии с марта 2011 года продолжается вооруженный конфликт между властью и оппозицией* (Изв. – 2014. – 17 июня. – С. 3), где выражение *вооруженный конфликт* используется для нейтрализации негативных коннотаций, связанных со словом ‘война’; или: *Такие же сюжеты прозападные СМИ распространяли, когда готовилась военная операция по свержению «кровавого диктатора» Каддафи* (КП. – 2010. – 12 февр. – С. 5), где эвфемизм *военная операция* скрывает значение ‘государственный переворот’; ср.: *Также представители американской администрации заявили, что США и мировое сообщество предпримут некие ответные меры в отношении КНДР* (РИА Новости. – 2012. – 15 апр.). – 15 апр.), где выражение *ответные меры* смягчает негативные ассоциации, связанные с такими понятиями, как репрессии, санкционное воздействие на кого-либо; или: *ЛУКОЙЛ намерен оптимизировать расходы, чтобы не зависеть от внешних займов – с учетом ситуации на рынке* (РБК Дейли. – 2014. – 23 июня. – С. 2), где лексема *оптимизировать* смягчает общеоценочное негативное значение глагола *сократить*.

В некоторых случаях эвфемизм может использоваться в несвойственном для него контексте, что нередко сопровождается его графическим выделением. Так, в следующей газетной иллюстрации выражение *вертикаль власти* реализует устойчивую семантику ‘система управления государством, находящаяся в полном подчинении центру’: *Возможно, очередным граффити отреагировали на недавнее обещание свердловского губернатора Эдуарда Росселя построить уральские муниципалитеты в вертикаль власти* (Нов. Рег. – 2008. – 26 мая); ср.: *Футбольная «вертикаль власти» в России растет не только в глубину, но и вширь* (Изв. – 2007. – 11 дек. – С. 7), где названный эвфемизм использован в более узком значении ‘система управления какой-либо структурой’.

Следующую группу эвфемизмов составляют слова и выражения, реализующие в СМИ функцию «Искажение смысла высказывания», что предполагает более глубокое использование манипулятивных тактик воздействия на читателя. Так, известные события на востоке Украины, начало которым положили протестные выступления жителей Донецкой и Луганской областей в

апреле 2014 г., по своему размаху и трагизму заслуживают только одной номинации – *война*. Вместе с тем современные медиа всячески избегают этой неудобной дефиниции, предпочитая использовать более нейтральные определения *военная операция*, *спецоперация*, *кризис*: **Военная операция** против южной группировки самопровозглашенной Донецкой народной республики была начата в понедельник (РБК Дейли. – 2014. – 19 мая. – С. 8); ср.: *С середины апреля на юго-востоке страны проходит спецоперация против несогласных с легитимностью киевских властей сторонников независимости, в которой участвует регулярная армия, применяются тяжелая бронетехника, артиллерия и боевая авиация* (РИА Новости. – 2014. – 23 мая); или: *Поиск кандидатов в члены группы будет идти среди представителей государств, наиболее активно обсуждающих кризис на Украине* (Изв. – 2014. – 25 июля. – С. 3). Аналогичную функцию выполняет выражение *принуждение к миру* в следующем контексте: **«Принуждение к миру» стоило России 64 погибших военнослужащих, в том числе 15 миротворцев** (РИА Новости. – 2009. – 11 сент.), тогда как речь в статье идет о кратковременной войне между Россией и Грузией в августе 2008 г.; ср.: **Агрессия против Югославии была поворотным пунктом для глобализации интервенции** (КП. – 2014. – 16 июня. – С. 9), где эвфемизм *агрессия* искажает смысл высказывания путем преуменьшения степени важности события – войны против Югославии в 1999 г.

Интересное явление семантической диффузии демонстрирует выражение *вакуум безопасности*: **Сотни людей устремились через границу в обе стороны. Вакуум безопасности быстро заполнили боевики ХАМАСа. Их руководители, чувствуя себя победителями, поклялись не складывать оружия** (Труд-7. – 2005. – 30 сент. – С. 8), где данное словосочетание указывает на отсутствие государственной власти на определенной территории. Следующие газетные иллюстрации являются примером контекстуальной энантиосемии: **Ответственность за вакуум безопасности и правопорядка в Ливане, приведшие к гибели экс-премьера, его авторы возложили на ливанские и сирийские силовые ведомства** (РИА Новости. – 2005. – 14 марта), где названный эвфемизм нейтрализует негативные ассоциации, сопровождающие слово *беззаконие*; ср.: **После российско-грузинского конфликта в 2008 г., когда Запад обнаружил дефицит инструментария для воздействия на Россию, возник вакуум безопасности в регионе. И США намерены его заполнить** (Нов. Рег. – 2010. – 18 сент.), где словосочетание *вакуум безопасности* указывает уже не на беззаконие, а, напротив, на существование неудобных тех или иных сил законов.

Достаточно широкий пласт слов и выражений, редукция семантического компонента которых приводит к искажению представлений об означаемом, составляют эвфемизмы, относящиеся к сфере денежных отношений: **Господин Бедняков выразил уверенность, что повышение налогов заставит бизнес уйти в тень** (Нов. Рег. – 2005. – 22 апр.), где выражение *уйти в тень* подразумевает значение ‘укрыться от уплаты налогов’; или: **Украина периодически прямо намекала на то, что, если ей не пойдут на уступки в вопросе цены на газ, она вынуждена будет пойти на крайнюю меру – несанкционированный отбор газа** (Нов. Рег. – 2010. – 16 мая), где семантически размытое определение *несанкционированный отбор* скрывает точное и исчерпывающее определение для описываемой ситуации – слово *воровство*.

Освещение некоторых сфер общественной жизни современными СМИ демонстрирует реализацию ими своего рода «социального заказа» органов власти, когда неприятные явления определяются через слова и выражения с максимально отвлеченным значением: **До 2016 года пересмотр тарифов может производиться не чаще одного раза в год, пригрозил Медведев** (Изв. – 2014. – 6 июня. – С. 5), где эвфемизм *пересмотр* нейтрализует негативно-оценочную семантику слова *повышение*; ср.: **С учетом того, что к 2020 году электорат в основном будет состоять из пенсионеров и граждан предпенсионного возраста, проводить непопулярные меры будет крайне сложно, предупреждают эксперты** (РБК Дейли. – 2012. – 21 дек. – С. 4), где эвфемизм *непопулярные меры* предполагает довольно широкую область явлений, имеющих негативные последствия (повышение пенсионного возраста, налогов, цен и т.п.); или: **«Если Россия – это управляемая демократия, то и выборы в ней управляемые», – приводят газеты слова главы европейского консульства на ассамблее ОБСЕ** (РБК Дейли. – 2007. – 7 дек. – С. 7), где выражение *управляемая демократия* скрывает понятие *авторитарное государство*.

Эвфемизмы, которые используются для сокрытия истинного положения вещей и реализуют собственно манипулятивную функцию, называют такие явления, действия и объекты окружающей действительности, которые невозможно именовать прямо, т.к. это приведет к полной дискредитации означаемого: **Методично уничтожат гражданское население и детей, списывая убийства на «побочный ущерб», способны только негодяи** (КП. – 2011. – 18 окт. – С. 9).

Как видим, графическое выделение определенных лексем может служить сигналом дистанцирования пишущего от традиции их употребления, что нередко вызвано резким несоответствием означающего и собственно денотата: *В ходе контртеррористической операции в стране было убито, по данным экспертов, 3,6 тысячи мирных жителей – своего рода «побочный ущерб» от американских бомбардировок* (Труд-7. – 2002. – 4 окт. – С. 3).

Авторская ирония звучит в следующем контексте, где силами добра называются союзные войска, осуществляющие военную агрессию против ряда стран: *Вроде бы силы добра одержали победу в Афганистане. Вроде бы бронзовое изваяние Саддама Хусейна давно сдернули с постаментов в Ираке. А жить-то все страшнее, разве не так?* (РИА Новости. – 2006. – 26 сент.).

Семантическую трансформацию прилагательного *авторитетный*, обусловленную экстралингвистическими факторами, наблюдаем в следующих газетных иллюстрациях: *Разумеется, в компании догадывались, что Петрак – не кто иной, как Владимир Петраков, «авторитетный» бизнесмен из Владивостока* (КП. – 2003. – 17 февр. – С. 5), где эвфемизм *авторитетный бизнесмен* недвусмысленно указывает на криминальное прошлое героя публикации (кроме этого, лексема *авторитетный* выделена графически – кавычками, что также указывает на ее неузуальное употребление). Вместе с тем в публикациях последних лет названный эвфемизм используется уже без графического выделения, что указывает на его вхождение в лексическую систему языка: *Это был авторитетный бизнесмен Георгий Жаворонков, известный как Жора Ивантеевский, позиционирующий себя как крупного коммерсанта и мецената, вкладывающего деньги в развитие спорта, например в бокс* (Изв. – 2012. – 2 марта. – С. 6); ср.: *Вслед за миллионером, которого подозревают в уходе от уплаты налогов почти на 50 млн. рублей, напомним, был арестован авторитетный бизнесмен Семен Могилевич (он же Сергей Шнайдер)* (КП. – 2008. – 12 янв. – С. 3).

Как разновидность манипулятивной функции считаем целесообразным рассматривать случаи контекстуального, отличного от общепринятого употребления эвфемизмов, т. к. это позволяет пишущему совмещать собственно камуфлирующую функцию слова либо выражения с его прагматическим потенциалом воздействия на читателя: *«Неожиданное» принуждение к миру симферопольского горсовета, годами препятствовавшего постройке Соборной мечети на Ялтинской 22, впишет имя премьера Василия Джарты в анналы истории* (Нов. Рег. – 2011. – 26 февр.), где словосочетание *принуждение к миру* предполагает семантику ‘усмирение кого-либо’, тогда как его узуальное значение – *‘военная операция, направленная на подавление вооруженных выступлений’.

Общепринятое значение эвфемизма *оптимизировать* – ‘сокращать’, тогда как в следующей иллюстрации он реализует семантику ‘овладевать чем-либо, не имея на то оснований’: *Постепенно обнаглел и стал все оптимизировать, перейдя в разряд основных разработчиков* (РБК Дейли. – 2013. – 24 июля. – С. 3).

Манипулятивный, националистический характер выражения *лицо кавказской национальности* раскрывается автором в настоящем контексте: *Но вот что вызывает тревогу: потихоньку «мигрантофобия» превращается в «кавказофобию». В неприязнь к мифическому, не существующему в природе народу под названием «лицо кавказской национальности»* (КП. – 2006. – 23 марта. – С. 4).

Выводы

Таким образом, наибольшую активность в современном русском языке проявляют эвфемизмы социально-политической сферы, реализующие функции, направленные на смягчение смысла высказывания либо искажение его смысла, а также на сокрытие истинного положения вещей. Основное назначение подобных эвфемизмов – воздействие на читательскую аудиторию, которое осуществляется путем редукции семантического компонента означающих явления и объекты окружающей действительности лексических единиц, а также нейтрализации их оценочной составляющей.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вильданова, Г. А. Гендерный аспект эвфемизации (на материале английского языка) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г. А. Вильданова ; Бирская гос. пед. академия. – Бирск, 2008. – 19 с.
2. Заварзина, Г. А. Эвфемизмы как проявление «политической корректности» / Г. А. Заварзина // Русская речь. – 2006. – № 2. – С. 54–57.

3. Кипрская, Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Кипрская ; Ижевский гос. ун-т. – Ижевск, 2005. – 23 с.
4. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика (Берлин). – 1994. – № 1–2. – С. 28–49.
5. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–70.
6. Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. В. Панин ; Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2004. – 21 с.
7. Сеничкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка : спецкурс / Е. П. Сеничкина. – М. : Высшая школа, 2006. – 151 с.
8. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – М. : Флинта, 2006. – 464 с.
9. Шафигуллина, Л. Ш. Политические эвфемизмы в средствах массовой информации / Л. Ш. Шафигуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7(61). – С. 170–173.
10. Арапова, Н. С. Эвфемизмы. Лингвистический энциклопедический словарь / Н. С. Арапова. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
11. Павлова, Е. К. Специфика перевода политических эвфемизмов / Е. К. Павлова // Вестник МГУ. Серия 9, Филология. – 1989. – № 10. – С. 96.
12. Володина, М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание / М. Н. Володина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 460 с.
13. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т. Г. Добросклонская. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во МГУ, 2005. – 288 с.
14. Ильясова, С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. В. Ильясова. – Ростов н/Д., 2002. – 432 л.
15. Негрышев, А. А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ : учеб. пособие / А. А. Негрышев. – Владимир : Изд-во ВГГУ, 2009. – 144 с.
16. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибургская. – М. : Флинта, Наука, 2011. – 160 с.

Поступила в редакцию 07.10.16

E-mail: strizhak2011@yandex.ru

A. L. Strizhak

SOCIO-POLITICAL EUPHEMISMS IN THE MODERN MEDIA (ON THE BASIS RUSSIAN PERIODICALS BEGINNING OF XXI CENTURY)

The article analyzes the functional, stylistic and semantic features of the use of euphemisms in Russian periodicals for the period 2001–2014 years. The questions evfemii and related phenomena, different views on the definition of «euphemism» concept in place of words in modern Russian. Stand out and describes the most common euphemisms thematic groups, their most important function in the newspaper text, analyzes the specifics of the use of euphemisms in the media. Determine the impact of extra-linguistic factors on the degree of semantic and estimated reduction euphemistically nominations. Correlates the function implemented by the euphemism in the newspaper text, and the degree of its pragmatic potential, which determines the possibility of such nominations to realize the impact of language function.

Keywords: euphemism, functional and stylistic features, semantic features, affecting function, semantic reduction, periodicals, media, pragmatic potential, evaluation component.

УДК 811.111

В. В. ЧалагаеваАспирант кафедры теории и практики английского языка,
Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ХРОНИКЕ**

В статье анализируются оценочные единицы с точки зрения особенностей их употребления в англоязычной политической и экономической хронике. Материал для анализа составляет 200 текстов обоих типов англоязычной хроники. Исследование фактического материала позволило установить количественные данные групп исконно-оценочной и контекстуально-оценочной лексики в двух типах хроники, выявлено превалирование рационально-оценочных средств над эмоционально-оценочными. Среди частнооценочных значений в политической хронике преобладает утилитарная и эмоциональная оценка, тогда как для экономической хроники характерно использование не только утилитарной и эмоциональной, но и телеологической оценок. Анализ материала позволил сделать вывод о доминировании отрицательной оценки над положительной, а также выявить частеречную представленность рационально- и эмоционально-оценочных средств в англоязычной политической и экономической хронике.

Ключевые слова: оценка, исконно-оценочная лексика, контекстуально-оценочная лексика, эмоциональная оценка, рациональная оценка, хроника.

Введение

На протяжении длительного времени категория оценки привлекает внимание ученых различных отраслей знания: лингвистов, философов, логиков, правоведов. Интерес к оценке обусловлен исключительно важной ролью, которую оценочные средства играют в жизни человека и общества, в частности в языковой коммуникации. Е.М. Вольф подчеркивает, что «оценка является универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о «хорошо»/«плохо» [1, 9]. Человеку свойственно оценивать все явления окружающей его действительности, соотнося их с установившимися нормами и идеалами. По мнению Н.Д. Арутюновой, «для того чтобы оценить объект, человек должен пропустить его через себя: природа оценки отвечает природе человека» [2, 181]. В лингвистике принято считать категорию оценки одним из основных способов отражения системы ценностей в языковой семантике. Учитывая сложную и многогранную природу оценки, ряд исследователей, например Е.М. Вольф, понимают оценку как «модальную рамку, включающую ряд обязательных элементов (эксплицитных и имплицитных), таких, как субъект оценки, объект оценки, аксиологический предикат, аспект оценки, сам оценочный элемент, оценочный стереотип и шкалу оценок» [1, 203]. Другие лингвисты трактуют оценку как «совокупность разноуровневых единиц, объединенных общей семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к речи» [3, 139]. В данном исследовании под оценкой мы понимаем общественно закрепленное, социально устойчивое отношение носителей языка к внеязыковому объекту (лицу, предмету, явлению действительности) [4].

Однако, несмотря на большой интерес исследователей к данной проблеме, многие вопросы, связанные с ее решением, остаются спорными и малоразработанными. В частности, среди лингвистов нет единого мнения в определении оценочного значения, типов оценки, не полностью выявлены языковые средства выражения оценочного значения. Роль оценочных лексических единиц изучалась в различных типах текста и дискурса: в газетной рецензии (И.В. Лешкевич), в научной рецензии (Е.С. Троянская, Л.В. Красильникова), в научной статье (Т.П. Карпилович, Л.В. Сретенская), в политической речи (Е.Е. Самойлик, С.Н. Стародубец). При этом сфера газетной публицистики представляется особенно перспективной, поскольку, будучи

одним из главных компонентов речевого воздействия, оценка является «традиционным приемом создания публицистического текста» [5, 130].

В связи с вышеуказанным нам представляется актуальным рассмотрение языковых средств выражения оценки на материале новостного жанра публицистического стиля – хроники. В качестве объекта анализа привлекался весь спектр оценочной лексики. Важно отметить, что единицей анализа мы считаем лексическую единицу в одном из своих значений – системном или контекстуальном – обнаруживаемом в дискурсе англоязычной политической и экономической хроники.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ оценочных единиц с точки зрения особенностей их употребления в англоязычной политической и экономической хронике

Материалом настоящего исследования являются 200 текстов политической и экономической хроники из качественных британских газет «The UK Week», «The Guardian», «The Telegraph». Исследование фактического материала проведено с использованием комплекса методов: контекстуального анализа, компонентного анализа смысловой структуры слова с целью выявления вторичных оценочных значений и количественного метода для выявления частотности реализации языковых оценочных элементов в англоязычном новостном дискурсе.

Под хроникой мы понимаем «жанр новостной журналистики, вторичный текст, представляющий собой подборку сообщений, констатирующих наличие события в настоящем, ближайшем прошлом или ближайшем будущем. Хроникальное сообщение – текст объемом от одного до трех-четырёх предложений с общим смыслом «где, когда, какое событие произошло, происходит, будет происходить» [6, 80]. Экстралингвистическими стилиобразующими признаками данного жанра являются: наличие факта, новизна информации, социальная значимость сообщаемого, оперативность. Подборка хроникальных сообщений составляется по тематическому или временному принципу, например: «Криминальная хроника», «Спортивная хроника», «Официальная хроника», «Новости в середине часа» и т.д. [6, 81]. Несмотря на факт принадлежности к информационным жанрам, не следует воспринимать язык хроники как неподвижный, застывший, консервативный. Современная газета стремится разрушить «книжность» изложения, придать ему экспрессивную окраску за счет разнообразных эмоционально-экспрессивных средств.

На основании наличия оценочного компонента в семантике языковой единицы выделена группа исконно-оценочной и контекстуально-оценочной лексики. К исконно-оценочной лексике отнесены слова, в которых оценочная информация является основной, т.е. они обладают эксплицитным оценочным значением. Рассмотрим пример экономической хроники: *David Cameron will suggest that all parents should attend classes on how to discipline their children. Risking the wrath of those Tories fearful of a «nanny state», the PM will say it should be standard practice for parents to receive instruction on how to behave around their offsprings* [9] ‘Дэвид Кэмерон хочет внести предложение о том, чтобы все родители посещали занятия по дисциплинированию своих детей. Несмотря на риск навлечь гнев членов партии Тори, опасаящихся превращения в «государство нянек», премьер-министр заявляет, что получение инструкций по дисциплинированию детей должно стать стандартной практикой для родителей’. В данном примере присутствует слово *fearful*, имеющее следующие значения: ‘1) **nervous and afraid**; 2) **terrible and frightening**; 3) **extremely bad**’ [7], которое употреблено для создания атмосферы опасения и недоверия к предложению премьер-министра Великобритании. Анализ материала показал, что исконно-оценочная лексика превалирует в исследуемых типах англоязычной хроники и составляет 77,6% в политической хронике и 73,9% в экономической хронике (таблица 1).

Таблица 1. – Соотношение исконно-оценочных и контекстуально-оценочных средств выражения оценочного значения

Средства выражения оценочного значения	Политическая хроника	Экономическая хроника
1. Исконно-оценочная лексика	77,6%	73,9%
2. Контекстуально-оценочная лексика	22,4%	26,1%
2.1. Узуальные имплицитивы	32,3%	34,8%
2.2. Окказиональные имплицитивы	67,7%	65,2%

К контекстуально-оценочной лексике в настоящем исследовании мы относим те слова, эмоциональный компонент которых возникает или актуализируется в определенном контексте. Данные лексические единицы передают сугубо личные переживания и оценки адресата.

Группа контекстуально-оценочной лексики представлена узуальными и окказиональными имплицативами. К узуальным имплицативам мы относим слова, в значениях которых сема оценки так же, как и в значениях исконно-оценочных единиц, входит в системное значение слова, отражена в словарях, но является периферийной [8, 49]. В примере из экономической хроники *The chocolate firm has been **punished** for experimenting with the recipe of its Easter classic the Cadbury Crème Eggs last year* [10] 'Шоколадная компания понесла наказание за эксперименты с пасхальным рецептом в продукте Кэдбери Крим Эггз в прошлом году' к таким словам, на наш взгляд, можно отнести *punish*: '1) to make smb suffer because they have broken the law or done smth wrong' [7], где *suffer*: '1) to experience smth **unpleasant**, such as injury, defeat or loss' [7]. Эта лексическая единица включена в подгруппу узуальных имплицативов на том основании, что она не называет оценочного отношения, но имеет в своей структуре оценочный элемент *unpleasant*, который актуализируется в контексте и придает значению оценочный тон, обнаруживаемый с помощью анализа словарных дефиниций.

Всего в англоязычной политической хронике выявлено 32,3% узуальных имплицативов от общего количества контекстуально-оценочной лексики, в экономической хронике – 34,8% (таблица 1).

Окказиональные имплицативы включают лексические единицы, приобретающие оценочное значение в контексте или в результате переносного употребления. Например, рассмотрим политическую хронику: *A fingerprint from Salad Abdeslam, one of the **masterminds** behind the Paris terror attacks, has been found at an apartment in Brussels along with explosives and handmade belts, which could have been worn by suicide bombers* [11] 'Отпечаток пальцев Салад Абдеслама, одного из вдохновителей террористических атак в Париже, был найден в квартире в Брюсселе, где также находились взрывчатые вещества и самодельные пояса, которые могли быть надеты на террористов-смертников'. Лексикографическое толкование существительного *mastermind* – 'an intelligent person who plans and directs a complicated project or activity' [7] в данном контексте приобретает значение «злого гения». Дерогативация оценочного наименования лексической единицы *mastermind* происходит под влиянием отрицательной оценочной тональности контекста. Окказиональные имплицативы представлены в количестве 67,7% от общего количества контекстуально-оценочных средств в политической хронике и 65,2% в экономической хронике.

В результате проведенного анализа выявлено, что в англоязычной экономической хронике незначительно выше употребительность контекстуально-оценочных единиц – 26,1% против 22,4% в политической хронике, что позволяет сделать вывод о том, что авторы экономической хроники менее склонны к прямому выражению оценочного суждения, тогда как авторы политической хроники, наоборот, тяготеют к четкости и понятности.

По признаку соотношения эмоционального и рационального, т.е. соотношения разума и чувств в семантике слова, выделяют эмоциональную и рациональную оценку [3, 142]. Различия этих видов оценок заключаются в 1) основании оценок 2) собственно семантике слова. Например, в словарном толковании слова *wrong* – 'mistaken, not true' имеется сема «неверный, неправильный», поэтому оно включено в группу рационально оценочных значений, которые соотносятся с нормой. Лексические единицы, выражающие эмоционально-оценочное значение, отбирались на основе наличия в лексикографическом толковании слова семы, передающей ощущения, чувства [8, 53]. В качестве индикатора эмоциональной оценки могут выступать слова *feeling, condition, state*, например: *emergency* – 'a sudden **state** of danger, requiring immediate action' или *suspicious* – 'prone to a **feeling** of suspicion'. В некоторых случаях требовался многоступенчатый анализ, проводившийся на основе дальнейшего вычленения сем у компонентов словарной дефиниции. Например, лексическая единица *wrath* имеет словарное толкование 'extreme anger, rage, fury'. На основании дальнейшего семантического анализа компонента *anger* – 'a **feeling** of displeasure, hostility that a person has because of being injured, mistreated, opposed' лексическая единица *wrath* отнесена к эмоционально-оценочной лексике.

Употребительность рационально- и эмоционально-оценочных единиц в англоязычной политической и экономической хронике отражена в таблице 2.

Таблица 2. – Соотношение рациональных и эмоциональных оценочных единиц

Типы оценок	Англоязычная политическая хроника	Англоязычная экономическая хроника
Рациональная	82,1%	86,3%
Эмоциональная	17,9%	13,7%

Как видно из таблицы 2, рационально-оценочная лексика составляет 82,1% в политической хронике и 86,3% в экономической хронике от общего количества оценочных средств. Это неудивительно, так как, согласно канонам английской журналистики, субъективные элементы, отражающие позицию автора, должны быть полностью исключены из информативно-описательных тестов, в связи с чем в хронике отмечается явное преобладание рациональной оценки. Рациональная лексика политической и экономической хроники в английском языке представлена признаковыми частями речи: 36,3% прилагательных, 43,4% существительных, 16,3% глаголов, 4% наречий в политической хронике и 44,8% прилагательных, 35,2% существительных, 18,4% глаголов и 1,6% наречий в экономической хронике. Среди частнооценочных значений в англоязычной политической хронике преобладает утилитарная оценка со значением «моральные или материальные потери» (*casualty, killing, death, collapse, cuts, robbery, damage, injury*) и эмоциональная оценка (*cool, calm, enthusiastic*). В англоязычной экономической хронике преобладает утилитарная (*profitable, useful*), телеологическая (*inefficient, beneficial, reasonable*) и эмоциональная (*upbeat, unpleasant*) оценки. Таким образом, оценивая то или иное явление действительности, журналист в первую очередь отображает его с практической, материальной точки зрения.

Анализ материала показал, что в политической и экономической хронике эмоционально-оценочные единицы составляют 17,9% и 13,7% от общего количества оценочных единиц. Отличительной особенностью честеречной представленности эмоционально-оценочных единиц является преобладание прилагательных в политической хронике (44,1% против 11% в экономической хронике), тогда как в экономической хронике наиболее распространены существительные и глаголы (70% и 19% против 32,3% и 11,7% в политической хронике).

В результате исследования было выявлено, что в политической хронике оценка представлена такими аллосемами, как «страх, напряжение» (*fear, fearful, terror, tension, panic*), тогда как в экономической хронике преобладают эмоционально-оценочные единицы со значением «беспокойство» (*concern, anxiety*). В обоих типах хроники оказалось достаточно частотным употребление глаголов и прилагательных, описывающих эмоции говорящего (*to hate, to regret, to worry, to terrify; enthusiastic, stalling, outrageous, afraid, fearful, emotional*); существительных, обозначающих физиологические проявления эмоций (*fear, terror, horror, anxiety, shock, anger*).

Следует также отметить преобладание отрицательной оценки в обоих видах англоязычной хроники – 84,7% в политической хронике и 73,1% в экономической хронике.

Выводы

Проведенное исследование позволило установить прежде всего сходные черты функционирования оценочных единиц в англоязычной политической и экономической хронике. Такими общими чертами являются а) преобладание исконно-оценочных лексических единиц над контекстуально-оценочными, а также рационально-оценочных средств над эмоционально-оценочными; б) значительное превалирование отрицательной оценки в обоих типах хроники. Проведенное исследование выявило и некоторые особенности в исследуемых типах текста, заключающихся в а) более частотном использовании эмоционально-оценочных средств в политической хронике, характеризующий данный текст как более эмоционально насыщенный и б) более частотной употребительности контекстуально-оценочных единиц в экономической хронике, что позволяет сделать вывод о том, что авторы экономической хроники менее склонны к прямому выражению оценочного суждения.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2002. – 261 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 130–272.
3. Баженова, Е. А. Категория оценки / Е. А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта: Наука. – 2006. – С. 139–147.
4. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия ; отв. ред. А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 141 с.
5. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в. / С. И. Сметанина. – СПб. : Михайлов, 2002. – 382 с.
6. Майданова, Л. М. Жанры публицистического стиля / Л. М. Майданова, Л. Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта: Наука. – 2006. – С. 79–88.
7. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary / A. S. Hornby. – New 8th edition – New York : Oxford University Press, 2010. – 1796 p.
8. Лешкевич, И. В. Структура, семантика и функционирование оценочных высказываний (на материале газетных рецензий) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. В. Лешкевич ; МГЛУ. – Минск, 2009. – 193 с.
9. The UK WEEK: [Electronic resource]. – Mode of access: <http://theweek.co.uk/daily-briefing/68385/ten-things-you-need-to-know-today-sunday-10-jan-2016>. – Date of access : 02.03.16.
10. The UK WEEK: [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.theweek.co.uk/am/wednesday-january-13-2015>. – Date of access : 23.02.16.
11. The UK WEEK : [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.theweek.co.uk/daily-briefing/68351/ten-things-you-need-to-know-today-friday-8-jan-2016>. – Date of access : 23.02.16.

Поступила в редакцию 31.05.16

E-mail: vika_ch2000@front.ru

V. V. Chalagaeva

FUNCTIONING OF EVALUATIVE UNITS IN POLITICAL AND ECONOMIC NEWS –
IN-BRIEF IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article analyses functioning peculiarities of evaluative units in 200 political and economic news-in-brief in the English language. The data analysis reveals the statistics of contextual evaluative and vernacular contextual lexis in the two types of texts. The research proves the prevalence of rational evaluation over affective one in the data of analysis. Political news-in-brief are prone to extensive usage of utilitarian and emotional evaluation, whilst economic news-in-brief tend to employ utilitarian, teleologic and emotional types of evaluation. The analysis revealed prevalence of negative evaluation in the both types of texts and detected the most frequently used parts of speech for expressing evaluation in political and economic news-in-briefs.

Keywords: evaluation, contextual evaluative lexis, vernacular contextual lexis, affective evaluation, rational evaluation, news-in-brief.

81'373.23:81.161.1:81'282

С. А. ЯнковскаяКандидат филологических наук,
УО «ГрГУ имени Янки Купалы», г. Гродно, Беларусь**СУФФИКСАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА
В АСПЕКТЕ МЕЖСИСТЕМНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ
(РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК/ГОВОРЫ)**

В современной лингвистике актуальным является сопоставление двух подсистем одного языка (например, сопоставление русского литературного языка и русских народных говоров). Это объясняется тем, что одновременное изучение производных единиц литературного языка и диалектных слов помогает представить организацию типов и гнезд более разнообразно и широко. В статье рассматриваются суффиксальные производные наименования лица в двух подсистемах языка (русский литературный язык/говоры), анализируются структурно-семантические особенности производных единиц данной семантики. Отмечается, что в двух подсистемах языка могут быть производные единицы с идентичной комбинаторикой корневых морфем и словообразовательных аффиксов, но отличающихся своей семантикой. Делается вывод о том, что территориальные диалекты более свободны в образовании производных единиц, называющих лицо, нежели русский литературный язык, следствием чего является наличие таких номинаций, которые отсутствуют в литературном языке. Предлагается система общих для двух подсистем словообразовательных типов суффиксальных производных наименований лица.

Ключевые слова: наименования лица, словообразовательный тип, фрагменты словообразовательных гнезд, диалектное словообразование.

Введение

При изучении номинаций в русских народных говорах на лексическом, семантическом, словообразовательном и других уровнях языка исследователи обращаются к производным и непроизводным единицам, представляющим различную семантику. Актуальным является рассмотрение наименований лица в говорах, поскольку, с одной стороны, как отмечает А.А. Ивыгина, такие номинации «отражают систему ценностей, присущих той или иной территориально ограниченной общности» [1], и, с другой стороны, они способны не столько называть лицо, сколько характеризовать его по какому-либо признаку [2, 209].

Наименования лица в русских народных говорах помогают понять носителю языка на современном этапе развития общества отдельные фрагменты картины мира носителей территориальных диалектов. Как замечает Е.А. Оглезнева, «функциональные имена лица в совокупности представляют все возможное поле деятельности носителей говора, все многообразие производственной жизни селянина, а социально характеризующие имена фиксируют отношения с другими людьми по происхождению, возрасту, положению в семье, участию в тех или иных общественно значимых событиях. Собственно характеризующие имена, обладающие оценочностью семантики, помещают нас в мир ценностных представлений о человеке, существующих в говоре, в мир понятий об этическом и эстетическом» [3, 79]. Таким образом, функциональные и характеризующие имена дают полное представление о картине мира в процессе жизнедеятельности человека-носителя говоров.

Существует множество классификаций существительных со значением лица в русских народных говорах. Так, например, С.А. Аكوпова [4] рассматривает наименования лица на основе метафоризации и выделяет следующие группы в соответствии с мотивационной основой образования: 1) от названий сфер жизни и деятельности человека; 2) от названий предметов обихода; 3) от названий животных; 4) от названий растений; 5) от названий явлений природы.

Л.И. Смольская [5] выделяет такие тематические группы наименований лица, как номинации родственных отношений; социального положения; возраста; рода занятий; религии; внешности; по субъективному отношению; по душевным и моральным качествам.

Авторы некоторых исследований разграничивают наименования лиц женского и мужского пола. Так, например, А.А. Ивыгина, исследуя наименования лиц женского пола

в русских говорах Волжско-Свияжского междуречья [1], изучает их с точки зрения наличия/отсутствия параллели с номинативами мужского рода. Среди наименований лиц женского пола, которые не являются параллельными образованиями номинативам мужского пола, она выделяет следующие группы: 1) наименование лиц женского пола по особенностям характера и поведения; 2) по их отношению к труду; 3) по умению/неумению вести домашнее хозяйство; 4) по внешнему виду; 5) по физическим особенностям; 6) по роду деятельности; 7) по наличию/отсутствию потомства; 8) по моральным качествам.

Наименования лиц мужского пола Н.Г. Архипова [6] классифицирует по следующим признакам: по профессии, по особенностям характера, по отношению к женщине, по социальному статусу, по отношению к пагубным пристрастиям, по участию в свадебном обряде, по положению в семье, по месту жительства, по особенностям внешности, по наличию увлечений.

Актуальным является также и такое направление исследования, как сопоставление двух подсистем одного языка, в данном случае межсистемное сопоставление русского литературного языка и русских народных говоров, поскольку, как отмечает И.В. Евсева, «привлечение в качестве исследовательского материала одновременно дериватов литературного языка, диалектных слов, просторечной лексики способствует более разнообразной и более полной демонстрации непрерывности смыслового пространства организации типов и гнезд» [7, 8].

Результаты исследования и их обсуждение

В данной статье рассматриваются особенности словопроизводства суффиксальных наименований лиц женского и мужского пола в сравнительно-сопоставительном аспекте (русский литературный язык / говоры).

Сравнительно-сопоставительный анализ суффиксальных производных наименований лица показал, что в отдельных случаях идентичные по словообразовательной структуре производные единицы могут представлять различные значения в литературном языке и в говорах, например:

карамелка в русском литературном языке – это ‘одна конфета карамели’ [8, т. 7, 652], а в говорах *карамёлка* ‘то же, что карамель’ (*карамёл* ‘о девушке или женщине небольшого роста’ [9, вып. 13, 73]);

лечебница в русском литературном языке – это ‘лечебное учреждение специального назначения’ [8, т. 9, 170], а в говорах *лечёбница* ‘женщина-врач; лекарка’ [9, вып. 17, 29].

В данном случае в одной из подсистем языка, в частности, в русских народных говорах производные номинации *карамелка*, *лечебница* представляют специфическое для литературного языка значение, так как служат для обозначения лица.

Наряду с такими производными единицами, которые совпадают в литературном языке и в говорах по внешней форме, но различаются по внутреннему содержанию, отдельные места занимают суффиксальные производные номинации, которые в двух подсистемах называют лицо, но имеют некоторые оттенки различия в своей семантике. Сравните, например, производные номинации *именинник* и *летчик* в русском литературном языке и в говорах:

именинник (литературное) ‘тот, кто отмечает день своих именин’ [8, т. 7, 220] и *именинник* (диалектное) ‘любимец’ (2-ое знач.) [9, вып. 12, 191–192];

летчик (литературное) ‘специалист, управляющий летательным аппаратом’ [7, т. 9, 169] и *лётчик* (диалектное) ‘о том, кто не живет на одном месте, часто переезжает с места на место’ и ‘о том, кто часто меняет работу; летун’ [9, вып. 17, 27].

В ходе сравнительно-сопоставительного исследования суффиксальных наименований лица в диалектном словообразовании и словообразовании СРЛЯ установлено, что территориальные диалекты более свободны в образовании производных единиц, называющих лицо, нежели литературный язык. Следствием этого является наличие таких номинаций, которые отсутствуют в литературном языке. Сравните:

верёвочник 1. ‘тот, кто вытягивает из воды невод, «рабочий на веревке»’. 2. ‘владелец невода, веревки’ [9, вып. 4, 126];

загудальщик ‘выдумщик, «придумывающий что-либо новое, интересное, иногда смешное»’ [9, вып. 10, 34].

В отдельных случаях подобные специфические для литературного языка наименования человека в территориальных диалектах обусловлены спецификой деятельности, сравните: *икрючник* ‘человек, ловящий в табуне, стаде животных икрюком’ [9, вып. 12, 183].

В словообразовании русских народных говоров непроизводные и производные единицы со значением лица вступают в сложные системные отношения и образуют фрагменты словообразовательных гнезд, неизвестных литературному языку. Например:

вздбра, вздбрник, вздбрщик, вздорщица [9, вып. 4, 260];

загудайло, загудало, загудальник, загудальщик [9, вып. 10, 34];

игральник, игральница, игральщик, игральщица, играчи́ха [9, вып. 12, 66–67] и др.

В современном русском литературном языке хорошо известны наименования лиц женского пола, мотивирующими которых являются соответствующие наименования лиц мужского пола, например: *газетчица* ‘женск. к газетчик’ [8, т. 4, 19]; *грузчица* ‘женск. к грузчик’ [8, т. 4, 437]; *массажистка* ‘женск. к массажист’ [8, т. 9, 566].

Данная особенность также отмечается в целом ряде примеров в русских народных говорах:

га́дник ‘человек, болеющий тяжелой кожной болезнью’ и *га́дница* ‘женск. к гадник’ [9, вып. 6, 91];

голода́й 1. ‘голодный человек’. 2. ‘бедный человек’. 3. ‘ненасытный, прожорливый, жадный человек’ и *голода́йка* ‘женск. к голода́й’ [9, вып. 6, 317];

да́тель 1. ‘тот, кто дает или дарит что-либо’. 2. ‘лицо, дающее заказ на выполнение работы большого объема’ и *да́тельница* ‘женск. к датель (в 1-м знач.)’ [9, вып. 7, 279] и др.

Для русских народных говоров характерно образование суффиксальных производных номинаций, называющих лицо, по общим с литературным языком словообразовательным типам. Так, например, в русском литературном языке производные единицы, принадлежащие к СТ V + -ун, «называют предмет (одушевленный или неодушевленный), производящий действие, названное мотивирующим словом, часто с оттенком «склонный к этому действию»: *бегун, прыгун, опекун, шалун, плясун, лгун* [10, 146]. Сравните образующиеся по такой же модели производные номинации русских народных говоров *езгун* ‘непоседа, человек, не сидящий спокойно на месте’ [9, вып. 8, 329] (от *эзгать* и *эзгать*), *каряйдун* ‘тот, кто говорит охрипшим голосом, хрипит’ [9, вып. 13, 114] (от *каряйдать*).

Словопроизводство диалектных наименований лица по общим с литературным языком словообразовательным типам отмечается и в ряде других случаев. Сравните, например:

- производные единицы литературного языка *бродеяга* и русских народных говоров *голода́га* ‘голодный человек’ // ‘проголодавшийся человек’ (2-ое знач.) [9, вып. 6, 317], принадлежащие к СТ V + -ага;

- производные единицы литературного языка *сторожи́ха, повари́ха, портни́ха* и русских народных говоров *жеребчи́ха* ‘о большой, сильной женщине, девушке (обычно бранно)’ [9, вып. 9, 137], *жигали́ха* ‘бойкая, проворная женщина’ [9, вып. 9, 163] (от *жигал*), принадлежащие к СТ S + -их(а);

- производные единицы литературного языка *стряпу́ха, потаску́ха, цебету́ха* и русских народных говоров *засиду́ха* ‘то же, что засиделка’, *засиде́лка* ‘старая дева’ [9, вып. 11, 30–31], *лазу́ха* ‘проницательная женщина, пролаза, пройдоха’ [9, вып. 16, 246], принадлежащие к СТ V + -ух(а);

- производные единицы литературного языка *игрок, ходок, ездок, стрелок* и русских народных говоров *засидок* ‘то же, что засиделка’ [9, вып. 11, 31], *играто́к* ‘искусный игрок’ [9, вып. 12, 67], принадлежащие к СТ V + -ок;

- производные единицы литературного языка *сиделка, гадалка, зубрилка* и русских народных говоров *изгиля́лка* ‘кривляка, ломака, фигляр’ [9, вып. 12, 116] (от *изгиля́ться*), *калялка* ‘человек, который что либо с силой толкает ногой (каляет)’ [9, вып. 13, 12], принадлежащие к СТ V + -лк(а);

- производные единицы литературного языка *выскачка, недоучка, зазнайка* и русских народных говоров *лече́йка* ‘лекарка; знахарка’ [9, вып. 17, 29], *лакомка* ‘любитель поухаживать за женщинами, волокита’ (1-ое знач.) [9, вып. 16, 250], принадлежащие к СТ V + -к(а);

- производные единицы литературного языка *псарь, аптекарь, библиотекарь* и русских народных говоров *лобарь* 1. ‘большелобый человек; лобан’. 2. *неодобр.* ‘о крепком, здоровом, но ленивом человеке’. 3. ‘нищий’ [9, вып. 17, 94–95], принадлежащие к СТ S + -арь;

- производные единицы литературного языка *свидетельница, председательница, учительница* и русских народных говоров *вла́стница* ‘женщина, «имеющая свою волно»’ [9, вып. 4, 318], *капу́стница* 1. ‘женщина, пришедшая на общественную рубку капусты’. 2. ‘женщина, сажающая капусту на продажу, торговка капустой’ [9, вып. 13, 60], принадлежащие к СТ S + -ниц(а);

- производные единицы литературного языка *болтунья, шалунья, лгунья* и русских народных говоров *глазунья* ‘женщина, обладающая острым зрением или наблюдательностью’ (1-ое знач.) [9, вып. 6, 191] (от *глазун*), *ездунья* 1. ‘любительница ездить’. 2. ‘непоседа, резвушка’ [9, вып. 8, 331] (от *ездун*), принадлежащие к СТ *S* + *-j-*;

- производные единицы литературного языка *преподаватель, слушатель, писатель* и русских народных говоров *датель* 1. ‘тот, кто дает или дарит что-либо’. 2. ‘лицо, дающее заказ на выполнение работы большого объема’ [9, вып. 7, 279], принадлежащие к СТ *V* + *-тель*;

- производные единицы литературного языка *фокусник, причудник, завистник* и русских народных говоров *дверник* ‘человек, открывающий двери во время свадьбы’ [9, вып. 7, 283], *капустник* ‘тот, кто любит капусту’ (1-ое знач.) [9, вып. 13, 60], принадлежащие к СТ *S* + *-ник*;

- производные единицы литературного языка *бедняк, холостяк, толстяк* и русских народных говоров *дворяк* ‘дворовый человек’ (2-ое знач.) [9, вып. 7, 302], принадлежащие к СТ *Adj* + *-як*;

- производные единицы литературного языка *умник, безобразник* и русских народных говоров *ежевэтик* ‘скупец, скряга’ [9, вып. 8, 326] (от *ежевэтый*), *заскору́злик* ‘заморенный человек или животное, растение’ [9, вып. 11, 37] (от *заскору́злый*), принадлежащие к СТ *Adj* + *-ик*;

- производные единицы литературного языка *синьорина, гофмейстерина* и русских народных говоров *эзопина* ‘безобразный человек’ [9, вып. 8, 333], принадлежащие к СТ *S* + *-ин(а)*;

- производные единицы литературного языка *запевала, громила, кутила* и русских народных говоров *жури́ла* ‘ворчун, брюзга’ [9, вып. 9, 231], принадлежащие к СТ *V* + *-л-*;

- производные единицы литературного языка *шутник, клеветник, насильник* и русских народных говоров *заслóвник* ‘тот, кто заступает за кого-либо’ [9, вып. 11, 42] (от *заслóвить*), *лакомник* ‘любитель лакомств, сластей’ (5-ое знач.) [9, вып. 16, 250], принадлежащие к СТ *V* + *-ник*;

- производные единицы литературного языка *вязальщик, носильщик* и русских народных говоров *загудáльщик* ‘выдумщик, «придумывающий что-либо новое, интересное, иногда смешное»’ [9, вып. 10, 34], *засева́льщик* ‘сеяльщик’ (1-ое знач.) [9, вып. 11, 22], *игральщик* ‘гармонист’ (1-ое знач.) [9, вып. 12, 66], принадлежащие к СТ *V* + *-льщик*;

- производные единицы литературного языка *трамвайщик, тюремщик, кабатчик* и русских народных говоров *калымщик* 1. ‘взяточник человек, который ничего не делает безвозмездно’. 2. ‘скупой человек’ [9, вып. 13, 6], принадлежащие к СТ *S* + *-щик / -чик*;

- производные единицы литературного языка *мастерица, царица, дьяволица* и русских народных говоров *капустница* 1. ‘женщина, пришедшая помочь рубить капусту’. 2. ‘плакса’ [9, вып. 13, 59], *ма́тица* ‘мать’ (1-ое знач.) [9, вып. 18, 30], принадлежащие к СТ *S* + *-ниц(а)*;

- производные единицы литературного языка *соседка, пассажирка, шпионка* и русских народных говоров *матрóска* ‘женщина-матрос’ (1-ое знач.) [9, вып. 18, 36], *махлю́йка* ‘ленивая, плохая работница’ [9, вып. 18, 48] (от *махлю́й*), принадлежащие к СТ *S* + *-к(а)* и др.

Отдельную группу наименований лица в русском литературном языке составляют суффиксальные производные единицы, принадлежащие к СТ, являющимся продуктивными в разговорной речи, например: производные *замазуля* (разговорное, о детях), *игруля* (окказиональное; устная речь), образующиеся по модели *V* + *-ул(я)*, производные *вруша, копуша, плакуша*, образующиеся по модели *V* + *-уш(а)*, производные *растеряха, вытивоха*, образующиеся по модели *V* + *-х(а)* [10, 152]. В литературном языке подобного рода аффиксы (*-ул(я)*, *-уш(а)*, *-х(а)*) являются показателем принадлежности данных номинаций к стилистически окрашенной лексике. В говорах же данные аффиксы стилистически нейтрализуются, сравните:

изгибу́ля ‘шалун, шалунья, баловник, баловница’ (2-ое знач.) [9, вып. 12, 116];

каляку́ша ‘болтун, болтунья, пустомеля’ [9, вып. 13, 12];

задира́ха ‘зачинщик ссор, драк; задира’ [9, вып. 10, 55] и др.

В современном русском литературном языке отдельную группу суффиксальных наименований лица составляют номинации, образующиеся по *непродуктивным* словообразовательным типам. Так, например, СТ *S* + *-ун* в литературном языке представлен небольшим количеством наименований лица (например, *горбун*). Специфическими для литературного языка производными номинациями, называющими лицо, говоры расширяют число дериватов с данным аффиксом: *глазун* ‘о человеке с большими глазами или глазами навывкате’ (1-ое знач.) [9, вып. 6, 191].

Образование в русских народных говорах наименований лица по общим СТ, являющимся *непродуктивными* в русском литературном языке, наблюдаем также и в других примерах. Так,

например, в СРЛЯ к группе единиц, образующихся по непродуктивным СТ, относятся производные единицы, принадлежащие к СТ $V + -ух$ (*пастух*) [10, 156–157]. Сравните специфическую для литературного языка диалектную номинацию *избалóвух* ‘тот, кто испорчен баловством’ [9, вып. 12, 90], принадлежащую к данному СТ.

По *непродуктивным* в русском литературном языке словообразовательным типам $V + -ак$ (*вожак*) [10, 146], $V + -ниц(а)$ (*возница, родильница*) [10, 153–154] осуществляется словопроизводство, например, таких диалектных номинаций, обозначающих лицо, как:

лазák 1. ‘тот, кто хорошо залезает на деревья’. 2. ‘человек, залезающий на дерево для сбивания кедровых шишек’ [9, вып. 16, 241];

лакомница ‘любительница лакомств, сластей; лакомка’ (1-ое знач.) [9, вып. 16, 250];

заслóнница ‘заступница’ [9, вып. 11, 42] (от *заслонить*);

йгральница ‘девушка, за которой ухаживает какой-либо молодой человек’ [9, вып. 12, 66] и др.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ суффиксальных производных номинаций литературного языка и русских народных говоров, называющих лицо, позволяет выделить общие для двух подсистем СТ. В частности, это:

- СТ, мотивированные глаголом: $V + -ун$, $V + -ага$, $V + -ух(а)$, $V + -ок$, $V + -лк(а)$, $V + -к(а)$, $V + -тель$, $V + -л-$, $V + -ник$, $V + -льщик$;

- СТ, мотивированные именем прилагательным: $Adj + -як$, $Adj + -ик$;

- СТ, мотивированные именем существительным: $S + -их(а)$, $S + -арь$, $S + -ниц(а)$, $S + -j-$, $S + -ник$, $S + -ин(а)$, $S + -щик / -чик$, $S + -иц(а)$, $S + -к(а)$.

Среди СТ, являющихся продуктивными в *разговорной речи* русского литературного языка, общими для двух подсистем языка (русский литературный язык / говоры) являются СТ $V + -ул(я)$, $V + -уш(а)$, $V + -х(а)$.

Отдельную группу производных единиц-наименований лица составляют номинации, принадлежащие к *непродуктивным* СТ в литературном языке и являющиеся общими для двух подсистем, в частности: СТ $S + -ун$, $V + -ух$, $V + -ак$, $V + -ниц(а)$.

Исследование также показывает, что говоры более свободны в образовании производных номинаций, называющих лицо, по общим с литературным языком моделям. Так, например, в словообразовании русского литературного языка дериваты, принадлежащие к СТ $V + -льник$, чаще называют предмет, орудие, приспособление, предназначенное для совершения действия: *паяльник, будильник, умывальник, светильник, утиральник*. Группа единиц, принадлежащих к данному СТ и способных назвать лицо, представлена единичными производными, например: *молчальник, висельник* [10, 145]. В говорах данный СТ является достаточно продуктивным. Сравните многообразие производных наименований лица с суффиксом *-льник* в диалектах:

загудáльник ‘то же, что загудало’ (от *загудать*), *загудáло* ‘пьяница, кутила, буян’ [9, вып. 10, 34];

йгральник ‘молодой человек, ухаживающий за девушкой’ // ‘парень на гулянье, на вечеринке’ [9, вып. 12, 66];

катáльник ‘тот, кто катается на санках и т. п.’ [9, вып. 13, 122];

ладе́льник 1. ‘тот, кто исправляет что-либо, чинит; мастер’. 2. ‘знахарь’ [9, вып. 16, 230];

матюка́льник ‘сквернослов’ [9, вып. 18, 42] и др.

Наряду с общими СТ суффиксальных производных наименований человека, для русских народных говоров характерны такие СТ, которые являются специфическими для литературного языка и характерными только для диалектов. Сравните, например, следующие словообразовательные типы диалектных наименований лица, отсутствующие в литературном языке:

СТ $V + -ук$: *гайду́к* 1. ‘работник, батрак’. 2. ‘человек очень высокого роста’. 3. ‘богатырь, силач’ [9, вып. 6, 97] (от *гайдать*);

СТ $Adj + -ан$: *жестокáн* 1. ‘жестокий, безжалостный человек’. 2. ‘скупого человека, стяжатель’ [9, вып. 9, 146] и др.

Выводы

Сравнительно-сопоставительное исследование суффиксальных производных единиц, называющих лицо, в словообразовании современного русского литературного языка и в диалектном словообразовании позволяет говорить скорее о преобладании общих черт, нежели черт, различающих данные подсистемы. В частности, словопроизводство диалектных

суффиксальных производных наименований лица осуществляется по общим с литературным языком словообразовательным типам. В связи с этим в русских народных говорах активно образуются такие номинации, называющие лицо, которые соответствуют тому или иному СТ, но при этом отсутствуют в литературном языке. В качестве *отличительной* черты, характерной для системы говоров, является большая степень детализации семантики производных наименований лица.

Перечень принятых обозначений и сокращений
СРЛЯ – современный русский литературный язык
СТ – словообразовательный тип

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ивыгина, А. А. Наименование лиц женского пола в русских говорах Волжско-Свияжского междуречья: структурно-семантический аспект / А. А. Ивыгина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6–2 (24). – С. 93–97.
2. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 156–249.
3. Оглезнева, Е. А. Человек в диалектной картине мира (на материале производных имен существительных русских говоров Приамурья / Е. А. Оглезнева // Вестн. Амурск. гос. ун-та. – 2001. – Выпуск 12.
4. Аكوпова, С. А. Лексико-семантическое образование существительных со значением лица (на основе метафоризации) / С. А. Аكوпова // Русский язык в школе. – 1985. – №6. – С. 84–91.
5. Смольская, Л. И. Семантические и структурные особенности наименований лица в русских говорах // Беларуская мова ў супольнасці моў : зб. навук. арт. (да 85-годдзя прафесара П. У. Сцяцко) / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: А. І. Кавальчук (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродно : ЮрСаПрынт, 2015. – С. 304–310.
6. Архипова, Н. Г. Наименования лиц мужского пола в русских говорах Приамурья / Н. Г. Архипова, А. Мисак // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – Благовещенск, 2006. – Выпуск №4. – С. 43–47.
7. Евсеева, И. В. Комплексные единицы русского словообразования : когнитивный подход / И. В. Евсеева. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 310 с.
8. Большой академический словарь русского языка : в 19 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. – М.; СПб.: Наука, 2004–2011. – Т. 4, 7, 9, 10.
9. Словарь русских народных говоров : в 47 вып. – М.; СПб.: Изд-во Академии наук СССР : Институт лингв. исследований РАН. – 1965–2014. – Вып. 4, 6–13, 16–18.
10. Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.

Поступила в редакцию 22.09.16

E-mail: sv-y@yandex.ru

S. Yankouskaya

SUFFIXED NAMES OF PERSON ARE IN ASPECT OF INTERSYSTEM COMPARISON (RUSSIAN LITERARY LANGUAGE/DIALECTS)

In modern linguistics is the actual comparison of the two subsystems of the same language (for example, a comparison of the Russian literary language and dialects). This is explained by the fact that the simultaneous study of derived units of the literary language and dialect words helps to present the organization and the types of nests and more varied widely. The article deals with derivatives name of the person in the two language subsystems (Russian literary language/dialects), analyzed the structural and semantic features derived units of the semantics. It is noted that in the two language subsystems derived units may be identical to the combinatorics of the root morpheme and word-building affixes, but differ in their semantics. The conclusion is that the territorial dialects have more freedom in the formation of derived units that call the person rather than the literary language, the consequence of which is the presence of such nominations, which are absent in the literary language. The system of common literary language and Russian dialects derivational types of derivative names of the person.

Keywords: the names of person, word-formation type, fragments of word-formation nests, dialectal word-formation.

ПЕРСАНАЛІІ

НА НІВЕ РОДНАГА СЛОВА: ДА ЮБІЛЕЮ ПРАФЕСАРА В. В. ШУРА

Васіль Васільевіч Шур, прафесар Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна, доктар філалагічных навук, нарадзіўся 26 чэрвеня 1946 г. у сяле Стадолічы Лельчыцкага раёна.

У 1967 годзе В.В. Шур закончыў Мазырскі дзяржаўны педагагічны інстытут. Пасля інстытута працаваў на радзіме настаўнікам беларускай, рускай мовы і літаратуры, геаграфіі, гісторыі. У 1974 закончыў аспірантуру Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута (цяпер БДПУ імя Максіма Танка). Прайшоў усе ступені навуковага і кар'ернага росту: асістэнт кафедры мовазнаўства, старшы выкладчык кафедры беларускай і замежных моў, дацэнт кафедры беларускай мовы, дэкан факультэта педагогікі і методыкі пачатковага навучання, доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры беларускага мовазнаўства, цяпер прафесар кафедры беларускай і рускай філалогіі.

Навуковая дзейнасць Васіля Шура даволі шматгранная, звязаная ў першую чаргу з даследаваннем праблем лексікалогіі, лексікаграфіі, анамастыкі, методыкі выкладання беларускай мовы, лінгвістычнага краязнаўства.

З канца 70-х гг. XX ст. В. В. Шур пачаў актыўна займацца вывучэннем анамастычных адзінак: асабовых уласных імёнаў, мянушак, прозвішчаў, шматлікіх тапанімічных назваў. Вынікам гэтага стала яго доктарская дысертацыя "Анамастычная лексіка ў мове беларускай мастацкай літаратуры", паспяхова абароненая ў 2004 г. у Беларускам дзяржаўным універсітэце.

Пад кіраўніцтвам прафесара В. В. Шура працягваецца даследаванне надзвычай актуальных у мовазнаўстве праблем тапанімікі і літаратурнай анамастыкі, а ў апошні час – анамастыкону Мазырска-Прыпяцкага Палесся як культуралагічнага і моўна-этнаграфічнага кампанента духоўнай культуры насельніцтва рэгіёна. Шматлікія анамастычныя адзінкі тлумачацца нестандартна, а часам набываюць у Васіля Васільевіча нечаканыя паводле словаўтварэння і семантыкі тлумачэнні.

Прафесар В. В. Шур распрацаваў арыгінальны курс "Радзімазнаўства: Мазырназнаўства", які выкладаецца ў школах і далучае вучняў-палешукоў да багатай і ўнікальнай спадчыны Палесся.

Пад кіраўніцтвам вучонага абаронены 3 кандыдацкія дысертацыі па філалагічных навук (А. А. Валасенка, А. В. Кавалёва, Г. В. Юдзянкова). Васіль Васільевіч неаднаразова з'яўляўся афіцыйным апанентам на абаронах кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый. Ён аўтар 270 навуковых артыкулаў, вучэбна-метадычных дапаможнікаў, вучэбных праграм, манаграфій. У апошнія гады ім выдадзены манаграфіі "Анамастычная лексіка ў беларускай мастацкай літаратуры" (2002), "Онім у мастацкім тэксце" (2006), "Уласныя імёны ў прасторы і часе" (2008), "Уласнае імя ў мастацкім тэксце" (2010), "Слова ў мастацкім кантэксце: онімы, метафары" (2013), "Уласнае імя ў соцыуме і мастацкім тэксце" (2015). Пад яго кіраўніцтвам праведзена некалькі Міжнародных навуковых канферэнцый.

Прафесар не абмяжоўваецца толькі ўніверсітэцкімі клопатамі. Ён актыўна папулярызуе беларускую мову, мову роднай Мазыршчыны, выступае ў школах, у друку, на радыё і тэлебачанні з цікавымі дакладамі і паведамленнямі. Ён вядомы па шматлікіх публікацыях у "Настаўніцкай газеце", часопісах "Польмя", "Малодосць", "Роднае слова", "Беларуская мова і літаратура" і інш. Частка такіх яго матэрыялаў апублікавана ў гістарычна-дакументальнай хроніцы "Памяць. Мазыр, Мазырскі раён". Асабліва прыгожа і пераканаўча расказвае ён і аб сваім родным краі, ганарыцца

ім, а ў сваіх кнігах на шматлікіх фактах характарызуе як вызначальную тую ролю, якую адыгрывае "малая радзіма" ў станаўленні творчасці пісьменнікаў, навукоўцаў і кожнага з нас.

Праца прафесара Васіля Васільевіча Шура на ніве роднага слова адзначана медалём "За працоўныя заслугі". За шматгадовую плённую працу і поспехі ў падрыхтоўцы высокакваліфікаваных педагагічных кадраў, значны ўклад у развіццё навукі і вучэбна-метадычнае забеспячэнне выкладання лінгвістычных дысцыплін, захаванне і творчае даследаванне культурна-гістарычных традыцый Палескага рэгіёна ён узнагароджаны знакам "Выдатнік народнай асветы", шматлікімі граматамі Міністэрства асветы БССР, Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскага аблвыканкама, Мазырскага гарсавета і гарвыканкама, граматамі ўніверсітэта і г. д. На этапе навуковага росквіту і грамадскага прызнання Васіль Васільевіч Шур напоўнены творчай энергіяй і новымі планами.

Шчыра віншуем В. В. Шура з юбілеем. Жадаем Вам, паважаны Васіль Васільевіч, моцнага здароўя, далейшых прафесійных і творчых поспехаў, невычэрпнай энергіі і новых знаходак у таямнічай анамастыцы.

С. Б. Кураш, загадчык кафедры беларускай і рускай філалогіі УА "Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна", кандыдат філалагічных навук, дацэнт

МГПУ ИМ. И. П. ШАМЯКИНА

ІМГНЕННЕ І ВЕЧНАСЦЬ: ШТРЫХІ ДА ТВОРЧАГА ПАРТРЭТА ЛІНГВІСТА І ПАЭТА

Пайшоў з жыцця таленавіты вучоны-педагог, доктар філалагічных навук, член-карэспандэнт Беларускай акадэміі адукацыі, прафесар, сябра Саюза пісьменнікаў Беларусі, паэт Васіль Іванавіч Рагаўцоў. Яго ведалі ва ўсіх ВНУ Рэспублікі Беларусь як аўтара шматлікіх арыгінальных падручнікаў для школ і ВНУ, манаграфій, паэтычных зборнікаў, артыкулаў, апублікаваных у аўтарытэтных часопісах і зборніках навуковых прац. Вялікім быў яго аўтарытэт і ў навуковых колах. Такіх апантаных працаю, навукаю, любоўю да Беларусі, яе мовы, культуры, хто з вялікаю павагаю ставіўся і да культуры, мовы суседніх народаў, мы можам назваць адзінкі. Ён меў сяброў сярод рускіх, украінскіх, польскіх лінгвістаў і паэтаў, а сведчаннем таму шматлікія рэцэнзіі і іншыя публікацыі пра плённую творчасць прафесара і паэта В. І. Рагаўцова.

Мне гэты адораны, таленавіты і заўсёды малады чалавек запомніўся тым, што я прымаў уступныя экзамены пры яго паступленні на філалагічны факультэт Мазырскага педінстытута, дзе абітурыент пры здачы экзамена па беларускай літаратуры тэрэтычныя выкладкі ілюстравалі прыкладамі са сваіх, яшчэ тады не апублікаваных, вершаў, некаторыя з іх сталі потым арганічнаю часткаю яго паэтычных зборнікаў. Ужо тады ён напісаў наступныя радкі: *Жывых/ да скону вучыць жыццё. / І на гэтай пуцявіне – / залацінкі-імгненні / чалавечага ішчасця. / А для тых, хто сыходзіць за ДоляГляд, / мімалётнае, плыннае зліваецца з вечнасцю. / Як і яны самі.* Яго паэзія ў зборніках свежая і вобразная. Ён нібы адчуваў, што век зямны не бясконцы, скіраваны на спрадвечныя каштоўнасці чалавека: любоў, дабрэнню, высакароднасць, самаахвярнасць...

Яго перу належаць некалькі высокамастацкіх зборнікаў, у тым ліку “Сутонне”, “ДоляГляд”, “Адмыслоўцы”, “На раскрыжы дарог”, “Імгненне і вечнасць” і інш., а таксама новыя вершы. Розныя па змесце і тэматыцы вершы ў зборніках высокамастацкія, займальныя і пазнавальныя. Першы яго зборнік “ДоляГляд” разлічаны на маленькага чытача, які пазнае таямніцы роднага слова. Творы ў ім прасякнуты шчырасцю, зычлівасцю, спагадай і любоўю да роднай зямлі, мовы бацькоў. У вершах многа таго, што абуджае цікавасць да спасціжэння рэчаіснасці, да чаго найчасцей прагна імкнецца дзіця, пазнаючы праз словы, апісанні безліч невядомых яму таямніц. Вершы багатыя на займальнае выяўленне семантыкі роднага слова, абыгрыванне блізкіх або аднолькавых па гучанні моўных адзінак. Так, значная частка вершаў-мініяцор у зборніку пабудавана з выкарыстаннем такой стылістычнай фігуры, як каламбур, калі абыгрываюцца дзве і больш сугучныя лексічныя адзінкі (амонімы і блізкагучныя словы), у выніку чаго ўзнікае спецыфічная “гульня” слоў, якой ствараецца дасціпнасць, павышаная ўвага да зарыфмаваных радкоў: “*Я для птушачкі аўсянкі / Кашкі навару – аўсянкі. / Вечарочкам мне аўсянка / Праспявае калыханку*” [2, с. 7]; “*Добра, мамка, не забуду: / Я схаваюся за буду, / Калі будзе сцюжны вецер, – / Кляўся так сыночак Пеця*” (“Не забуду”); “*Мамка, нешта ў хаце душина. / Адчыню я зараз юшку. / – Юшку? / – Ведай, мой сыночак: / Гэта з чыгуну кружочак. / Зачыняюць юшкай комін, / Каб цяплей было ў доме. / А яшчэ ёсць юшка – страва. / Рыба з рознаю прыправай...*” (“Юшка”). Праз мастацкае апісанне рэалій, праз умелае выкарыстанне дзеля гэтага агульнавядомых прыказак маленькаму чытачу ў вершаваных радках даходліва і даступна даецца вызначэнне і своеасаблівы каментар да слоў-амонімаў, якія гучаць аднолькава, але маюць рознае значэнне: “*– Вы ўжо ведаеце, дзеткі, / Колькі слоў “каса” у нашай мове. / Ну, а зараз паспрабуйце / Складзі сказы з словамі. / – Можна нам? Мы ўжо гатовы. / – Калі ласка, Грыша. / – Косіць каса,*

/ Пакуль раса. / – Слухаем цябе, Францішка. / – Пясчаная каса – / Вузкая на рэчыцы паласа. / – Што сказаць нам хоча Міша? / – Каса – дзявочая краса...” [2, с. 10]

Даступна паэт знаходзіць спосаб растлумачыць маленькаму чытачу беларускія назвы месяцаў. Дзеля гэтага ён персаніфікуе, па-свойму ажыўляючы з’явы, прадметы, надзяляючы іх чалавечымі якасцямі, а таксама супастаўляе ў кантэксце роднасныя словы і такім чынам лаканічна і займальна адказвае, чаму людзі выбралі ў якасці назвы месяца такое гаваркое слова: “*Студзень студзіць вокны, дзверы / Подыхам мяцелі. / Завывае люты зверам – / Аж дрыжыць аселица. / Сакавік – з гаючым сокам, / З сонечнаю ласкай. / Красавік... І на ўзлюбках / Зацвітаюць краскі. / Луг вітае першатравы. / Травень... Час маёвы. / Чэрвень пчол выводзіць спраўна / На папас мядовы...*” [2, с. 18].

Як вядома, пісаць для дзяцей больш складана, чым для дарослых, аднак В. Рагаўцоў знаходзіць спосабы ўмелага абыходжання і арыгінальнага выкарыстання слова, каб зацікавіць маленькага чытача і абудзіць павагу да агульначалавечых каштоўнасцей, запрасіць яго ў суразмоўцы і “*нават змусіць задумацца над тым, што хвалюе аўтара*”.

Зборнік “*На раскрыжы дарог*” арыентаваны пераважна на чытача-інтэлектуала, які разумее і ўсведамляе жыццё ў яго шматаблічнасці і складанасці, прасякнутае клопатамі і роздумам пра супярэчлівасці нашай рэчаіснасці. Адметнасць гэтай кнігі Васіля Рагаўцова – багацце ў вершаваных радках трапных, вывераных жыццёвым вопытам нечаканых аўтарскіх абагульненняў, якія вызначаюцца лаканізмам, змястоўнасцю. У такіх сублимаваных, скандэнсаваных выказваннях, што нагадваюць афарызмы, выразна дамінуе філасафічная напоўненасць, мастацкая завершанасць, глыбокая думка. У гэтым нам бачыцца заканамернасць і паслядоўнасць напісанага гэтым аўтарам. Яго паэтычныя набыткі прыязна аналізавалі ў самых розных часопісах пісьменнікі Алесь Марціновіч, Казімір Камейша і інш. Так, паэт Казімір Камейша напісаў кароткую прадмову да гэтага зборніка, у якой адзначае, што сама назва “*На раскрыжы дарог*” дае падставы да развагі над праблемамі жыцця... Жыццё чалавечае, па сутнасці, кароткае, як імгненне. Але і гэтае імгненне кожны пражывае па-свойму: адзін – сумленна, іншы – хітруючы, адзін плённа, з вымогай сілы, іншы – абы дзень пражыць. Вельмі складаная, нярэдка нават невытлумачальная філасофія жыцця... Многія радкі паэта Васіля Рагаўцова гучаць афарыстычна [1, с. 3]. Ужо ў першых зборніках паэта выяўляецца адметная асаблівасць творчасці В. Рагаўцова – дасканалае валоданне паэтычным словам, ствараць пераканальна-запамінальныя малюнкi, “*дэатна пісаць афарыстычна*” (А. Марціновіч). Параўн.: “*І радасць / не сагрэе нішчымною душу. / Як ружа ў вазоне / – сваім пуштацветам*”, “*Любіць / можна й розумам. / А кахаюць – толькі душою*”. Безумоўна, стварэнне афарызмаў патрабуе вялікіх намаганняў, ведаў, таленту, духоўнасці, што падкрэсліваецца даследчыкамі пры аналізе такіх выслоўяў.

Афарыстычнасць як азнака стылю мастакоў слова была выразнаю прыкметаю ўжо ў лепшых творах антычных аўтараў. Да нашых дзён дайшлі з часоў Старажытнай Грэцыі самыя разнастайныя кароткія і выразныя па форме, глыбокія сэнсам і абагульненнямі выразы, аўтарамі якіх з’яўляюцца такія вядомыя дзеячы антычнасці, як *Арыстоцель, Геракліт, Дэмакрыт, Платон, Плутарх, Сакрат*. Лічыцца, што ўпершыню слова *афарызм* у сучасным яго разуменні выкарыстаў старажытнагрэчаскі ўрач *Гіпакрат*, які ў серыі парад, называючы сімптомы і дыягназы хвароб, лаканічна і мудра раіў тым, хто лечыць і хто лечыцца: “*Жыццё кароткае, творчасць даўгавечная, магчымасці абмежаваны, вопыт небяспечны, разважанні ўскладнены: неабходна быць не толькі справядлівым у адносінах да кожнага, але і дабівацца добразычлівасці ад пакутуючых, тых, з кім сутыкнуўся ты пры надзвычайных абставінах*”. Старажытныя грэкі, як вядома, вельмі паважалі гэтага ўрача-рэфарматара. Нездарма, як піша А. Міхневіч, Гіпакрату прыпісваюць тэкст вядомай клятвы – *клятвы Гіпакрата*, якую і сёння даюць студэнты-медыкі пры заканчэнні ўніверсітэта. Працы Гіпакрата высока цаніліся, а яго азначэнні розных з’яў і прадметаў лічыліся ўзорнымі. Паступова тэрмін “афарызм”, як прасачыў яго эвалюцыю А. Аксамітаў, пачаў азначаць не толькі сентэнцыйныя выказванні пераважна з медыцынскай сферы, але і ў такіх напрамках чалавечай дзейнасці, як земляробства, мастацтва, юрыспрудэнцыя, палітыка, мараль і інш.

Трапнымі выразамі напоўнены і зборнік В. Рагаўцова “*На раскрыжы дарог*”. У ім можна выявіць значную колькасць вершаваных твораў, якія цалкам складаюцца з афарыстычных выслоўяў. Як вядома, арыгінальнасць такіх адзінак дасягаецца ўмелым выкарыстаннем у абмежаваным кантэксце самых розных тропай і стылістычных фігур (параўнанні, каламбур, антытэза, аксюмаран, паралелізм, анафара, эпіфара, змоўчанне, зэўгма і інш.), калі словы і выразы ўжываюцца найчасцей з пераносным значэннем дзеля дасягнення найбольшай мастацкай выразнасці, лагічнасці і пераканальнасці.

Праілюструем сказанае радкамі з вершаў: “Хто не забыўся / на мінуўшчыну, / той беражэ і будучыню” [1, с. 22]; “Спыталіся ў заможніка: / “Што цяжэй: / нарадзіцца ці памёрці?” / І той адказаў: / “Жыць” [1, с. 35]; “Нараджацца, / як і паміраць, / можна аднойчы, / а здраджваць – / усё жыццё” [1, с. 38]; “Жыццё – / не вяроўка: / не падточыш. / А падкараціць яго – / проста” [1, с. 53]; “Сумлення, як і зайздрасці, / не купіш і не пазычыш. / Яго можна толькі / размяняць” [1, с. 40]; “Многія і на волі – / нявольнікі. / Чужой Душы” [1, с. 41]; “Б’еца посуд – / на ічасце. / А б’юць – / на разлад” [1, с. 43]; “Вялікія творцы / яшчэ большыя / сваёй адсутнасцю” [1, с. 48]; “Быў бедны – / спачувалі, / Стаў заможны – / зайздросцяць. / І ўсё тыя ж” [1, с. 53]; “Грэшныя моляцца / рукою, / а святыя – / і душою” [1, с. 66]; “Ці можна быць / тройчы святым? / А Героем – / можна” [1, с. 73]; “Радавацца – / яшчэ не значыць / быць ішчаслівым. / Бо ічасце – / гэта радасць, / зведаная ў пакутах” [1, с. 82]; “Шчаслівыя, / каго чакаюць. / А яшчэ болей / ішчаслівыя тыя, / каму ёсць каго / чакаць” [1, с. 83]; “Разумнымі нараджаюцца, / мудрымі становяцца, / а дурнем – / можна і прыкінуцца” [1, с. 106]; “Ніколі не стане / бліжнім чужое, / калі счужнела / сваё” [1, с. 110]; “Спакутаваная душа / лечыцца дабрывёю, / а грэшная – / пакутамі” [1, с. 111]; “Выгнаннікі / чужой душы... / А яшчэ жахлівей, / калі – / сваёй” [1, с. 111].

У радзе выпадкаў паэт пашырае агульныя сэнсы вядомых выслоўяў: “Кажуць, / перад Богам усе роўныя. / Як шкада – / не на гэтым свеце” [1, с. 16]; “Людзей слухай, / а свой розум май... / Бо без чужога розуму / пражывеш, / а без свайго – / гора нажывеш” [1, с. 13]. Некаторыя вядомыя прыказкі, афарызмы В. Рагаўцоў мэтанакіравана перайначвае, часам удакладняючы і ўкладваючы ў іх крыху іншы або новы сэнс: “Жыццё пражыць – / і поле перайсці, / парослае хвашчом; / і лес, / напоўнены трывожным ічэбетам / птушыным; / і луг, / някошаны які ўжо год... / Цяжэй за ўсё прайсці / цераз сябе самога. / І быць / ішчаслівым” [1, с. 25]; “З песняй / лягчэй жыць. / Толькі не заўсёды / яе лёгка / спяваць” [1, с. 25]; “І багатыя / плачуць. / Нярэдка – / слязьмі бедных” [1, с. 29]; “Нельга ўвайсці / ў адну раку двойчы. / А мне – удалося. / У раку маленства. / У мроях” [1, с. 37]; “Пакутуюць / і ад вялікага розуму, / і ад малога. / А яшчэ горай – / калі яго няма” [1, с. 18]. Параўнайце ў гэтай сувязі, напрыклад, вядомы загаловак з класічнага твора А. Грыбаедава “Гора ад розуму”.

Паэт часам арыгінальна супастаўляе класічныя радкі з твораў вядомых паэтаў і да сказанага дадае сваё разуменне пастаўленай класікамі праблемы: “Беларусь, твой народ дачакаецца / Залацістага, яснага дня...” / Задаваюцца словы / яшчэ аднаго класіка: / “Товарищ, верь: взойдет она, / Заря пленительного счастья...” / І чакаем, і верым...” [1, с. 45]; “Лятуць апантанья коні... / І іх не суняць, і не скуць. / Ад цокату стукое ў скронях... / Куды ж яны зноўку лятуць?!” [1, с. 52]. Пытанне, пастаўленае ў канцы гэтых радкоў, насычаных інтэртэкстуальным зместам, хутчэй за ўсё рытарычнае не толькі для Максіма Багдановіча, што напісаў і абессмяроціў сябе знакамітай “Пагоняй”, а і для ўсіх нас, бо ўжо некалькі стагоддзяў, як прывід “Усё лятуць і лятуць тыя коні, / Срэбнай зоры далёка грымяць...” Адказу няма! Не можа адказаць на гэтае пытанне і Васіль Рагаўцоў (“Куды ж яны зноўку лятуць?!”), паэзія якога надзвычай заглыблена ў філасофію, а таму і мы ўсё “І чакаем, і верым”, бо, гаворачы словамі паэта: “Мы з пакутаю / цянемся зноў / да вытокаў сваіх, / каранёў. / Як вандроўнік / з нялёгкай дарогі – / дамоў” [1, с. 19].

Беларуская мастацкая літаратура мае багатыя традыцыі ўмелага стварэння і выкарыстання афарызмаў, крылатых слоў. Найбольш удалыя афарызмы, як сведчыць вопыт сусветнай літаратуры, становяцца агульнавядомымі. Такім удалым прыкладам у беларускай літаратуры з’яўляецца фразеалагізм, створаны Кандратам Крапівой: “свінтус грандыёзус” – пра няўдзячнага чалавека, нахабніка. Гэта выслоўе, як прасачылі даследчыкі (І. Лепшаў, Л. Райзензон, В. Макіенка), даўно атрымала шырокую вядомасць, а яго “крылатасць выйшла за межы ўласна Беларусі”. Збіранне, вывучэнне і выданне афарызмаў беларускіх аўтараў, як адзначана ў энцыклапедыі “Беларуская мова” (Мн., 1994), – адна з наспелых, нават неадкладных задач нашай філалогіі, бо ў творах беларускіх пісьменнікаў шмат афарыстычнага матэрыялу. У гэтай сувязі варта адзначыць, што такія адзінкі ўжо ў 60-х гадах ХХ ст. часткова сабраў і сістэматызаваў нястомны руплівец на ніве беларускай лінгвістыкі Ф. Янкоўскі, стварыўшы ўпершыню ў беларускім мовазнаўстве слоўнік “Крылатыя словы і афарызмы” (Мн., 1960), у якім з літаратурных крыніц выбрана і пракаментавана больш за 200 такіх выслоўяў. У наш час такія адзінкі сістэмна і ўсебакова вывучаюцца пад кіраўніцтвам прафесара А. Махневіча (гл. часопіс “Польмя”, 2001, № 12). Гэты ж рознабакова таленавіты вучоны выдаў і слоўнік афарызмаў з твораў Якуба Коласа (больш за 500 выслоўяў), а тэматычныя падборкі афарызмаў, выяўленыя ў творах беларускай літаратуры прафесарам Н. Гаўрош і дацэнтам Н. Нямяковіч, сістэматычна друкуюцца ў часопісе “Роднае слова” з 2006 г., гл., напрыклад, №№ 5, 6, 8, а таксама №№ 2, 4, 6, 9 за 2007 год, дзе засведчаны такія выслоўі на тэмы “Сям’я, шчасце, сяброўства, каханне”.

“Чалавек і грамадства”, “Родны край” і інш. Трапныя выразы з кніг Васіля Рагаўцова, безумоўна, узбагацяць самыя розныя тэматычныя падборкі гэтых залацінак народнай мудрасці. Такімі паэтычнымі абагульненнямі, у радзе выпадкаў прэцэдэнтнымі выказваннямі, насычанымі глыбокім інтэлектуальным і інтэртэкстуальным зместам, частка якіх заснавана на падставе выслоўяў цэлай плеяды папярэдніх стваральнікаў афарызмаў, пачынаючы з часоў антычнасці, паэт Васіль Рагаўцоў творча ўзбагаціў і прадоўжыў беларускую афарыстычную традыцыю ў паэзіі, праілюстраваўшы ў сваіх зборніках глыбіню абагульняльных думак, аздобленых ідэйна-эмацыянальным разуменнем і асэнсаваннем рэалій нашай сучаснасці.

Асобна патрэбна гаварыць пра вялікі ўнёсак прафесара В. І. Рагаўцова ва ўсходнеславянскае мовазнаўства. Абсяг яго навуковых інтарэсаў: мова беларускай мастацкай літаратуры, сучасная беларуская і руская мовы (сінтаксіс), метадыка выкладання беларускай мовы, лексікаграфія (беларуская дыялектная анамастыка, беларуская тэрмінаграфія), тэрэтычнае мовазнаўства.

Ён аўтар манаграфіі “Маўленчае выражэнне камічнага ў беларускай драматургіі” (2003), навучальных дапаможнікаў “Сінтаксіс беларускай і рускай моў: дыскусійныя пытанні” (2001), “Уводзіны ў мовазнаўства” (2004), “Гісторыя мовазнаўства” (2005), “Агульнае мовазнаўства” (2006), “Практыкум па ўводзінах у мовазнаўства” (1989, 2-е выд. “Уводзіны ў мовазнаўства: практыкум”, 2003), “Уводзіны ў мовазнаўства: заданні для самастойнай работы” (1992), “Практыкум па гісторыі агульнага мовазнаўства” (2001), “Агульнае мовазнаўства: практыкум” (2007), “Агульнае мовазнаўства: заданні для тэставага кантролю” (2009), “Метады даследавання мовы” (ч. 1, 2011; ч. 2, 2012), слоўнікі “Мовы свету: энцыкл. даведнік” (2009), “Слоўнік пра камічнае: мовазнаўчы аспект” (2010), суаўтар кніг “Уводзіны ў мовазнаўства” (1987), “Моўны разбор у ВНУ і ў школе: схемы, ўзоры, заданні” (1998), “Руска-беларускі слоўнік па машынабудаванні” (1998), “Анамастычны слоўнік Магілёўшчыны” (2000), “Слоўнік мікратапонімаў Магілёўшчыны” (2004), “Мовазнаўцы Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова: агульнае і славянскае мовазнаўства (1930–2002 гг.)” і інш.

Да апошняга часу ў беларускім мовазнаўстве не было спецыяльных абагульняльных прац, манаграфій, у якіх бы максімальна поўна былі выяўлены і сістэмна прааналізаваны вербальныя сродкі стварэння камічнага эфекту ў творах беларускай драматургіі. І гэтую глабальную праблему паспяхова на завяршальным этапе свайго вельмі стваральнага жыцця вырашыў прафесар В.І. Рагаўцоў, апублікаваўшы дзве манаграфіі “Вербальныя сродкі камічнага ў беларускай драматургіі: канец XVI – пачатак XX стагоддзя” (Магілёў, 2012. – 260 с.); “Вербальныя сродкі камічнага ў беларускай драматургіі: 1920–1940 гады” (Гродна, 2015. – 254 с.); а таксама спецыфічны і вельмі патрэбны не толькі філолагам “Слоўнік пра камічнае: мовазнаўчы аспект” (Магілёў, 2010. – 172 с.). На жаль, у апошніх верхах паэта Васіля Рагаўцова было многа пра смерць, пра зямны канец. Прывядзем некаторыя фрагменты са зборніка “Імгненне і вечнасць”, якія напоўнены смуткам, глыбокім філасофскім сэнсам, які не адразу можна ўспрыняць: *Навошта і паміраць, / калі і пры жыцці як мёртвы?; [3, с. 92] Мёртвыя – не прагнуцца... / А калі прагнуцца жыць?; [3, с. 92] І мёртвых дакараюць, / і на жывых – як на мёртвых моляцца... І ўсё тыя самыя. [3, с. 87] Расстайнае курлыкканне журавоў, / сляза на ішчацэ каханай, / самотная ўсмішка матулі... / Шчымялівае. Дарагое... / Як і само жыццё [3, с. 133].*

Няхай пухам будзе яму зямля. А яго добрае імя мы будзем помніць заўсёды.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Рагаўцоў, Васіль. На раскрыжы дарог: вершы, пераклады / Васіль Рагаўцоў. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – 136 с.
2. Рагаўцоў, Васіль. Адмыслоўцы: вершы / Васіль Рагаўцоў. – Мінск : Кнігазбор, 2007. – 136 с.
3. Рагаўцоў, Васіль. Імгненне і вечнасць: вершы / Васіль Рагаўцоў. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – 176 с.

Доктар філалагічных навук, прафесар
В. В. Шур

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объёмом 14 000–25 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др., на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: ул. Студенческая, 28, 114, 247760, Мозырь, Гомельская обл.

Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе (Word 97, 2000, 2003, 2007, 2010 for Windows); шрифт Times New Roman, 10pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,27 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman, поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 30 мм. Номера страниц внизу по центру.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Далее через 1 интервал по центру помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), далее прилагаются сведения об авторе (авторах) на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество полностью;

- учёная степень и звание;

- место работы (полное название организации);

- подразделение организации (кафедра);

- должность;

- почтовый адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, e-mail каждого автора;

- для аспирантов – сведения о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

4. Далее через 1 интервал по центру заглавными буквами без переносов и отрыва предлога от существительного печатается название статьи на русском и английском языках, которое должно быть кратким, определять область проведённого исследования и соответствовать содержанию.

5. Ниже через 1 интервал печатается аннотация (**не менее 10 строк**) на на русском и английском языках, которая должна излагать содержание статьи; ключевые слова и словосочетания на русском и английском языках.

Далее с абзацного отступа печатается текст статьи со следующей структурой, обозначенной в тексте: *введение; результаты исследования и их обсуждение*; чётко сформулированные *выводы*. Дополнительно в структуру статьи после *введения* могут быть включены *цель и методы исследования*.

6. Термины, основные понятия, языковой материал для анализа или в качестве примеров печатаются **жирным шрифтом** или *курсивом*.

7. В специальной и терминологической лексике, а также в именах собственных точность передачи букв *ё* и *е* обязательна.

8. В конце статьи дается перечень принятых в статье обозначений и сокращений (при их наличии).

9. Ссылки на литературные источники нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2]). Внутри скобки, после порядкового номера ссылки, через запятую, без сокращений с. или *стр.* цифрой (или цифрами) указывается страница (или страницы) приведённой цитаты (например: [3, 14], [5, 10–12]).

10. Список цитированных источников располагается в конце текста под заголовком «СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ»/«СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ» и оформляется в соответствии с правилами оформления библиографического списка диссертационного исследования по ГОСТ 7.1–2003.

11. Распечатанный вариант статьи подписывается автором (авторами) и руководителем научного исследования на каждой странице.

12. К статье прилагаются:

а) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения (выписка из протокола заседания);

б) заверенная печатью рецензия независимого (внешнего) специалиста в данной области, имеющего учёную степень;

в) электронный вариант статьи;

г) договор о передаче авторского права в двух экземплярах (см. на сайте УО МГПУ имени И.П. Шамякина: www.mspu.by);

д) сопроводительное письмо от ректора или проректора по научной работе вуза или научно-исследовательского учреждения (для иностранных граждан).

Материалы иностранных граждан – работников вузов или научно-исследовательских учреждений – принимаются при наличии заключенных договоров о международном сотрудничестве.

Редакционная коллегия журнала проводит независимую экспертизу, что является одним из основных условий опубликования поступающих рукописей. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. В случае отклонения статьи редакция сообщает автору о решении редколлегии, рукопись автору не возвращается. Решение о доработке статьи не означает, что она принята к печати. После доработки датой поступления рукописи считается день предоставления в редакцию исправленного варианта.

Редакция оставляет за собой право отклонить статью без объяснения причин, если значительная часть ее содержания не соответствует профилю журнала.

Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов или докторантов в год завершения их обучения или соискателей перед защитой.

Просим авторов учесть положение ВАК о недопустимости предлагать редакции ранее опубликованные статьи или работы, принятые к печати другими изданиями, а также материалы, не подлежащие к опубликованию в открытой печати, в соответствии с действующими законодательными актами Республики Беларусь.

За опубликование научных статей плата не взимается.

В «Правилах» возможны изменения, с которыми можно ознакомиться на сайте вуза.

Редколлегия

Е-mail vesnik.mgpu@mail.ru

www.mspu.by

Тел. 8(0236)32-46-29

Галоўны рэдактар

В. В. Валетаў, доктар біялагічных навук

Рэдакцыйная калегія:

Наўныка В. М., намеснік галоўнага рэдактара, канд. ф.-м. н.,
Шур В. В., д-р філал. н. (адказны за рубрыку «Філалагічныя навукі»),
Галенка С. М., канд. пед. н. (адказны за рубрыку «Педагагічныя навукі»),
Катовіч І. В., канд. біял. н. (адказны за рубрыку «Біялагічныя навукі»),
Болбас В. С., канд. пед. н.,
Зайцава Н. У., д-р пед. н.,
Коваль У. І., д-р філал. н.,
Кулак Г. У., д-р ф.-м. н.,
Кураш С. Б., канд. філал. н.,
Парфёнаў В. І., д-р біял. н.,
Русецкі В. Ф., д-р пед. н.,
Савенка У. С., д-р т. н.,
Сузько А. У., канд. філал. н.,
Усеня У. У., д-р с.-г. н.,
Шапялевіч В. В., д-р ф.-м. н.

Заснавальнік
Установа адукацыі

«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»

Адрас рэдакцыі:
вул. Студэнцкая, 28,
247760, Мазыр, Гомельская вобл.
Тэл.: +375 (236) 32-46-29

Карэктар *Л. В. Жураўская*
Камп'ютарная вёрстка *А. В. Ліс*

Падпісана да друку 14.11.2016. Фармат 60 x 90 1/8. Папера афсетная.
Рызыграфія. Ум. друк. арк. 18,38.
Тыраж 100 экз. Заказ № 414к/16

Установа адукацыі «Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна».
Вул. Студэнцкая, 28, 247760, Мазыр, Гомельская вобл.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі сродку масавай інфармацыі № 1233 ад 08.02.2010,
выдадзенае Міністэрствам інфармацыі Рэспублікі Беларусь.

Установа адукацыі «Беларускі гандлёва-эканамічны ўніверсітэт
спажывецкай кааперацыі».
Проспект Кастрычніка, 50, 246029, г. Гомель.
ЛП № 02330/463 ад 23.03.2014 г.
Тыраж 100 экз. Заказ № 414к/16 ад 14.11.16 г.

Меркаванні, выказаныя аўтарамі,
могуць не супадаць з пунктам погляду рэдакцыі

© УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2016